

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ-1976

5

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 5

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

БАКУ — 1976

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Адрес редакции: 370602, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Н. З. ГАДЖИЕВА

О ТЕНДЕНЦИЯХ В РАЗВИТИИ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО СТРОЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Выявление общих тенденций в развитии морфологической структуры тюркских языков, так же как и фонетической их структуры, не было до сих пор предметом специальных разработок.

Подобно тому как в историческом изменении звуков можно отметить определенные линии закономерностей, так и изменение значений также происходит не хаотически, а в соответствии с некоторыми собственными закономерностями. Поэтому при знании значения определенно-го характера можно предположить потенциально возможные линии его дальнейшего развития. В общелингвистической литературе последних лет делаются вполне обоснованные попытки рассматривать развитие значений как импульс морфологических изменений. В связи с этим постулируются три наиболее типичных случая развития значений грамматических форматов: 1) возникновение новых значений совершается в рамках одного формата; 2) новые значения образуются путем объединения значений двух самостоятельных форм; 3) новое значение образуется в результате соединения нескольких формантов с разным значением¹.

Эти потенциально возможные пути развития значений аффиксов подтверждает материал тюркских языков. Еще относительно недавно в современной тюркологической литературе господствовала гипотеза о происхождении аффиксальных морфем в тюркских (resp. алтайских) языках из самостоятельных слов, прошедших стадию полисинтетического комплекса. Мнение о развитии агглютинативных показателей из самостоятельных слов разделяется Н. К. Дмитриевым², А. М. Щербаком³, М. А. Черкасским⁴ и др.

А. Н. Кононов, вслед за О. Н. Бётлингком и В. В. Радловым, совершенно справедливо отмечает, что лишь незначительное число аффиксов может быть возведено к самостоятельным словам⁵. При этом он опирается на положение В. В. Радлова о том, что одним из возможных путей

¹ См.: Б. А. Серебренников. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974, стр. 158.

² Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948.

³ А. М. Щербак. Способы выражения грамматических значений в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1957, № 1, стр. 19.

⁴ М. А. Черкасский. Тюркский вокализм и сингармонизм. М., 1965.

⁵ О. Böhlingk. Ueber die Sprache der Jakuten. СПб., 1851; W. Radloff. Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie Türksprachen. СПб., 1906, стр. 22; А. Н. Кононов. О фузии в тюркских языках. — «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 109.

образования аффиксов был процесс гиперагглютинации, при котором корень и аффикс спаиваются настолько прочно, что совершенно утрачивают способность к разделению, с течением же времени живой аффикс становится аморфным и дополняется новым⁶. В связи с этим А. Н. Кононов с полным основанием утверждает, что большинство тюркских формо- и словообразующих аффиксов обязаны своим происхождением не превращению лексической единицы в аффиксальные морфемы, а фузии, то есть прочному слиянию (сплавлению) двух или нескольких однофемных морфем в единое сложное целое⁷.

Соединение двух однозначных аффиксов в единый сложный аффикс, повторяющий значение и функции составляющих его морфем, отмечали В. Банг, Г. И. Рамстедт, Э. В. Севортян, Б. А. Серебренников и др. Убедительные иллюстрации этого не случайного, а типичного фонетического процесса содержатся в работах А. Н. Кононова⁸. Многочисленные случаи фузионного развития формо- и словообразующих аффиксов позволяют считать это явление вполне определенной закономерной, постоянно развивающейся тенденцией.

1. Гипотеза двухморфемного состава аффикса множественного числа *-lar/-ler* ($< *l + g$ — оба аффикса множественного числа) выдвинута алтаистами Н. Поппе и Д. Синором и поддержана А. Н. Кононовым и Б. А. Серебренниковым. Одним из доказательств возможного самостоятельного существования морфемы *-la* является наличие форм множественного числа с усеченным *г* типа *atla* вм. *atlar*. Кроме того, аффикс собирательной множественности *-l* встречается в роли составного элемента других сложных по своему составу аффиксов собирательной множественности, таких, как *-laq* (*-lāk*): *ašlaq* 'кушанья', тат. *наратлык* 'сосняк'; аффикса числительных собирательных *-la* (*n*)/*-le* (*n*); аффикса комитатива *-la* (*-le*⁹). Второй составной элемент сложного аффикса *-lar*, а именно *-г* ($^{\circ}г < *г' \sim *z$) как показатель собирательности — коллективности $>$ множественности сохраняется в чувашском языке: 1) в двух личных местоимениях: *эрĕ*, *эр* ($< *bi$) 'я' $\sim$ *эрĕ-г*, *эр-ig* (ср. *bi-z*) 'мы', *эсĕ*, *эс* ($< *si$) 'ты' $\sim$ *эсĕ-г*, *esig* (ср. *si-z*) 'вы', 2) в двух аффиксах принадлежности: 1-е лицо множественного числа *-(ă)m-ăg/-ĕm-ĕg* (ср. общетюрк. $^{\circ}m^{\circ}z$): *tus-ăm-ăg* 'наш друг'; 2-е лицо множественного числа: *-ăg/-ĕg* ($< *^{\circ}yig$; ср. др.-тюрк. *-iy -iz < iŋ + iz*): *tus-ăg* 'ваш друг'; 3) в личных формах глагола: императив 2-го лица множественного числа *turăg* 'найдите'¹⁰. Ср. еще аффикс принадлежности 2-го лица множественного числа алт. «уряньхайск.» *-yar/-ger*: *ada-yar* 'ваш отец', чув., хакасск., кирг. $^{\circ}nar/^{\circ}ner$: *ata-nar* 'ваш отец'. П. Маркварт предполагает наличие показателя собирательной множественности *-r* в этнониме *tatar* 'татарин' (из *tata + r*)¹¹.

2. Сложным морфемным составом отличается и чувашский аффикс множественного числа *-sem*, в котором можно выделить аффикс собирательной множественности *-s* (*kil* 'дом', *kilsem* 'дома'). Этот же элемент *-s* можно выделить в аффиксе собирательной множественности *-sar*, например, *jumănsar* 'дубняк' от *jumăn* 'дуб'¹²; а также в составе довольно редкого аффикса собирательной множественности *-sa*, например, азерб.

⁶ W. Radloff. Указ. раб.

⁷ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 116.

⁸ См.: А. Н. Кононов. Показатели собирательности — множественности в тюркских языках. Л., 1969.

⁹ В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, стр. 112, 322—323; N. Porre. Plural Suffixes, стр. 72—73.

¹⁰ А. Н. Кононов. Показатели собирательности — множественности., стр. 7—8.

¹¹ См.: Там же, стр. 9.

¹² «Материалы по грамматике современного чувашского языка». Чебоксары, 1957, стр. 52.

гумсал 'песчаное место', 'пески' от *гум* 'песок', *avsal* 'место, изобилующее дичью' и т. д.¹³

3. *-dyg/-dik, -dug/-dük, -tyg...* (<°D/-°T+°g) образует причастие, представляющее собой глагольное имя на *-q* от вторичной глагольной основы на *-d, -t*¹⁴.

4. *-yaп/-qap; -gän/-kän*, а также вариант этого аффикса с узкими гласными: *-yup/-gup, -yup/-gup* образует причастие, являющееся контаминацией причастных образований на *-k+ap*¹⁵. Аффикс *-k* лег в основу многих производных причастных образований (ср. *-kşy, -galak, -yly, -yта* и др.).

5. Двухморфемное сращение представляет собой и показатель *-tuş/-miş, -tuş/-miş*, то есть *-m+-(y)ş*, а также *-lyk/-lik*¹⁶.

6. Фузионному процессу подвержены и разнофункциональные, и однофункциональные аффиксы, нередко образующие длинные цепочки. Ср. уменьшительные аффиксы типа: др.-тюрк. *ақ-сы-ра-қ* 'беловатый', каз. *киш-ке-н-тай* 'малюсенький', тур. *ev-se-ğ-iz* 'домик', узб. *қиз-ги-на* 'девочка', *сары-м-ты-ра-қ* 'желтоватый' и т. д.¹⁷.

Многие словообразовательные аффиксы в тюркских языках представляют собой результат фузионного развития. Ср. еще афф. *-yи-ç, -та-ç, -yaç, -ç-aq, -aç-aq*, или афф. многократного действия *-ş-tyg*. Последний разлагается на аффикс многократного действия *-ş* (ср. тат. *aldaş-* 'заниматься обманом, надувательством', тур. *şugruşmaq-* 'бить крыльями') и аффикс *-tyg*, в свою очередь состоящий из аффиксов *-t* и *-yg*, сохранивших в реликтовом состоянии значения многократности действия¹⁸.

Следует особо подчеркнуть, что вопросы морфологического развития слова должны ставиться и решаться в двух аспектах — морфологическом и семантическом. Как отмечалось выше, новые значения возникают как в рамках одного форматива, так и путем объединения значений двух самостоятельных форм. В тюркологической литературе нашли отражение наблюдения, свидетельствующие о том, что аффиксы понудительного залога *-t, -tyg* и *-ig* исторически возникли из аффиксов многократного действия в результате переосмысления их значения¹⁹.

Можно отметить семантическую тенденцию превращения значения собирательной множественности в значение уменьшительности. Собирательная множественность имен включает в себя одновременно как понятие известной совокупности, так и подробности. Дробность легко могла быть ассоциирована с понятием уменьшительности, чем и объясняются широко распространенные случаи переосмысления аффиксов собирательной множественности как аффиксов уменьшительности²⁰. Ср. тюрк. *oуlap* 'сын', 'парень', тел. *ulaпaq* 'мальчонка'²¹; чув. *сёт* 'молоко', *сётёк* 'молочко'²² и т. д.

Материал тюркских языков наглядно иллюстрирует тенденцию использования аффиксов собирательной множественности в роли аффиксов

¹³ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 178.

¹⁴ Г. И. Рамstedt. Введение в алтайское языкознание..., стр. 139.

¹⁵ Там же, стр. 134.

¹⁶ Литература по этому вопросу указана в кн.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 127.

¹⁷ А. Н. Кононов. О фузии в тюркских языках, стр. 118—119.

¹⁸ См.: Б. А. Серебренников. Исторические загадки глагольного аффикса *-ştyg* в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1975, № 3.

¹⁹ Там же, стр. 21.

²⁰ Б. А. Серебренников. Вероятностные обоснования в компаративистике, стр. 167.

²¹ Г. И. Рамstedt. Введение в алтайское языкознание..., стр. 187—188.

²² «Материалы по грамматике современного чувашского языка», стр. 56.

прилагательных для обозначения либо ослабленного качества, либо повышенной степени качества. Ср. использование аффикса собирательной множественности -с: азерб. *узун-ча* 'длинноватый', кирг. *ак-ча* 'беловатый'; использование аффикса собирательной множественности -q (-k): узб. *паст-ак* 'низенький', чув. *пыл-ак* 'сладковатый'; тат. *яхшы-рак* 'лучше'; использование аффикса -l (-л): тур. *ак-çil* 'беловатый', *gök-çül* 'голубоватый' и т. д.

Помимо закономерных тенденций семантического развития, общих для многих языков мира (использование аффиксов собирательной множественности для выражения процесса, связанного с постепенным образованием определенного качества, возникновение аффиксов сравнительной степени из аффиксов прилагательных, обозначающих повышенную степень качества, использование прилагательных как источников образования причастий, а причастий как исторических источников личных глагольных форм), в тюркских языках проявлялись и проявляются многообразные тенденции, характерные для морфологического типа именно этих языков, на которых мы и остановимся в последовательности, соответствующей изложению тех или иных морфологических категорий.

Характеризуя грамматические категории, связанные с именем, коснемся тенденций развития, относящихся к показателям числа. Имеется целый ряд прямых и косвенных свидетельств того, что категория числа, не находящаяся в тюркских языках полного выражения, возникла исторически позже категории лица. Это подтверждается и тем, что согласование в числе ограничивается лишь сферой связей между подлежащим и сказуемым. В группе же определение — определяемое согласование в числе обычно не производится (ср. *яхшы гызлар*). Если тюркское слово обозначает целую категорию, то при количественных числительных существительное ставится в единственном числе, что является нормой для всех тюркских языков²³ (ср. *беш китаб* 'пять книг').

Материал тюркских языков указывает на то, что согласование в числе между подлежащим и сказуемым имеет много условностей и ограничений (при неодушевленном подлежащем во множественном числе стоит предикат в единственном числе: кирг. *булуттар сүрүлүптүр* 'облака рассеялись' или если подлежащее — собирательное слово, то предикат обычно стоит в единственном числе: турк. *Догры, китабын гадрыны хемме киши, билйар* 'Верно, цену книге все люди знают' и т. д.).

Ограничения в согласовании в числе иногда не связаны с семантическими условиями. Так, например, в казахском языке 3-е лицо, как правило, не оформляется специальным окончанием и совпадает с формой единственного числа: *Ол сатады* 'Он продаст/продает' и *Олар сатады* 'Они продадут/продают'²⁴. В карачаево-балкарском языке при подлежащем 3-го лица сказуемое согласуется с ним в числе факультативно. *Ала студентдиле* и *Ала студентледиле* 'Они студенты' (Дм. строй, 359). То же самое в киргизском: *Алар окуучу/Алар окуучулар* 'Они ученики' (Бат. Сп. вып., 11).

Материал диалектов тюркских языков подтверждает тот факт, что ослабление согласования в числе — существующая живая тенденция. Например, в восточной группе диалектов азербайджанского языка, в муганских говорах 3-е лицо может и иметь, и не иметь показатель *-лар*: ср. *бахдылар* и *бахды* (Рустамов, 1965, 194); муганск. *Олар дүнән шәр-дән гајытды* (Муганск, 149).

В тюркских языках такого рода тенденция поддерживается и наличием особых способов выражения множественности при глаголах. Вме-

²³ См.: Н. К. Дмитриев. Категория числа. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», II. М., 1956.

²⁴ «Современный казахский язык». Алма-Ата, 1962, стр. 328.

сто специального аффикса числа ставится аффикс взаимного залога при единственном числе. Ср. кирг. *паркка киришти* 'они вошли в парк', уйг. *колхозчилар болишиду* 'колхозники собрались'.

Есть основания полагать, что семантическим условием развития членимого множества была собирательность. Не случайно формально выраженная множественность становится показателем дифференцированности предметов, а тем самым их определенности. Ср. тур. *Pencereler açiktırlar* 'определенные (заранее известные) окна открыты' (Кононов, 1956, 379). Собирательная множественность не потребовала согласования во множественном числе, так как она содержит понятие некоторой единичности (ср. тат. *кирпич бар* 'кирпич есть'). Несомненно, процесс развития множественности на базе собирательности имел в разных тюркских языках свои особенности. Согласованию глагольных форм в числе могли препятствовать факторы просодические — создание ритмически неудобных форм (ср. тат. *бара* и *баралар*). Ограничения согласования в числе у глагола в какой-то мере могут быть объяснены и действием закона отталкивания от омонимии, поскольку в тюркских языках показатель множественности одинаков у имени и глагола. А сама тенденция развития идеи множественности на базе собирательности доказывается происхождением аффикса *-lağ*. Таким образом, нам представляется достаточно обоснованной гипотеза В. Котвича, который сближает аффикс *-lağ* с аффиксом комитатива *-lap* и включает его в гнездо с этимологически родственными ему вариантами: аффикс *-layu* и *-layıp* со значением сходства: аффикс сравнительного падежа *-lai*, *-dai*²⁵ и пр. Очевидно потому, что и сам аффикс *-lağ* первоначально был показателем не множественности, а собирательности.

Известные закономерные тенденции можно отметить и в развитии падежной системы тюркских языков. Анализ ее в ретроспективном плане позволяет выделить закономерную тенденцию к сокращению местных падежей (лативов, терминатива). Сравнительно-исторический метод с использованием данных ареальных исследований восстанавливает локальные падежи, многие из которых в настоящее время сохранились в виде рудиментов. Направительный падеж на *-ça* довольно широко был распространен в общетюркскую эпоху, о чем свидетельствуют его реликты во всех группах современных тюркских языков; наряду с направительным он имел и терминативное значение, выражая движение до какого-либо предела. Ср. хак. *köğisçe* 'по грудь', тат. *үлгәнчә* 'до смерти' и т. д. В результате действующей тенденции к фузии падеж на *-ça*, контактируясь с синонимичным ему направительным падежом на *-ga*, образовал в татарском, узбекском и уйгурском языках показатель *-gaça* (ср. тат. *стенагача сузу* 'дотянуть до стены' (Зак., 126—127), узб. ... *кечагача давом этди* (Шарип. Саод., 7) 'продолжалось до полуночи'.

Со временем вышел из употребления и направительный падеж на *-aγu/-yaγu*. Последний вариант *-yaγu* — результат фузионного сплавления тождественных показателей *-ya* и *-γu*. Зафиксированный в живом употреблении в ранних тюркских памятниках (ср. др.-тюрк. *ābirγū* 'по направлению к моему дому' (Рамстедт, 44), латив на *-γu/-yaγu* сохранился в реликтовом состоянии в наречных образованиях. Ср. тур. *içerî* 'внутри', *dışarı* 'наружу' и более старые образования: *taşqaru*, *içkägü* и т. д.

До настоящего времени лишь в реликтовом состоянии сохранился латив на *-n*. Он имеется в окончаниях некоторых послелогов, а также в аффиксе исходного падежа *-dan*. Ср. чувашск. послелог *таран*, означающий 'до', татарск. *табан* 'до', ногайск. *тамаган* 'к' и чувашск. послелог-

²⁵ В. Котвич. Указ. раб., стр. 110—116.

аффикс *-чен (-ччен)*, указывающий на предел, ограничение во времени какого-либо действия, например: *tāxār sehetçen* 'до девяти часов'. Терминатив на *-п*, очевидно, сохраняется и в особой форме дательного падежа типа *тагап*, зарегистрированной во многих диалектах тюркских языков Средней Азии. Ср. каз. диал. *маған* 'мне', *саған* 'тебе', *оған* 'ему', узб. диал. *маған*, *саған*, *уган*. Сокращение лативов компенсировалось развитием конструкций с послелогами, служебными словами, более конкретно передававшими различные оттенки локальных отношений.

В тюркских языках наблюдается тенденция к угасанию инструментального падежа (инструктива). Инструктив в живом его употреблении зарегистрирован в ранних памятниках древнетюркской письменности. Ср. «Кутадгу билиг»: *Tiläğin pä ärsä. tilin, aï özün!* (251) 'Все, что ты желаешь, выскажи ты сам своим языком' (Мал. Пам., 276). В современных тюркских языках сохранились отдельные реликты инструктива. (Ср. образования типа тур. *kışın* 'зимой', *yaşın* 'летом'). Остатки инструментального падежа имеются и в некоторых образованиях современного чувашского языка. Ср. *Аллăн пар та уран ут* (посл.) 'Руками отдай, а ходи ногами'. Остатки древнего инструментального падежа В. В. Радлов усматривает в якутском показателе совместного падежа *-лыын*, возникшего якобы из древнего инструментального падежа прилагательных на *-lyk/-lux* с приращением аффикса *-уп* (*агалыын* < *ага* + *лыг* + *ын*)²⁶. Живые диалекты тюркских языков сохраняют следы инструктива на *-уп*. Ср. западный диалект казахского языка: *қолын* вм. *қолымен* 'рукой' (Аманжолов, 317); барабинский диалект западносибирских татар: *çäyni cötï йугын щәтiм* 'я пью чай без молока' (Тумашева, 1969, 33).

Древний инструктив (*instrumentalis*) исчезал в тюркских языках благодаря развивавшимся его грамматическим аналогам, кроме того, на базе его возникали другие падежные образования. Сравните упомянутый выше комитатив (совместный падеж) в якутском языке, а также родительный падеж. В языках огузской группы аффикс родительного падежа полностью совпадает с аффиксом инструктива. Оформление родительного падежа во всех языках, кроме якутского, в основном завершилось в общетюркскую эпоху. Доказательством такого относительно позднего оформления этого падежа является не только его отсутствие в якутском, но и сохранившиеся в различных тюркских языках следы былой возможности выражать простым соположением слов, способом примыкания те отношения, которые в других языках выражаются обычно родительным падежом.

В качестве грамматических аналогов, вытеснивших инструктив, можно назвать следующие показатели: а) постпозитивный элемент *la*, имеющий комитативное значение, ср. саларск. ... *palälä oipamēš* '... играл с детьми' (Тен. Сал., 15); азерб. *өз эли илэ тикиб* 'построил своими руками'; б) имя с послелогом *биле||билен*, имеющее комитативное, инструментальное значение. Ср. кар.-балк. *башы бла белги берди* (Э. Гурт. Тенг., 15) 'подал знак головой'; в) имя с послелогом *минән||мен||ман*. Ср. кирг. *канаты менен, куйругу менен* 'крыльями, хвостом'; имя с послелогом-аффиксом *-лан||-нан||-нән*. Азерб. диал. *атнан* 'с лошадей', *сөзнән* 'словом' (Джангидзе, 85, Муганск., 106); турк. *үчлен* 'втроем'.

В чувашском языке древний инструктив был вытеснен творительным падежом на *-на (-не)*²⁷. Исчезновение инструктива компенсировалось в тюркских языках широким развитием служебных и послеложных конструкций (ср. конструкции со служебным словом *тараф* и др.).

²⁶ См.: Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Якутск, 1947, стр. 113.

²⁷ «Материалы по грамматике современного чувашского языка». Чебоксары, 1957, стр. 22.

В развитии морфологического строя тюркских языков действовала тенденция, известная и по другим языкам, а именно, связанная с необходимостью различения падежа субъекта и падежа объекта, однако в тюркских языках она не была столь активной, как в других языках, поскольку нежелательная омонимия форм именительного и винительного падежей в известной мере устранялась действием одного из типичных законов агглютинативного строя — определение + определяемое. Само проявление этого закона поддерживало препозицию объекта, дифференцировало синтаксические функции членов предложения. Однако в тюркских языках (как и в монгольских и некоторых финно-угорских) наблюдается явная связь аффикса винительного падежа с определенностью объекта действия.

В развитии падежной системы в тюркских языках действует и другая общая тенденция — создание более четких падежных показателей. Ср. падежные показатели -пуп, -пу, -га, по своей языковой выразительности имеющие явные преимущества перед показателями -уп, -у, -а. Эта тенденция в той или иной группе родственных языков обладает собственной спецификой проявления. Следует учитывать и параллельное действие сопряженной тенденции к устранению вариативности основ. Так, например, падежный показатель -га имел преимущества перед -а, поскольку устранял омонимию основ на -а. (Ср.: *ата* 'отец' и *ата* 'к лошади').

Наблюдения показывают, что в процессе языковой интерференции легче усваиваются коммуникативно удобные грамматические показатели. Не случайно, например, диалекты туркменского языка отражают сильную вибрацию огузских и кыпчакских форм винительного и дательного падежей (кырачский, човдурский и др.).

В тюркских языках наблюдается тенденция к известному разрушению аффиксов принадлежности и к замене их формой родительного падежа. Ср. модель типа татарск. *минең ат*, которая могла существовать на поздних этапах пратюркской общности, возникнув в связи с развитием родительного падежа. Кроме того, в ряде тюркских языков, особенно в 1-м лице, наблюдаются случаи опущения аффикса принадлежности у определяемого имени. Ср. гаг. *бизим мемлекет* 'наша страна', чув. *пирён ял* 'наша деревня'. Эта относительно новая тенденция проявляется в живой речи, в диалектах, ср. дманисск. говор азерб. *мәним гыз* 'моя девочка', *сизин шәр* 'ваш город' (Джангидзе, 69). Появление такого рода модели может быть объяснено не только стремлением языка избежать плеоназма, но и усечением аффикса принадлежности под влиянием контактирующего языка, например, русского.

Определенные тенденции развития связаны с такой характерной для тюркских языков категорией, как изафет, являющийся ключом к пониманию многих других морфологических и синтаксических категорий. В современной лингвистической литературе выявлена имплицативная связь: если в языке развиты изафетные конструкции, то прилагательные употребляются значительно реже. В тюркских языках прилагательных значительно меньше, нежели в русском и западноевропейских языках, потому что в изафетных конструкциях имя существительное может приобретать значение прилагательного, ср. тат. *урман елгасы* 'лесная речка' (букв.: 'лес речка его')²⁸, азерб. *дәмир гапы* 'железная дверь'. Проявляющаяся сильная тенденция к адъективизации первого члена доказывает возможность раздвижения его словом *бир*²⁹.

²⁸ Б. А. Серебрянников. Вероятностные обоснования в компаративистике, стр. 297.

²⁹ См.: Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, стр. 108.

Семасиологические условия употребления 1-го типа изафета могут быть неодинаковыми в отдельных тюркских языках, но тенденции в его употреблении для большинства тюркоких языков общие — это факты употребления 1-го типа по всем условиям употребления 3-го типа, а также слабое смысловое разграничение и конкуренция между 1-м и 2-м типами изафета. Ср. в кумыкском параллельное употребление *сайлав участкалары* и *сайлав участкалар*³⁰, азерб. *чәкмә тикән* 'сапожная мастерская', каз. *ай жарық* 'лунное освещение' (первый член сильно адъективизирован) и т. д.

Следует указать и на семантическую тенденцию в употреблении изафета 2. Существовавший уже в раннем периоде пратюркской общности 2-й тип изафета со временем расширил семантические условия своего употребления — от наиболее архаичного значения принадлежности к значению родовой категориальности, а затем к средству связи, соответствующему иногда русским кавычкам. Ср. тур.: «*Gidelim*» *kelimesi çıktı* 'Оброилось слово «Пошли»'.

В тюркских языках, как известно, существуют две серии личных окончаний: одна обслуживает формы настоящего времени и перфекта, другая характеризует формы прошедшего времени с показателем *-du/-di*. Ср. каз. *ала-мын*, *ала-мыз*, но *алды-м*, *алды-ң* и т. д. В прошедшем на *-du* основная функция личных окончаний — показателя прошедшего времени — также была достаточно ослаблена, поскольку существует специальный показатель прошедшего времени *-du*. Это обстоятельство послужило стимулом для смешения в тюркских языках двух серий личных окончаний. Ср. татарскую форму 1-го лица единственного числа настоящего времени *алам* 'я беру' (из *аламын*). Окончание *-м* фактически относится ко второй серии личных окончаний, ср. *алдым* 'я взял'. Более значительно смешение двух серий личных окончаний в чувашском языке, ср. чувашск. *сырат-ән* 'ты пишешь' и *сырт-ән* 'ты написал', *сыра̣т-а̣р* 'вы пишете' и *сырт-а̣р* 'вы написали'.

Особые личные окончания прошедшего времени на *-du* являются слабым звеном в системе тюркского глагола, ибо в них: 1) отсутствует специфическая функция указания на прошедшее время, поскольку у прошедшего времени есть свой показатель *-du*; 2) во многих случаях личные окончания прошедшего времени омонимичны притяжательным аффиксам. Но особенно наглядно слабость этой системы выявилась при контактировании, например, саларского и китайского языков. Э. Р. Тенишев зарегистрировал отсутствие спряжения по лицам и числам в саларском языке. Причину этой редкой аномалии он объясняет действием внешних факторов — ср. салар. *теп а̣з̣и* 'я взял', *сеп а̣з̣и* 'ты взял', *ви а̣з̣и* 'он взял'³¹ и т. д. Таким образом, саларский язык под влиянием китайского утратил личные окончания. Этому могли содействовать и внутренние стимулы в развитии системы. Возможно, что эта утрата первоначально произошла в формах прошедшего времени, так как именно там эта система была особенно слабой. По аналогии с прошедшим временем отпали окончания и в настоящем времени.

В тюркских языках наблюдается общая тенденция, проявляющаяся во многих языках мира, к исчезновению личных окончаний 3-го лица единственного числа. Отсутствие личного окончания в 3-м лице единственного числа для тюркских языков является типичным. Ср. общетюркск. *алды* 'он взял'. Тенденция к сокращению личных окончаний относится и к именному сказуемому и особенно ярко проявляется в живой речи. Ср. азерб. диал. фольк. *Сән аға, мән аға, инәкләри ким саға?* (Аталар сөзү).

³⁰ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 181.

³¹ Э. Р. Тенишев. Саларский язык. М., 1963, стр. 23, 33.

Как известно, в языке могут действовать одновременно противоположные тенденции, причем действие одной из них способно нейтрализовать действие другой. Тенденция к упрощению форм сталкивается со стихийной тенденцией, постоянно создающей коммуникативные неудобства. И из этой массы перекрещивающихся тенденций могут выступать закономерные линии развития, дающие возможность построить гипотетические прогнозы и на будущее. Иллюстрацией к этому может служить история связки в тюркских языках.

Анализ морфологической структуры тюркских языков показывает, что категория сказуемости в плане настоящего времени имеет довольно разнообразные способы выражения как в современных тюркских языках, так и в памятниках. Категория сказуемости в сфере прошедшего времени отличается большим единообразием. Во всех современных тюркских языках единым способом выражения категории сказуемости в прошедшем времени является недостаточный глагол $\ddot{a}$ -||i-, принимающий личные аффиксы второй категории (принадлежности) — недостаточный глагол *edi, idi*, который может трансформироваться до аффикса *-dy*. Дошедшие до нас памятники и живые диалекты тюркских языков сохраняют формы недостаточного глагола (в его раннем фонетическом варианте $\ddot{a}$ -||- $\ddot{a}r$) в сфере не только прошедшего, но и настоящего времени. Как известно, все эти реликтовые образования (орхон. $\ddot{a}r\ddot{u}g$, $\ddot{a}rk\ddot{a}n$, уйг. $\ddot{a}r\ddot{m}\ddot{a}z$, якут. $\ddot{a}r\ddot{a}g$, кирг., каз. *emes* и др.) В. Котвичем, а вслед за ним И. Экманом (ср. парадигму *er\ddot{u}tmen, er\ddot{u}rsen* и т. д.) сведены в таблицы³².

Не касаясь в данной статье вопроса реконструкции пратюркского состояния связки настоящего времени, мы хотели бы отметить сложившуюся в истории тюркских языков тенденцию к угасанию этой связки. С течением времени она вытеснялась другими, заменяющими ее элементами, а именно — разрушалась под влиянием семантически однородных явлений. Подобный процесс известен и в языках другого типологического строя. Однако применительно к тюркским языкам он отличается своеобразием. Материал современных и древних тюркских языков свидетельствует о существовании значительного числа грамматических аналогов связки настоящего времени, благодаря которым последняя и была вытеснена; сюда относятся: а) широкое использование личных местоимений, которые, подчиняясь действующему закону сингармонизма, претерпевали процесс фонетической трансформации, переходя в разряд аффиксов; б) наличие связки *tur||turur*; обобщение 3-го лица и использование его во всех лицах немало способствовало разрушению и вытеснению связки $\ddot{a}$ -; в) существование развитой в тюркских языках системы притяжательных аффиксов, имплицитно содержавших понятие связки; г) использование слов *bağ* и *jоq* в тюркских языках с близкими к связке значениями, а это способствовало тому, что в некоторых тюркских языках данные слова образовали с аффиксом сказуемости полную парадигму; ср. караимск. *Мен бар-м(ен) карай, сен бар-с(ен) карай* 'Я есмь караим, ты (еси) караим' (Мус. Гр., 310); гагаузск. *ниж\ варым* 'какой я есть' (Покр. Гр., 154); д) использование вспомогательного глагола *ol/bol* в качестве связки настоящего времени и т. д.

Одним из доказательств неустойчивости связки настоящего времени и процесса ее вытеснения является наличие в отдельных тюркских языках и их памятниках контаминированных связочных средств: ср. *пар ер* и *йоq ер* 'не есть' (Мал. Жел. уйг., 189), *бар+турур* (Ш. Гр., 118), *јоq+турур* (Мал. Пам., 159), *кижи мен* (Исх. П., 223) и т. д.

³² В. Котвич. Указ. раб., стр. 281; I. Eckmann. Chagatay Manual Bloomington, 1966, стр. 130.

Тенденция к взаимозаменяемости серий окончаний в 1-м лице множественного числа -z и -k особенно проявляется в диалектах тюркских языков. Ср. кирг. диал. -чубуз||-чук: чыкчубуз и чыкчук 'мы выходили'; горноалт. ойнодыбыс и ойнодык 'мы играли', узб. курам. гов. келдѣмѣз и келдѣк 'мы пришли' и т. д.

Последовательно выступает тенденция к смешению окончаний повелительного и желательного наклонений, а также повелительного и собственно личных окончаний изъявительного наклонения. Ср. показатель -пуз/-үүз, используемый и в сфере повелительного, и изъявительного наклонений: турк. алярсыңыз 'вы берете', каз. диал. келесіңіз/келесіздер/келесіңдер 'вы придете'; тат. диал. аласығыз 'вы берете'; башк. диал. барырсығыз 'вы пойдете', алт. аларығар 'вы берете' и т. д., и формы повелительного наклонения; кирг. диал. алыңыз 'берите', тюмен. говор кылып пирегес 'сделайте'.

Есть основания полагать, что показатель -k в парадигме спряжения временных форм типа азерб. аларыг 'мы возьмем', туркм. диал. гидерик вм. гидерис 'мы уйдем', очевидно, дезидеративного происхождения. Показатель множественного числа -k мог быть перенесен в схему индикатива из дезидеративных форм типа алт. парак 'пойдемте-ка', башк. алайык 'давайте возьмем'. Гипотетически можно предположить, что в дезидеративных образованиях -k представлял собой какой-то модальный элемент, имеющийся и в конструкциях типа каз. оқығым келеді 'хочу учиться', узб. диал. ухлэгѣм келдѣ 'мне хочется спать' и др. Впоследствии элемент k/g мог быть переосмыслен как личное окончание.

Сравнительно-исторический анализ тюркской временной системы в ретроспективном плане показывает, что наиболее хронологически ранний период тюркской общности характеризуется относительно ограниченным числом общих форм (-du, -г, -а — форма повелительного наклонения, совпадающая с основой глагола; -а, -ај, -гај — форма желательного наклонения с ее большим гнездом форм). Вероятно, позже возникла форма на -гап, закрепившаяся за большим кыпчакским ареалом, и форма на -туѣ — за огузским ареалом. После распада пратюркской общности, в период самостоятельной жизни отдельных тюркских языков, развивались временные формы, образующие большие или меньшие ареалы. Ср. сибирские формы на -ѣа, -galak, огузск. -талу и т. д. В тюркских языках Средней Азии была сильно выражена тенденция к выделению особой формы настоящего времени данного момента, чему была подчинена сама механика образования глагольных форм этого типа. Такая тенденция была обусловлена тем, что в пратюркском состоянии реконструируемая временная форма аориста на -r закреплялась больше за планом будущего времени. Форма же настоящего времени на -а функционировала в плане и настоящего, и будущего времени. Развивающиеся временные формы континуусного типа, в образовании которых участвовали в качестве ведущих конструктивных элементов вспомогательные глаголы tur, jat, otur и другие, содержали более конкретную детализацию характера протекания действия, связанного с планом настоящего времени. Коммуникативное удобство форм настоящего конкретного времени типа геле йатыр проявляется и в том, что они легко усваиваются в процессе языковой интерференции. Так, например, названная форма геле йатыр зарегистрирована в оламском, сакарском диалектах туркменского языка, соответствуя аналогичной форме в соседних узбекских диалектах.

В процессе исторического развития наибольшему изменению подверглись слабые звенья глагольной системы, представленные либо полисемантическими формами, например, аористом на -г, либо формами, способными образовывать различные семантические дериваты, например,

оптативом на -k (-g), -gaј и др. Форма прошедшего времени на -du является сильным звеном в системе и сохранилась во всех современных тюркских языках. Изменения во временных формах выражались не только в исчезновении старых форм и возникновении новых, но также в появлении новых значений, которые могли быть заключены в прежние формы или чаще всего вызвали необходимость рождения новых форм. Этим была вызвана к жизни тенденция к выделению самостоятельных форм перфекта (на -yb, -muř, -gan). А там, где развивается перфект, ему, как известно, сопутствует и развитие плюсквамперфекта (эти явления имплекативно связаны).

В тюркских, как и во всех алтайских языках, наблюдается тенденция к смешению косвенных наклонений. Характеризуя формы повелительного и желательного наклонений в алтайских языках, В. Котвич отмечает, что все алтайские языки обладают достаточно развитой системой глагольных форм, дающих говорящему возможность выразить желание совершения какого-либо действия; в грамматиках отдельных языков такие формы обычно относят к повелительному и желательному наклонениям. Впрочем, в разных языках эта система не могла развиваться равномерно и удерживаться в строгих рамках нормы, особенно при распадении языков на диалекты и говоры. Различные оттенки значений, часто очень тонкие, стали перекрещиваться. Одни формы заменились другими, некоторые из них исчезли или изменили свою первоначальную фонетическую форму и семантику. Таким образом, произошло смешение форм и значений, например, одна и та же форма в разных диалектах стала обозначать разные лица и числа или разные оттенки приказания или желания. В результате парадигмы форм, выражающих, с одной стороны, приказание, а с другой — просьбу или желание, стали очень неоднородными и иногда включали неполный комплекс форм. Взаимно дополняя друг друга, они могут образовывать вместо нескольких разных групп лишь одну, более или менее полную. Наглядным примером такого типа смешения может быть парадигма форм повелительного наклонения в татарском языке.

Единственное число

1-е лицо —

2-е лицо — *ал, кил* ('возьми', 'иди')

3-е лицо — *ал-сын, кил-сен* ('пусть возьмет', 'пусть придет')

Множественное число

алыйк, килик ('взять бы нам', 'прийти бы нам')

алыгыз, килегез ('возьмите', 'придите')

алсын-нар, кил-сеннәр ('пусть возьмут', 'пусть придут').

В данном случае только формы второго лица могут быть отнесены к собственно повелительному наклонению. Все остальные представляют собой разновидности желательного наклонения.

Смешение форм косвенных наклонений иллюстрируется развитием условного периода в тюркских языках. Есть основания предполагать, что первоначально -sa не имело значения условности. Можно проследить два пути его семантического развития: от -sa с оптативным значением и от -sa, выступающего в значении предшествующего действия, откуда и развиваются времена типа *plusquamperfect* и *futurum exactum*. То, что -sa имеет базисное оптативное значение, оправдывается и логически, и грамматически, ибо -sa представляет собой фузионное слияние двух форм — оптатива -s и -a. Оптативное -s наблюдается и в форме повелительного наклонения -sup, особенно при использовании его в отрицательном значении. Ср. тур. *yere batsın!* 'провалиться бы ему'. Оптатив на -s содержится и в тюркской форме -asy, ср. тур. *kör olas!* 'чтоб ему ослепнуть'. Поэтому закономерны случаи сохранения у -sa оптативного значения.

Ср. уйгурские наречия Синьцзяна: *самыварым болс'* (<болса) *idi! чайләр кайнап турс'* (<турса) *idi!* 'О, если бы был у меня самовар! И кипел бы чай!' (Мал. Жел. уйг., 45).

Наблюдается тенденция развития будущего времени на базе дезидеративных модальных форм. В основе формы будущего категорического времени на -азақ лежит аффикс -сак, обозначающий возможность или способность к чему-либо. Изначально аффикс -(а)жак формировал глагольные имена с известным модальным оттенком возможности; ср. азерб. *јанацаг* 'топливо', то есть то, что вообще может гореть, *јатацаг* 'постель' (то, на что можно лечь). Позднее на этой основе в некоторых тюркских языках возникло особое причастие будущего времени на -азақ. Материал целого ряда диалектов казахского языка хранит разнообразные модальные оттенки формы на -азақ. Ср. каз. запад. диал. *баражак/барашак* в м. *бармақшы, баратын* 'должен пойти или поехать' (Суранбаев, 82). В ряде диалектов азербайджанского языка зарегистрирована форма будущего времени на -asy (-as), развившаяся на базе причастия с модальными значениями. Ср.: *Ахшам бизә кәләссән?* (Рустамов, 1965, 239—240).

Форма будущего времени на -gu, -gu, зарегистрированная в старом узбекском языке, в языке желтых уйгуров также являет собой пример развития временного значения на базе значений модальных. Ср. будущее категорическое в узбекском: *Душман қуйиб, қўл бўлғуси* 'Враг будет испепелен' (Кононов, 1956, 232). Ср. также этимологически родственный модальный форматив -ya, формирующий будущее время в старом узбекском: *болғаман Місїр улусїға қонақ* 'Буду гостем у народа Египта'. Этот же путь развития прошла в тюркских языках и форма на -yaj: от формы желательного наклонения до будущего времени. Ср. северный диалект алтайского языка: *алгайым* 'я возьму'.

Наконец, одной из примечательных тенденций, наиболее ярко проявляющейся в кыпчакских языках, является презентизация деепричастия на -ур, лежащего в основе прошедшего времени типа перфекта.

Как известно, в тюркских языках различных ареалов существует форма прошедшего времени — перфекта на -ур/-yub. Ср. каракалп. *мен алыппан* 'я взял', туркм. диал. *дүшүпмән* 'я сошел', азерб. *јараныб* 'создан' и т. д. В ряде диалектов тюркских языков Средней Азии перфект на -ур/-yub, очевидно, был переосмыслен, получив значение настоящего времени. Таким образом, в тюркских языках имеются свои собственные «претерито-презентные глаголы». Так, например, в туркменских диалектах (нохурском, хасарли, анауском, кырачском и др.) настоящее конкретное время образуется с помощью показателя -ур — ср. нохурск. *отурупмән* в м. литер. *отырын* 'я сижу', *отурупсән* 'ты сидишь' и т. д. (Очерк. диал. турк., 299). В диалектах узбекского языка в презентизации перфекта участвуют составные глаголы. Ср. кыпчакские говоры *оқыб жатыбман* 'я читаю в данный момент' (Абдуллаев, 15—16).

Резюмируя сказанное о развитии временной системы в тюркских языках, следует подчеркнуть, что наиболее частым изменениям подвержены формы будущего времени и настоящего времени, совпадающего с будущим, а также формы настоящего времени континуального типа. Очень мобильны формы модальных наклонений, для которых в тюркских языках существуют различные показатели: -а, -aj, -гај, -ga, -gu, -(y)п, -сy и т. д. Более постоянны формы перфекта и, наконец, наиболее устойчива форма прошедшего категорического времени на -du.

Таковы, как нам кажется, основные тенденции в развитии морфологического строя тюркских языков.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Абдуллаев* — Ф. Абдуллаев. Кыпчакский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1957.
- Аманжолов* — С. Аманжолов. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959.
- Аталар сөзү* — «Аталар сөзү». Баку, 1956.
- Бат. Сп. выр.* — И. А. Батманов. Способы выражения синтаксических отношений в киргизском языке. Фрунзе, 1940.
- Джангидзе* — В. Ш. Джангидзе. Дманисский говор казахского диалекта азербайджанского языка. Баку, 1965.
- Дм. Строй* — Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962.
- Зак.* — М. К. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963.
- Исх. П* — Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961.
- Кононов, 1956* — А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956.
- Кононов, 1960* — А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960.
- Мал. Жел. уйг.* — С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957.
- Мал. Пам.* — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
- Муганск.* — «Говоры муганской группы азербайджанского языка». Баку, 1955.
- Мус. Гр.* — К. М. Мусаев. Грамматика караимского языка. М., 1964.
- Очерк. диал. турк.* — «Туркмен дилиниң диалектлериниң очерки». Ашгабад, 1970.
- Покр. Гр.* — Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. М., 1964.
- Рамstedt* — Г. И. Рамstedt. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
- Рустамов, 1965* — Р. Рустамов. Азәрбајҹан дили диалект вә шивәләриндә фе'л. Баку, 1965.
- Суранбаев* — Н. Т. Суранбаев. Ш. Ш. Сарыбаев. Казахская диалектология. — «Вопросы диалектологии тюркских языков». Баку, 1958.
- Тен. Сал.* — Э. Р. Тенишев. Саларские тексты. М., 1964.
- Тумашева, 1969* — Л. Г. Тумашева. Диалекты сибирских татар. Автореф. докт. дисс. Казань, 1969.
- Э. Гурт. Тенг.* — Э. Гуртуев. Тенглерим. Нальчик, 1962.
- Шарип. Саод.* — Ж. Шарипов. Саодат. Ташкент, 1957.
- Щ. Гр.* — А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962.

Г. П. МЕЛЬНИКОВ

ЗНАЧЕНИЯ И СМЫСЛЫ ПРОСТЫХ ФОРМ ГАГАУЗСКОГО ГЛАГОЛА НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ

1. Изучение гагаузского языка началось сравнительно поздно, и тем не менее в настоящее время тюркологи располагают довольно полным и последовательным анализом строя этого языка, изложенным в грамматике Л. А. Покровской¹. В этой книге приведено большое количество удачно подобранных примеров, подтверждающих теоретические позиции автора.

В данной работе, посвященной уточнению грамматических и семантических характеристик так называемых простых форм времен гагаузского глагола (причем прошедшие времена будут рассматриваться лишь как некоторый нерасчлененный класс для уточнения границ настоящего и будущего времени), иллюстративный материал взят в основном из грамматики Л. А. Покровской. В отдельных случаях нами привлечены примеры и из наших собственных записей². Для сопоставления с гагаузскими формами турецкие примеры и их переводы заимствованы нами из грамматики А. Н. Кононова³, а азербайджанские — из монографии Н. Г. Агазаде⁴. Ссылки на дополнительную литературу, относящуюся к рассматриваемой теме, указаны в библиографии, приведенной в названных работах.

Заранее следует сказать, что выводы данной статьи не опровергают, а, напротив, дают дополнительные обоснования правильности деления простых форм гагаузского глагола (так же, как турецкого и азербайджанского) на классы, обычно называемые формами настоящего, будущего определенного, будущего неопределенного и прошедшего времени (различия между формами в рамках прошедших времен здесь не рас-

¹ См.: Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964. Все ссылки на эту работу приведены в скобках, где после буквы «П» и указывается страница.

² Эти примеры даются без ссылок. Записи сделаны летом 1968 г. в селе Карболия Вулканештского района Молдавской ССР. Пользуемся случаем, чтобы выразить глубокую благодарность членам семьи П. А. Гайдаржи, снабдившим автора речевым материалом. Автор признателен также Л. А. Покровской, содействовавшей сбору материала и подготовке данной статьи.

³ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956.

⁴ Н. Г. Агазаде. Система глагольных наклонений в современном азербайджанском литературном языке. Баку, 1967. Ссылки на эту книгу также заключены в скобки с указанием первой буквы фамилии автора и номера страницы книги.

смаатриваются), но сама связь этих классов с категорией времени и наклонения ставится под сомнение. При этом для выявления синхронных состояний языка используются специальные методы обращения к диахронии.

2. В гагаузском языке выделяют пять простых глагольных форм времени изъявительного наклонения (П. 179—197). Это — «настоящее время» с аффиксами *-эр/-ер*, будущее определенное с аффиксами *-(й)ажэк/- (й)ежек*, будущее неопределенное с аффиксами *-ар/-әр/-ыр/-ир/-ур/-йр*, прошедшее очевидное с аффиксами *-ды/-ди/-ду/-дў* и прошедшее неочевидное с аффиксами *-мыш/-миш/-муш/-мїш*⁵. Настоящее время обозначает «действие или состояние данного момента, например: *бән йазэрым* 'я пишу (сейчас)', *о уйуер* 'он спит (в данный момент)', а также действия, реально совершающиеся обычно или регулярно повторяющиеся» (П. 183). Таким образом, значение настоящего времени в гагаузском языке практически совпадает со значением настоящего времени в русском.

Если оставить в стороне вопрос о глагольном виде, не имеющем в гагаузском языке специфических средств выражения (П. 168—169), и не рассматривать принципы деления форм глаголов на очевидные и неочевидные, играющие в любой тюркской, в том числе и в гагаузской, глагольной системе важную роль (П. 194—198), то можно говорить просто о глаголах «прошедшего времени», объединив в эту категорию «прошедшее очевидное» и «прошедшее неочевидное» время. Такое обобщенное прошедшее время на *-ды/-ди/-ду/-дў* или *-мыш/-миш/-муш/-мїш* можно определить как способ обозначения «совершившегося в прошлом действия» (П. 197). Например: *Биз каблеттик батийдан чаармак дўйнā* 'Мы получили от (старшего) брата приглашение на свадьбу'. Или: *Мамун евде ми?* — *Суйа гитмиш* 'Твоя мама дома? — За водой пошла (оказывается)' (П. 197). Следовательно, такое обобщенное прошедшее время в гагаузском языке соответствует представлению о значении прошедшего времени, характерном для русского языка, и будет нами рассматриваться лишь как средство уточнения границ настоящего и будущего времени.

Сравнительно естественно сопоставляется будущее определенное время на *-(й)ажэк/- (й)ежек* с будущим временем русского глагола. «Будущее определенное (категоричное) время обозначает действие, которое реально и обязательно произойдет в будущем...» (П. 193). Например: *О калажек орда епси гўннāрā* 'Он останется там на все дни'. Однако, кроме этого главного значения, формы на *-ажэк* имеют «специфическое значение», используемое «на фоне настоящего, в котором ведется повествование» (П. 194). Например: *Попаз орда спийада едер, спийада едер, бакажек, некадар вакыт; ачан койер елини жбўнā — саады чалмышлар* 'Поп там исповедует, исповедует, хочет посмотреть, сколько времени; когда кладет руку в карман — часы (оказывается) украли' (П. 194). Как видим, если настоящее время на *-ер* в глаголе *едер* и прошедшее время на *-мыш* в глаголе *чалмышлар* переводятся соответственно русским настоящим и прошедшим временем, то перевод глагола *ба-*

⁵ Ниже для краткости будем употреблять выражения: формы «на *-эр*», «на *-ажэк*», «на *-ар*», «на *-ды*» и «на *-мыш*». Напомним также, что буквой «ж» в гагаузских морфемах обозначается аффриката *дж* (П. 20). Кроме того, в вулканештском говоре, откуда взяты дополнительные примеры, аффиксам *-эр/-ер* соответствуют *-ый/-ий* или *-ыйе/-ийе* (П. 180), аффиксам *-(й)ажэк/- (й)ежек* — аффиксы *-(й)ажек/- (й)ежек*, а из аффиксов «будущего неопределенного» предпочитают широкие варианты *-ар/-әр*.

кажек русским словосочетанием «хочет посмотреть» наводит на мысль, что это «специфическое значение будущего определенного» действительно весьма специфично и говорит если не об омонимии, то хотя бы о полисемии формы на *-ажэк*, а также о наличии, кроме «будущего определенного» и «будущего неопределенного», некоторой третьей разновидности — «будущего модального», «ближайшего будущего намерения» (П. 194). Однако этот вывод должен быть подтвержден на основании выявления отношений между всеми временами хотя бы в рамках простых форм.

Рассмотрим последнюю из них — будущее неопределенное. Оно обозначает «действие, потенциально возможное, действие, которое предполагается совершить в будущем или которое в данных условиях мыслится как естественное, обычное, и поэтому может произойти в любое время» (П. 189). Приведем примеры с соответствующим переводом: *гидер* и *гидир* 'пойдет (вообще)', 'сможет пойти'; *дойулар* и *дойурур* 'будет кормить (вообще)' и 'стал бы кормить' (П. 184). В этих примерах вызывает некоторое недоумение необходимость переводить глагол *дойулар* 'стал бы кормить' (для передачи общего содержания этой формы) сослагательным наклонением. С изъявительным наклонением, способами выражения которого являются рассматриваемые простые глагольные времена, этот перевод плохо вяжется.

Не совсем понятен выбор формы будущего неопределенного времени в таком выражении: *Кызым да, татарым да, зердели сатырым да* 'И девушка я, и татарка, и абрикосы я продаю' (П. 185). В русском эквиваленте использована форма не будущего, а настоящего времени, выражающего значение регулярно производимого действия («абрикосы продаю»). Также необычным для русского языка кажется употребление формы неопределенного будущего в такой частушке: *Маави таста су дуру(р); беним йарим кудуру(р), бѧн куварым, о дуру(р), сѧлемѧз да, не зору* 'в голубом тазу — вода (стоит); мой милый злится (букв.: 'бесится'), я гоню (его) — он стоит (то есть не уходит) и не скажет, в чем беда' (П. 185). Здесь только выражение «и не скажет» имеет какую-то формальную связь с будущим временем; во всех других случаях естественней было бы ожидать использования настоящего времени (конечно, при условии, что перевод делается с русского на гагаузский). Еще пример: *Еер олса беним бырда бир дерменим, бѧн гелени-гечени сыжак питайлан дойуларым* 'Если бы у меня здесь была мельница, я кормил бы прохожих горячими лепешками' (П. 185). Здесь в придаточном предложении мы встречаем уже упоминавшееся значение сослагательности («кормил бы») в будущем неопределенном.

Таким образом, либо недостаточны основания для классификации гагаузских простых глагольных форм по четырем классам, выражающим настоящее, прошедшее, определенное будущее и неопределенное будущее время, либо не совсем точно сформулировано значение этих форм, так что при обратном переводе с русского языка на гагаузский не всегда можно определить, какую из этих форм следует предпочесть.

Рассмотренная классификация глагольных форм, названных «простыми формами времен» (П. 179), не требует пересмотра, а причины некоторых неясностей, возникающих при сопоставлении соответствующих глагольных форм с их русскими эквивалентами, могут быть объяснены лишь после дополнительного анализа семантики этих форм с учетом их предполагаемой эволюции.

3. Неоднократно отмечалось, что тюркский глагол может в большинстве случаев интерпретироваться как причастие, имя действия или деепричастие в роли сказуемого. Соответствующая глагольная форма,

лишенная показателя сказуемости, функционирует в роли определения, атрибута к субъекту или объекту действия, или к самому действию⁶.

В гагаузском языке ситуация несколько иная. Хотя и здесь некоторые из рассмотренных глагольных форм используются в неличной функции (к ним относятся основы на *-ар*, на *-мыш*, на *-ажак*) и могут выполнять роль причастий, однако «сравнительно редко» (П. 234), «главным образом в поэтических произведениях» (П. 233), многие из них переосмысливались и «употребляются преимущественно в значении имен существительных» (П. 234, 236). Все это говорит о том, что степень противопоставленности личных и неличных форм глагола, а следовательно, и вообще степень противопоставленности глагольных категорий именным, в гагаузском языке несравненно выше, чем в большинстве других тюркских языков.

И тем не менее нельзя оставлять без внимания особенности системы, породившей в результате эволюции данную систему, а также особенности классов и категорий лингвистических объектов, диахронически послуживших материалом для формирования новых категорий. Такое невнимание может привести к тому, что синхронное состояние языка, принципы противопоставления наблюдаемых в нем классов и разрядов языковых единиц могут оказаться понятыми менее глубоко, чем это можно было бы сделать при учете не только синхронического, но и диахронического аспектов. В данной работе обращение к диахронии при описании синхронного состояния языка используется для уточнения значения показателей простых форм настоящего и будущего времени гагаузского глагола. Конкретно это выражается в том, что анализу подвергаются сначала не сами глаголы, а те атрибутивные формы названия действия, именуемые обычно причастиями (почти утратившие свои причастные функции в современном гагаузском языке), которые диахронически послужили базой для развития соответствующих современных глаголов. Ниже дана классификация «доглагольных» значений этих атрибутивных форм (причастий), представляющих в настоящее время глагольные основы с соответствующими аффиксами простых форм вре-

⁶ См., например: Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М., 1948, где с этих позиций трактуется внутренняя форма глаголов во всех временных и видовых разновидностях.

Из положения о том, что спряжение тюркских глаголов «носит явно выраженный именый характер», исходит в своих работах К. М. Любимов. (См.: К. М. Любимов. Система грамматических времен в современном турецком языке. — «Советская тюркология», 1970, № 2; *его же*. Абстрактное наклонение в турецком языке. — «Советская тюркология», 1973, № 3).

Примеры того, что даже форма текущего настоящего времени на *-уог* может выступать в функции атрибута, приведены в работе: Н. Н. Джанашиа. Исследование по морфологии турецкого глагола. Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1970, стр. 15.

Теоретическое обоснование необходимости трактовки основ спрягаемых глаголов как атрибутов к показателю лица дано в исследованиях Н. А. Баскакова. Это положение сформулировано им по меньшей мере пятнадцать лет назад. (См.: Н. А. Баскаков. Типы сказуемого простого предложения в тюркских языках и их происхождение. (Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов). М., 1960.

Автор данной статьи, разрабатывая принципы системной лингвистики и выявляя на основе так называемой детерминантной дедукции основные особенности языков тюркского строя, также пришел к выводу о необходимости рассмотрения глагольных основ как атрибутов к аффиксам спряжения, подтвердив тем самым справедливость концепции Н. А. Баскакова. См.: Г. П. Мельников. Принципы системной лингвистики в применении к проблемам тюркологии. — В сб.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971; *его же*. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики. — «Народы Азии и Африки», 1969, № 6.

Следует отметить, что такая, восходящая к идеям Н. А. Баскакова, трактовка приросты тюркского глагола (точнее — сказуемого) разделяется не всеми лингвистами. (См.: Б. А. Серебrenников. О логицизме в тюркологических исследованиях. — «Советская тюркология», 1971, № 5).

мени. Поскольку речь идет о семантических противопоставлениях, то следует рассмотреть, как подобные противопоставления выражаются в системе русских причастий и отпричастных прилагательных.

При этом необходимо использовать деление семантических характеристик слов (и словосочетаний) на значения и смыслы, прямые и не-прямые смыслы, узуальные смыслы и окказиональные смыслы⁷.

В приведенной ниже таблице даны варианты причастных форм от слова «идти, ходить» в каждом из выделенных классов «статизированных» характеристик. Число вариантов в каждой клетке таблицы могло бы быть увеличено, так как появление этих вариантов обусловлено противопоставленностью причастий по признакам совершенности, прерывности и т. д., которые нами здесь не рассматриваются.

Таблица 1

	Обусловленные	Неотъемлемые
Действительные	идуший, ходящий	шедший, ходивший
Возможные	«пойдуший», намеревающийся идти	ходячий

4. Возникает вопрос: почему же внимание сосредоточивается только на противопоставлении «действительные-возможные» и «обусловленные-неотъемлемые»? Объясняется это тем, что все прочие признаки оказываются несущественными для классификации значений причастных категорий, послуживших основой развития глагольной системы современного гагаузского языка с ее специфическим набором узуальных смыслов.

Анализ языковых категорий, существовавших в прошлом диахроническом срезе языка, но послуживших строительным материалом для категорий современного синхронного состояния языка, позволяет определить это состояние.

Если опираться на точку зрения Н. А. Баскакова и рассматривать простые формы времен гагаузского глагола не как собственно глагольные, а как атрибутивные формы в сказуемой функции (хотя таковыми они были лишь в предшествующей фазе развития языка), то, исходя из рассмотренной классификации причастий, можно подтвердить правомерность существующей классификации гагаузских простых глагольных форм и уточнить некоторые аспекты установления смыслового соответствия при сопоставлении гагаузского и русского текстов.

Построим таблицу полученной выше классификации причастных значений, вписав в каждую клетку перечень аффиксов, образующих основы причастий с указанным значением, для гагаузского языка.

⁷ Г. П. Мельников. Семантика и проблемы тюркологии. — «Советская тюркология», 1971, № 6, стр. 3—16. Идея противопоставления значения морфем их смыслу — не нова в тюркологии. В отношении корневых морфем такая работа наиболее последовательно проделана К. М. Любимовым. (См.: К. М. Любимов. Сколько значений у турецкого глагола *kesmek*? — «Краткие сообщения Института народов Азии», т. 60. Турция, 1962). В этой работе автор выделяет «истинное значение» корня *kes-* (то, что в данной статье называется просто «значением») в отличие от смысла.

Различение смыслов и значений корневых морфем рассматривается в работе: А. К. Алекперов. О системно-структурном подходе к лексической семантике. — «Советская тюркология», 1974, № 2.

Таблица 2

	Обусловленные	Неотъемлемые
Действительные	-эр/-ер (настоящее)	-ды/-ди/-ду/-дӱ, -мыш/-миш/-муш/-мӱш (прошедшее очевидное и неочевидное)
Возможные	-(й)ажэк/-(й)ежек (будущее определенное)	-ар/-ӱр/-ыр/-ур/-ур/-ӱр (будущее неопределенное)

Таким образом, если согласиться с тем, что значения форм глаголов настоящего времени восходят к значению действительных обусловленных причастий (*о гелер* — исторически из *геле -йор* 'он приходящий'), глаголов будущего определенного времени — к значению действительных возможных причастий (*о гележек* 'он долженствующий или желающий, или собирающийся, или намеревающийся прийти'), глаголов прошедшего времени — к причастию, имеющему значение признака неотъемлемости (*о гелди* или *о гелмиш* 'он пришедший, прибывший, приходивший' и т. д.), а глаголов будущего неопределенного времени — к значению причастий и прилагательных типа русского «ходячий» (*о гелӱр* 'он «приходячий»'), — то мы, во-первых, убедимся в правомерности существующей классификации простых форм глагольных времен гагаузского языка и, во-вторых, сможем обосновать выбор формы и значения того или иного времени глагола для выражения требуемого смысла.

Рассмотрим действительные времена, чтобы убедиться в том, что новая классификация не противоречит старой.

Самым простым из времен, практически не вызывающим никаких трудностей при переводе с гагаузского на русский, является настоящее время на -эр/-ер [в карболийском говоре — на -ый (е)/-ий (е)], отнесенное нами к числу действительных обусловленных. Примеры: *Стол, ангысында дурый газета, о балабан* 'Стол, на котором лежит газета, высокий'. Буквальный перевод, если приписывать глаголам значение действительных обусловленных причастий, таков: «Стол, на котором лежащая газета, он высокий». Так как газета действительно лежит на столе, то это этимологически должно рассматриваться как причастие действительное: так как газету в любой момент могут взять со стола, ее может сдуть ветром и т. п., то наличие газеты на столе ограничено лишь некоторыми благоприятными условиями, и соответствующее причастие введено в разряд обусловленных.

Кроме того, рассматривается определенный отрезок времени, в течение которого газета непрерывно находится в данном состоянии. Когда эта форма выражает регулярное действие, она также может осмысливаться через этимологическое значение действительного обусловленного причастия. Например: *Нечи гелий о сизӱ?* 'Зачем он приходит к вам?' (букв.: 'Зачем приходящий он к вам?'). Здесь совершенно очевиден смысл регулярности, не противоречащий значению «приходящий». Так как «он» приходит, то динамика действительная, а так как в любой момент «он» может перестать ходить (например, его не будут больше принимать или приглашать), то причастие попадает в разряд обусловленных.

Не противоречит такая трактовка и примерам, приводимым Л. А. Покровской: *Хепсижиш сусэр, ырыцырдан каарӱ* 'Все молчит, кро-

ме кузнечика' (П. 144), то есть 'Всё (есть) молчащее, кроме кузнечика'. Здесь — настоящее непрерывное действительное обусловленное действие. Или: *Гежӓ йӓренерим, гӓндӓз да ишлеерим колхозда* 'Вечером я учусь, а днем работаю в колхозе' (П. 184), то есть *букв.*: 'Вечером я учащийся, днем — работающий в колхозе'.

Рассмотрим второе из действительных времен — обобщенное, недифференцированное в нашей схеме — прошедшее время на *-ды* и на *-мыш*. Соответствующие глагольные формы входят, по нашей классификации, в число неотъемлемых действительных: *Евелӓр инсаннар лафет'* — *мездилӓр дӓлӓ, нӓжӓ биз шинди* 'Раньше люди говорили не так, как мы теперь' или *букв.*: 'Раньше люди, слова не делавшие так, как мы теперь'; *Епси билийе, ани о жен'к' вакиды йетишмиш Берлинӓ* 'Все знают, что он во время войны дошел до Берлина' или *букв.*: 'Все знают, что он, во время войны дошедший до Берлина'.

Тот факт, что «раньше люди говорили иначе» и что «данный человек дошел до Берлина», невозможно отделить от «тех людей» или «того человека», так как соответствующие действия происходили на самом деле. Поэтому-то значения форм прошедшего времени на *-ды* и на *-мыш* и могут рассматриваться в нашей классификации как восходящие к семантике действительных неотъемлемых причастий.

Таким образом, на примере двух времен — настоящего и прошедшего — видно, что этимологическое возведение значений соответствующих простых форм гагаузского глагола к значению причастий настоящего и прошедшего времени не противоречит ни традиционной классификации, ни смыслу соответствующих фраз при переводе их на русский язык.

Однако ясно также и то, что эта классификация пока не дает ничего нового, не решает проблемы, так как нами специально рассмотрены те случаи, в которых эта проблема не ставится.

Следует отметить, что в границах приведенного материала имеется еще один аспект, относительно которого в тюркологии существуют различные мнения. Здесь имеется в виду трактовка семантического различия между двумя формами прошедшего времени: на *-ды* и на *-мыш*. Предлагаемый способ описания значений простых форм глагола в гагаузском языке позволяет сделать ряд положительных выводов и относительно принципов противопоставления этих форм.

Однако в данной статье это различие не рассматривается, ибо оно касается классификации внутри выявленных подклассов, и поэтому относится к следующей, более тонкой ступени анализа. Пока же целесообразно сделать все возможные выводы из предложенной «грубой» классификации⁸. Эти выводы можно получить при рассмотрении различий между будущим определенным и будущим неопределенным временем, поскольку вопрос о значении настоящего времени по существу уже исчерпан.

5. Как уже отмечалось, толкование будущего определенного времени на *-ажӓк* в большинстве случаев затруднений не вызывает, если переводить его как русское будущее время. Убедимся в связи с этим прежде всего в том, что возведение смысла гагаузских глаголов настоящего определенного времени к значению причастий будущего времени также не противоречит обычной трактовке значения этой формы будущего времени. Поскольку в русском языке нет регулярного средства образования причастий будущего времени, то лучше всего выражать их значе-

⁸ Вопрос о семантике времен на *-ды* и на *-мыш* требует привлечения обширного иллюстративного материала и поэтому должен быть рассмотрен отдельно. Здесь же можно только заметить, что различие между этими формами неотъемлемых действий заключено в степени их неотъемлемости (с точки зрения говорящего).

ние причастием «причины» действия и инфинитивом самого действия. К причинам относится долженствование, намерение, желание совершить данное действие. Какая из этих причин имеет место в том или ином случае, либо явно из контекста, либо же безразлично для повествования; поэтому в русском будущем времени причина остается невыраженной. Когда же мы вынуждены расчленять значение будущего времени на значение причастия и инфинитива, приходится в причастии указывать наиболее вероятную причину. Обратимся к уже приводившимся примерам: *О калажек орда епси гўннăрă* 'Он останется там на все дни'. В соответствии с нашей трактовкой значения формы на *-ажэк* буквальный реконструируемый перевод данной фразы должен быть следующим: «Он — долженствующий (желающий, намеревающийся и т. п.) остаться там на все дни». Здесь контекст недостаточен для того, чтобы решить, какую из ряда возможных причин действия имел в виду говорящий. Но общий смысл данной формы будущего времени и в этом контексте оказывается переданным правильно.

Обратимся к примерам «специфического значения будущего определенного» (П. 194). В приводившемся примере с попом и часами при обычном толковании формы на *-ажэк* перевод «хочет посмотреть» вместо «посмотрит» кажется несколько неожиданным для «будущего определенного времени», поэтому и говорится о наличии у этой формы «специфического» дополнительного, по существу — омонимичного значения. Если же исходить из нашей трактовки значения этой формы, то следует признать, что в данном примере смысл фразы полностью лишен какой-либо специфичности: «Поп, исповедь делающий, делающий, посмотреть желающий (намеревающийся), сколько времени, когда (он) руку в карман опускающий — часы (оказывается) украдены». Еще пример «специфического значения будущего определенного»: *Хазырлээр Гўрен Кыв-радан чорбайы таман койажек софрайы да чыыражек достларны...* (П. 194). Буквальный перевод в нашей трактовке должен быть таким: «Готовящий (есть) Скручивающий Грабы похлебку, (и) как раз намеревающийся поставить софру и позвать своих друзей...». Соответствующий этой фразе литературный перевод таков: «Готовит Скручивающий Грабы похлебку, (и) как раз собирается поставить софру и позвать своих друзей...» (П. 194). Следовательно, «лишнее» слово в переводе — «собирается» перестает быть лишним, смысл данной формы утрачивает «специфичность», если значение этой формы рассматривать как восходящее к возможным обусловленным причастиям. Так как причастное значение формы на *-ажэк*, лишь восстанавливаемое в гагаузском, в других огузских языках является синхроническим фактом, то предлагаемый способ буквального перевода этой формы не должен противоречить ее значениям и в таких языках, как, например, турецкий и азербайджанский. Проверим это предположение на турецких примерах.

Şimdi ben ne yapacağım? 'Теперь я что долженствующий делать', то есть 'Что мне теперь делать?'. А. Н. Кононов переводит это как 'Что я теперь буду делать?', то есть наш перевод соответствует литературному.

Nereye gideceğiz, diye sormaktan korkuyordum? (К. 235) 'Куда мы долженствующие (намеревающиеся, желающие и т. п.) пойти? — спрашивая я боящийся', то есть 'Я боялся спросить, куда мы пойдем' (К. 235). Смыслы буквального и литературного перевода не противоречат друг другу.

Çocuk da şu şartları ileri sürmüştü: — Vezirin odasına kimse girmeyecek (К. 235) 'Мальчик следующие условия выставивший: — В комнату визира никто не долженствующий входить', то есть 'Мальчик выставил следующие условия: — В комнату визира никто не будет входить'. И в этом случае переводы согласуются.

Рассмотрим примеры из азербайджанского языка. Н. Г. Агазаде подчеркивает, что форма будущего определенного («категоричного») времени часто используется для выражения намерения, желания, долгожелания (А. 39—40), а это вполне объяснимо, если исходить из понимания значения этой формы, как связанного с возможными обусловленными причастиями.

Киров: *Jox! Həştərxanı təslim etməyəcəm!* (А. 39). Буквальный перевод: 'Киров: Нет! Я Астрахани сдачу не намеревающийся делать!', то есть 'Нет, я не сдам Астрахани!' (А. 39). Или: *Vallah deyəcəm... mənı öldürənliz də, deyəcəm.* (А. 39) 'Ей-богу, я намеревающийся сказать... Убейте меня, намеревающийся сказать'. После литературной обработки эта фраза, естественно, выглядит так: 'Ей-богу, скажу... Убейте меня, скажу'. Или еще: *Bu dərd məni şəksiz öldürəcək* (А. 41) 'Это горе меня, без сомнения, долженствующее убить', то есть 'Это горе, определенно, убьет меня' (А. 41). Нет нужды увеличивать число подобных примеров. Отметим только, что пока не удалось найти ни одного примера из числа приведенных в указанных источниках, смысл которого противоречил бы значению формы на *-əjək*, классифицированной как восходящая к семантике возможного обусловленного причастия. Тем самым еще раз подтверждается правильность определения этой формы как единого глагольного разряда, несмотря на кажущуюся иногда многозначность смыслов, вытекающих из значения аффикса *-əjək* как в гагаузском, так и в турецком, азербайджанском и, по-видимому, в туркменском языке.

6. Рассмотрим с этих же позиций значение будущего-неопределенного времени на *-ar*, восходящего, по нашей классификации, к семантике возможных неотъемлемых причастий, типа русских «ходячий» в противоположность — «ходящий», «колючий» — в противоположность «колющий» и т. п. При таком толковании гагаузских форм на *-ar* становится, например, понятным тот факт, что эти формы широко используются для «констатации житейских законов» в виде пословиц, поговорок и т. д. Ведь и в русском языке нередко в аналогичном случае встречаются причастия возможного неотъемлемого признака. Например: «Под лежащий камень вода не течет». Если бы сказать «лежащий камень», то значение неотъемлемости признака явно не было бы выражено. Лежащий — такой, которому свойственно лежать и не свойственно не лежать. Это значение «такой, что...», «из таких, что», «из тех, которые...» возникает в гагаузских фразах с глагольными формами на *-ar*: *Ajıdan tatlı olar, Bulı da mamı olmar* (П. 190) 'Горькое (из тех свойств, что) сладким становится, тетя (из тех людей, что) мамой не становится', то есть 'Горькое сладким может стать, а тетя мамой не может стать' (П. 190). Или: — *Ха алатлайлым, чожуум, да беки етиштирилиз* (П. 190) — 'Ну-ка, сынок, может быть (наши силы, возможно, так-вы, что еще) мы успевающие (из тех, кто успевает)' то есть 'Ну-ка, сынок, поспешим, может быть и успеем' (П. 190). *Беким бу дүннәдә бән дә бир файда сана гетиририм зорунда* (П. 190) 'Может быть, я тоже (из тех, что) принесущий тебе пользу на этом свете в твоей беде', то есть 'Может быть, на этом свете и я тебе пользу принесу, когда тебе будет трудно' (П. 191).

Для анализа значения этих форм снова обратимся к выражению возможного неотъемлемого действия в русском языке. «— Какой цветастый, яркий ситец! Я куплю себе такого! — Не покупай, ведь он линючий!».

Хотя ситец отличается яркими красками и нет пока никаких признаков того, что он линяет, однако само знание факта, что он когда-нибудь вылиняет, дает право называть его «линючим». Именно такое же широкое значение неотъемлемости возможного признака выражено в значе-

нии гагаузских простых форм времени на *-ар*. Это видно и из последнего гагаузского примера, и в ряде других случаев. В частности, становится понятным употребление «будущего неопределенного» в тех случаях, когда по-русски приходится выражать эту же мысль сослагательным наклонением. Так, в приводившемся примере: *Еер олса беним бырда бир дерменим, бѧн гелени-гечени сыжак питайлан дойуарым*, «восстанавливая» то, что выражается по-гагаузски грамматическими средствами в форме на *-ар*, получаем следующий буквальный перевод: «Эх, будь у меня здесь мельница! (ведь) я (же) на самом-то деле из числа кормящих прохожих горячими лепешками (да только проявить эту свою черту у меня не было возможности)». В литературном же переводе все эти детали заключены в контексте, и сохраняется лишь конечный смысл, выражающий условную форму и подсказанный условным значением главного предложения: «Если бы у меня здесь была мельница, я кормил бы прохожих горячими лепешками» (П. 185). Таким образом, сама сослагательность содержится лишь в слове *олса*, а значение формы на *-ар* всюду выражает только неотъемлемую возможность.

В русском языке для некоторых глаголов существуют три ступени причастности объекта к действию: связь с действием в указанном интервале времени, связь многократная или регулярная и связь неотъемлемая. Например: бредущий караван (указанный момент времени), бродящий караван (многократно или регулярно), бродячий цирк (неотъемлемый признак). В гагаузском языке есть средства четкой дифференциации форм только для первого и третьего значений, а второе — использует либо форму «настоящего», либо форму «неопределенного будущего» в зависимости от того, насколько желательно подчеркнуть неотъемлемость признака. В примере: *Кызым да, татарым да, зердели сатырым да* — выбор формы «будущего неопределенного» подчеркивает неотъемлемую характеристику: «Девушка я, из татар я, из абрикосы продающих я». Поэтому и приходится «будущее неопределенное» переводить на русский язык настоящим временем: «И девушка я, и татарка я, и абрикосы я продаю» (П. 183) и называть эту форму выразителем «вневременного действия» (П. 189).

Принятие этого значения неотъемлемости, для которого не всегда можно найти русский однословный эквивалент типа «линяющий» или «бродячий», с морфемами, имеющими то же значение, дает возможность понять причину выбора «неопределенного будущего» в частушке, приведенной в начале статьи. Для зачина вводится фраза: «В голубом тазу вода — стоячая». И далее — параллель: «Я такая, что гоню его, а он (вот ведь какой)! — не уходит. (Чувствую, что у него что-то неладно), а он такой, что (никогда) не скажет, в чем беда». Достаточно очевидно, что если переводить форму на *-ар* просто настоящим или будущим временем, то истинный смысл оказывается несколько затемненным.

7. В других огузских языках рассматриваемая форма глагола выражает то же значение при разнообразии вытекающих из него смыслов. Например, в турецком: *Kuşlar uçar, balıklar yüzer* (К. 228) «Птицы — летучие, рыбы — плавающие» или, иными словами: «Птицы из тех (существ), что летучие, рыбы из тех (существ), что плавающие». Здесь значение употреблено в прямом смысле. По-русски естественней сказать: «Птицы — летают, рыбы — плавают» (К. 228), то есть будущее время здесь вообще неуместно, а настоящее время выражает смысл неотъемлемости признака. *Ziya Bey gayet şık giyinir* (К. 228) «Зия-бей очень шикарно одевуший», или «Зия-бей из тех, кто очень шикарно одевается». Литературный перевод: «Зия-бей одевается очень шикарно» (К. 228). *Belki her şeyi düzeltiriz* (К. 228) «Может быть (ситуация такова, что), мы (есть) все поправляющие», то есть «Может быть, мы все поправим» (К. 228). Это значение внут-

ренней потенции иногда приходится переводить с помощью модального глагола «мочь». *Hatırın için bir kaç yüz sandık alırım* (К. 228) 'Из уважения к тебе несколько сот ящиков я берущий', то есть 'Я из тех, кто из уважения к тебе возьмет несколько сот ящиков' или же 'Из уважения к тебе я могу взять несколько сот ящиков' (К. 228). Аналогично истолковываются смыслы значений будущего неопределенного и в азербайджанском языке: *Məmmədov bizə gələrsə, onu doğma qardaş kimi qarşılayarız* 'Если Мамедов приедет к нам, мы встретим его, как родного брата' (А. 49). В этом переводе не отражены мотивы использования формы на -*ар*, а не на -*ажэк*. Если бы стояла форма на -*ажэк*, то подразумевалось бы, что говорящий просто сообщает: «Намереваемся, хотим, собираемся встретить, как родного брата». На самом же деле здесь подчеркивается, что «мы из тех», или «В настоящее время мы в таком состоянии, что встретим его, как родного брата». При художественном переводе этот подтекст должен быть так или иначе выражен, иначе действия героев могут быть истолкованы неверно. *Hərəkət salarsan dəyərlər xuliqanlıq edir* 'Закричишь, могут сказать (скажут) хулиганишь' (А. 51). В этом предложении замена будущего времени модальной конструкцией еще не отражает всего значения, которое вкладывал говорящий, выбирая форму -*ар*, а не -*ажэк*: «(Они ведь такие, что) если закричишь, (обычно) говорят: хулиганишь»; или: «(Ситуация ведь такова, что в ней) если закричишь, говорят: хулиганишь». Хотя это и буквальный перевод, но законченное в нем значение должно помочь точнее передать смысл при литературном переводе. Еще пример: *Gizləmişim nəvə-nəvə edib itlərə ataram, amma Şəbəna verimərəm* 'Я дочь свою изрежу на куски и брошу собакам, но не выдам за Шабана' (А. 52). Если бы тут была употреблена форма на -*ажэк*, то речь шла бы о намерении, желании и т. п. Здесь же подчеркивается неотъемлемое качество говорящего: «(Ведь я же такой, что) лучше изрежу свою дочь на куски и выброшу собакам, чем выдам за Шабана!» Если в переводе это значение неотъемлемой возможности не передано, то русский перевод не донесет истинного смысла тюркского оригинала.

Подведем итоги всему сказанному.

Анализ приведенных примеров убеждает в том, что выделение гагаузских форм глагола на -*эр*, -*ажэк* и -*ар* в самостоятельные классы правомерно не только для гагаузского, но и для других огузских языков. Исследование значений этих классов позволяет заключить, что даже там, где граница между классами четко не выражена, на самом деле существует глубокая семантическая общность во всех случаях употребления каждой из форм в смыслах, логически вытекающих из их значений. Однако, с другой стороны, очевидно, что объединяющим началом для всех случаев употребления каждой из данных форм служат не характеристики времени или наклонения как грамматические значения, а чисто семантические статические характеристики именной природы: действительность — возможность, обусловленность — неотъемлемость. Временной аспект оказывается лишь следствием этой статической семантики, а время — одним из естественных смыслов значений соответствующих форм, чем и объясняется возможность использования этих форм не только во временном, но и в модальном, и во вневременном значении, а также в сослагательном наклонении, вместо изъявительного. Фактически все эти времена и наклонения присущи лишь смыслу, выявляемым при подборе русских эквивалентов, а не значениям самих тюркских оригиналов. В этом отношении тюркский языковой строй гораздо ближе не к индоевропейскому, а к семитскому, где, как известно, «глаголу» совершенно не свойственна грамматическая категория времени, причем выразительные возможности языка от этого нисколько не страдают. Неразли-

чение значений и смыслов формальных показателей языка заставляет многих лингвистов расценивать узусальные смыслы как значения из боязни, что признание отсутствия определенного значения, например, временного, будет свидетельствовать о бедности выразительных возможностей языка. Практически же это приводит к тому, что истинный состав значений языка и истинное его семантическое богатство в подобных описаниях грамматического строя остаются не раскрытыми.

Не случайно для анализа простых форм тюркского глагола нами выбран именно гагаузский язык. Несомненно, что на уровне не только синтаксиса, но и (в связи с этим) морфологии строй гагаузского языка весьма близок строю индоевропейских языков. И если для объяснения значений даже гагаузских глагольных форм приходится опираться на их неглагольную, а статическую семантику, то вывод о вневременной семантике «глаголов» в других тюркских языках становится еще более очевидным.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Ш. КАРИМХОДЖАЕВ

ОСОБЕННОСТИ ОСВОЕНИЯ РУССКИМ ЯЗЫКОМ КАРАКАЛПАКСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ)

Каракалпакский литературный язык начал формироваться после Великой Октябрьской социалистической революции. Его словарный состав в советское время обогащался непосредственно под влиянием русского языка. Этот процесс продолжается и в настоящее время, привлекая внимание многих исследователей¹. Некоторые аспекты общетюркских заимствований стали объектом специального исследования в ряде работ².

До недавнего времени влияние отдельного национального языка на русский язык не было объектом специального изучения. Подчеркивая актуальность этой проблемы, М. Ш. Ширалиев пишет: «Взаимодействие языков требует двустороннего исследования процесса»³. В последнее время появился ряд работ, посвященных и этой теме⁴.

Наиболее ярко процесс заимствования проявляется в сфере лексики. «Процесс освоения русским языком некоторых заимствованных фактов, — подчеркивает Н. Шанский, — не был явлением отрицательным: напротив, он обогащал наш родной язык, делал его еще более емким, выразительным и развитым»⁵. Естественно, что и каракалпакские заимствования в русском языке относятся в основном к лексике, в частности,

¹ Н. А. Баскаков. Современное состояние терминологии в языках народов СССР. — В сб.: «Вопросы терминологии». М., 1961; Е. Бердимуратов. Ҳазирги заман қарақалпақ тили. Лексика. Нөкіс, 1966; *его же*. Ҳазирги заман қарақалпақ тилинің лексикологиясы. Нөкіс, 1968; Р. Есемуратова. Октябрь революциясынан соң қарақалпақ тили лексикасының раўажланыўы. — Канд. дисс. Ташкент, 1964; *ее же*. Қарақалпақ тилинің сөзлик составына рус тили арқалы кирген терминлер ҳаққында. — «Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР». Нукус, 1962, № 4; Ш. Каримходжаев. Қарақалпақ тилиндеги дийханшылық терминлерин изертлеў мәселелери. Канд. дисс. Ташкент, 1970; Ш. Каримходжаев. Вопросы изучения терминов земледелия в каракалпакском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1970.

² См.: М. Одран. Тюркские заимствования в словацком языке. — «Советская тюркология», 1974, № 4, стр. 45; Н. А. Баскаков. О происхождении слова *колчан*. — «Русская речь», 1974, № 4, стр. 119—120; И. Г. Добродомов. Колчан. Там же, стр. 115—119; В. Д. Аракин. Тюркские лексические элементы в русских повестях XIII—XV вв. — «Советская тюркология», 1973, № 3, стр. 28—37; Д. С. Сетаров. Тюркизмы в русских названиях птиц. — «Советская тюркология», 1970, № 2, стр. 86—94; К. Р. Бабаев. Семантические изменения тюркизмов при их заимствовании. — «Советская тюркология», 1972, № 2, стр. 47—53; А. Жаримбетов. Тюркизмы в русских названиях фруктовых деревьев и кустарников. — «Советская тюркология», 1974, № 4, стр. 32—44.

³ М. Ш. Ширалиев. Основные вопросы взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР. — В кн.: «Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР». М., 1969, стр. 114.

⁴ И. Бажина. К вопросу о киргизских заимствованиях в русском языке. — «Советская тюркология», 1972, № 5, стр. 32—45; О. Назаров. Графемно-фонетическая передача туркменских слов в русском языке. — «Советская тюркология», 1974, № 4, стр. 52—60.

⁵ Н. М. Шанский. Лексикология современного русского языка. М., 1972, стр. 87.

к терминологии, так как «заимствования из других языков всегда широко представляли и представляют терминологические наименования»⁶.

Вскоре после присоединения Россией Хивы в 1873 году основная часть Каракалпакии вошла в состав России. На территории Каракалпакии были основаны город Петро-Александровск и Нукусская крепость, созданы административные и военные учреждения, открыты медицинские пункты и школы. Этот процесс, естественно, был связан с переселением сюда русских. Непосредственное языковое общение сопровождалось проникновением в речь местного русского населения каракалпакских слов.

Безусловно, в процессе обогащения русского языка тюркизмами участвовали все или большинство тюркских языков нашей страны. Известную роль в этом процессе сыграл и каракалпакский язык. Победа Великого Октября, преобразившая всю жизнь каракалпакского народа, поставила также вопрос о необходимости разработки и каракалпакского алфавита. Он был создан на основе русской графики. С этого времени практически начался процесс формирования письменного языка. Зародилась каракалпакская проза. Было положено начало переводу произведений молодой каракалпакской литературы на русский язык. Почти одновременно стали появляться произведения русских писателей, посвященные художественному отображению жизни населения Каракалпакии. Со временем в автономной республике стала развиваться научная литература на русском и каракалпакском языках и т. д. Весь этот огромного культурного значения процесс сопровождался проникновением в русский язык местного русского населения каракалпакских лексических заимствований. Безусловно, многие из этих слов в своей основе являются общетюркскими, однако большая их часть в каракалпакском языке отличается характерными фонетическими особенностями. Например: айыл (ккалп. айыл, каз. ауыл, кирг. аил); kazaп (ккалп. қазан, каз. қазан, узб. қозан, кирг. қазан); dastarxan (ккалп. дастурхан, узб. достурхон, кирг. досторкон) и т. д.

Кроме того, среди каракалпакских заимствований в русском языке имеется ряд слов персидского и арабского происхождения, издавна бытующих в каракалпакском языке. К ним можно отнести: 1) слова персидского происхождения: dexkaп (ккалп. дийхан), mardaп (ккалп. мардан), таś (ккалп. мәш), xırmaп (ккалп. қырман), mırab (ккалп. мурап)⁷ и др.; 2) слова арабского происхождения: allax (ккалп. алла), vakuı (ккалп. ѓақым), maslaxat (ккалп. масләхәт)⁸.

Основную же часть изучаемых заимствованных слов составляют коренные слова каракалпакского языка.

В данной статье мы рассматриваем особенности освоения русским языком каракалпакских слов, в основном полисемичных.

Лингвистами установлен ряд признаков, которые могут служить критериями освоения русским языком заимствованных слов⁹. Наиболее характерными признаками освоения каракалпакских заимствований русским языком, на наш взгляд, являются следующие: 1) употребление

⁶ В. П. Даниленко. Заимствования из других языков. — В кн.: «Исследования по русской терминологии». М., 1971, стр. 34.

⁷ Н. А. Баскаков. Состав лексики каракалпакского языка и структура слова. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», IV. Лексика. М., 1962, стр. 69—100.

⁸ Е. Бердимуратов. Ҳазирги заман қарақалпақ тилиниң лексикологиясы. Нөкис, 1968, стр. 157—162.

⁹ Л. П. Крысин. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968, стр. 35; И. Бажина. К вопросу о киргизских заимствованиях в русском языке. — «Советская тюркология», 1972, № 5, стр. 33.

слов в произведениях переводной и оригинальной художественной литературы, в периодике, в научных трудах (обычно без подстрочного перевода); 2) заимствование слов в их первоначальной форме по причине отсутствия в русском языке соответствующего эквивалента, смысл которых может быть передан только описательно, ибо «слова одного языка в большинстве случаев не просто соответствуют словам другого языка, а находятся с ними в весьма сложных и многообразных отношениях»¹⁰; 3) освоение слов русским языком с некоторыми фонетическими изменениями; 4) оформление каракалпакских слов элементами русского словообразования и словоизменения.

Основываясь на указанном, к каракалпакским заимствованиям в русском языке можно отнести приведенные ниже слова.

Анализ особенностей каракалпакских заимствований позволяет выделить группу слов, проникших в русский язык без каких-либо изменений формы и значения.

Алаша, ккалп. *алаша* 'груботканое изделие, предназначенное для настилки на пол или украшения стен': «Каракалпаки ткали на станке разнообразные изделия: боз, алаша и др.» (С. К. Каракалпаки в XVIII и XIX веках. Ташкент, 1968)¹¹.

Аллах, ккалп. *алла* 'бог': «Аллах свидетель, не видел я сына с пятницы» (А. Б. Яркое солнце надежды. Нукус, 1972); «— Ты — Аллаха? — радостно воскликнул Омирбек и соскочил с ишака. — Наконец-то, я с тобой встретился!» («Анекдоты Омирбека». Нукус, 1970).

Арба, ккалп. *арба* 'телега': «Коренной житель дельты — каракалпак — приспособился так, что устроил себе юрту, завел арбу с лошастью... переезжает с места на место, выработав оригинальный тип кочевника-земледельца» (Н. Д. Сырдарьинская область. Современное состояние ирригации. СПб., 1895); «А по всей дороге-то — арбы брошенные, курджумы пузатые, добром набитые» (Ю. Л. Последний выстрел. Нукус, 1972).

Аргымак, ккалп. *аргымак* 'порода коня': «Из них самыми хорошими породами считались аргымак и бедеу» (С. К. Каракалпаки в XVIII и XIX веках).

Белсенди, ккалп. *белсенди* 'активист, сторонник Советской власти': «А почти все нынешние белсенди, представители этой власти, как раз из бедняков» (Т. К. Последний бой. Нукус, 1970).

Бешбармак, ккалп. *бешбармак* 'кушанье': «— Экий ты, браток, несообразительный стал! Я тут какой бешбармак приготовил!» (Т. К. Дочь каракалпака. Ташкент, 1971).

Бешпент, ккалп. *бешпент* 'вид верхней мужской одежды': «Под халат иногда надевали стеганый из бумажной материи и черного цвета бешпент» (С. К. Указ. раб.); «А потом со скрипом отворилась дверь, и на пороге показался сам хозяин в наброшенном на плечи бешпенте» (Т. К. Последний бой).

Бий, ккалп. *бий* 'должность во времена хивинских ханов, глава рода': «В обязанности бия входил сбор налогов со своего племени или рода» (С. К. Указ. раб.).

Бишак, ккалп. *бийшек* 'сорт дыни': «Дыни имеют много сортов: гулаби, бишак и алакаун из осенних» (О. Ш. К аграрному вопросу на нижней Аму-Дарье. Ташкент, 1900).

Боле, ккалп. *беле* 'люди, матери которых из одного рода': «— О! — обрадовался Серкебай. — И моя мать из этого рода! Выходит, мы с тобой боле!» (Т. К. Последний бой).

¹⁰ Л. В. Шерба. Русско-французский словарь. (Вводная статья). М., 1950, стр. 4.

¹¹ Список сокращений приведен в конце статьи.

Боян, ккалп. *боян* 'солодка, дикое кормовое растение': «За хлопковым полем простирались густые заросли бояна» (Т. К. Секретарь. — В сб.: «Солнце над Аму». Нукус, 1973).

Вакуф, ккалп. *јақым* 'земля, принадлежащая духовенству': «В Каракалпакии земли в вакуф завещали, главным образом, правители рода (бии и кадкуды) из фонда общины, так как они являлись непосредственными владельцами земли родовых общин» (К. С. Аграрный вопрос в Каракалпакии. Нукус, 1972).

Визер, ккалп. *ғазир* 'придворный советник хана': «Поставили ханом Зарлыка. Ерназар стал его визерем» (С. К. Указ. раб.).

Дихан, ккалп. *дийхан* 'служба бедняков у бая в течение определенного времени': «Одной из самых распространенных форм эксплуатации в каракалпакском ауле являлся дихан» (К. С. Указ. раб.).

Джида||жида, ккалп. *жийде* 'культурное или дикое плодородное дерево и его плоды': «Потом она начала смешивать для меня толченую джиду с толченым просом, разбавляя эту смесь молоком» (Ж. А. Сердце сироты); «Все богатство этих садов заключается в большом количестве тополей, талов, урюковых деревьев, яблонь, груш и жиды» (Р.-К.-М. Краткий очерк Аму-Дарьинской области. СПб., 1875).

Дигирман, ккалп. *дигирман* 'ручная мельница': «Неизвестно, сколько еще тянулся бы этот спор, если бы в это время в комнату не вошла Бибижан, молотшая зерно на дигирмане» (Т. К. Последний бой); «Бедняки вынуждены были занимать дигирман у богатых» (К. С. Указ. раб.).

Каир, ккалп. *кайыр* 'равнинное русло реки, освобожденное от воды, для выращивания сельскохозяйственных культур без вегетационного полива': «В дельте у кочевого каракалпака пашня совсем не удобряется навозом, кайр во время разлива удобряет так хорошо, что только переходит и распахивай, где угодно» (Н. Д. Указ. раб.), «150-метровый кайр, который вначале считали обычным возвышением на дне русла» («Решающие дни ударной стройки». — Газета «Советская Каракалпакия», 6 марта 1973 года).

Каун, ккалп. *қаўын* 'дыня': «За ней сразу поспевал каун» (С. К. Указ. раб.).

Кендырь, ккалп. *кендир* 'масличная культура': «Во многих источниках имеются данные, свидетельствующие о выращивании каракалпаками в бассейне Сырдарьи риса, джугары, люцерны, кендыря» (У. Ш. Казахи низовьев Амударьи. Ташкент, 1966).

Кериз, ккалп. *кериз* 'чигирная яма': «Вращение первого зубчатого колеса приводит в движение большое колесо, при этом вода зачерпывается кувшинами из кериза» (С. К. Указ. раб.).

Кетмень, ккалп. *кетпень* 'орудие труда с широким лезвием': «Летом в руках то кетмень, то лопата: прополка сорняков, поливы» (Ю. Л. Последний выстрел).

Курджум||курджун, ккалп. *қоржын* 'ковровая переметная сума': «А по всей дороге-то — арбы брошенные, курджумы пузатые, добром набитые» (Ю. Л. Последний выстрел); «Он снял с плеча курджун» (А. Б. Яркое солнце надежды. Нукус, 1972).

Маш, ккалп. *маш* 'бобовая культура': «Здесь высеваются: пшеница, ячмень, просо, джугара, рис, маш, хлопчатник» (С. П. Некоторые данные о сельском хозяйстве Хивы и Амударьинского отдела. — «Туркестанское сельское хозяйство». Ташкент, 1915).

Мираб||мурап, ккалп. *мурап* 'распределяющий воду': «Число мирабов: в Шураханском участке — 15, в Чимбайском участке — 64» (Н. Д. Указ. раб.); «Чтобы выяснить, в чем тут загвоздка, Темирбек ре-

шил один день поработать помощником у мурапа» (Т. К. Последний бой).

Мардан, ккалп. *мардан* 'предмет, изготовленный из рогожи для хранения и перевозки рыбы': «Население запасалось вяленой рыбой весной, хранилась такая в мардане в сухом месте около года» (А. У. Рыбная пища у каракалпаков — «Вестник Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР». Нукус, 1973, № 3).

Насыбай, ккалп. *насыбай* 'едкое вещество — смесь измельченного табака с золой': «Достав табакерку-горлянку и постучав ею о каблук ичига, чтобы выбить пробку, он с довольным видом заложил под язык щепоть насыбая» (И. К. Невестка идет. — В сб.: «Солнце над Аму». Нукус, 1973).

Науа, ккалп. *науа* 'деревянный водопровод через арыки': «При встрече двух арыков иногда является надобность не соединять их воду вместе, а устроить переход одного через другой. В таких случаях туземцы делают деревянные науа» (Н. Д. Указ. раб.).

Нукер, ккалп. *нөкер* 'воин, выставленный единоличным хозяйством': «Дуйсенбай решил было спросить у соседа, не слышал ли тот чего о храбром нукере Турымбете, да передумал — не время» (Т. К. Дочь каракалпака. Ташкент, 1971).

Отагасы, ккалп. *отагасы* 'почтительное обращение к старшим: «Отагасы, при чем тут советские школьники?» (Т. К. Секретарь. — В сб.: «Солнце над Аму»).

Палван, ккалп. *палъан* 'силач': «Джумагуль поторопилась куда-нибудь спрятаться: громадный рост, громоподобный голос палвана внушали ей страх» (Т. К. Дочь каракалпака).

Партау, ккалп. *партау* 'залежная земля': «Просить об отводе земли из партау имеют право только те, которые не имели земли» (К. С. Указ. раб.).

Пешман, ккалп. *пешман* 'мастер по укладке стен из глины': «Напугаешься! — поддержал его пешман, стоявший на стене» (Т. К. Последний бой).

Сай, ккалп. *сай* 'узкая, высохшая низменность': «Он, очевидно, устал, решил пройтись до сая» (А. Б. Яркое солнце надежды).

Салма, ккалп. *салма* 'иригационная канавка': «Тукуртка эта бывает различной величины, в зависимости от величины салмы» (О. Ш. Указ. раб.).

Сыкман, ккалп. *сыкъпан* 'суп из джугарового теста': «Крестьяне, имеющие 5 тананов земли, должны ограничивать свое питание кислым сыкманом» (С. К. Указ. раб.).

Такыр, ккалп. *тақыр* 'ровное голое место в пустыне': «Он взбирался на холмы, опускался к такырам, полной грудью вдыхал легкий воздух степи» (А. Б. Яркое солнце надежды).

Танап, ккалп. *танап* 'мера земельной площади, равная 0,4 гектара': «В 1922 г. в Амударьинской области имелось 4 совхоза. Один из совхозов Шураханского уезда имел 92 танапа земли» (Я. Д. Очерки истории Каракалпакской АССР. Ташкент, 1960).

Тарнек, ккалп. *тәрнек* 'сорт дыни': «С конца мая начинал поспевать тарнек, его употребляли в неспелом виде» (С. К. Указ. раб.).

Тартпа, ккалп. *тартпа* 'канавка, по которой вода поступает в чигирную яму': «Вода от канала в тартпа пропускается по тонгыртке» (С. К. Указ. раб.).

Как видно из приведенных примеров, каракалпакские слова заимствовались русским языком в основном в форме имен существительных. Примечателен тот факт, что многие существительные при этом сохраняли аффиксы языка-источника, причем из большого количества аффиксов

словообразования в этом процессе участвовали лишь продуктивные, такие, как *-шы-*; *-ши-*.

Необходимо отметить, что каракалпакские аффиксы *-шы-*, *-ши-* при заимствовании часто трансформировались в аффикс *-чи-*, характерный для ряда тюркских языков (в частности, для узбекского), но не свойственный каракалпакскому языку. Кроме того, в русский язык проникли каракалпакские слова с заимствованными из персидского языка аффиксами *-кеш-*; *-хана-*; *-дар*¹².

Остановимся на примерах.

Аффиксы *-шы-*; *-ши-*; *-чи-*.

Айтыушы: *айтыу+шы* 'всадник, извещающий о новостях': «Но специальных айтыушы не было» (С. К. Указ. раб.).

Казушы: *казу+шы* 'землекоп': «После этого случая Темир-бек стал пользоваться среди казушы большим уважением». (Т. К. Последний бой). **Казучи:** *казу+чи* 'землекоп': «Однако прибыло всего 743 казучи и за остальных 556 человек руководители работ получили деньги» (К. С. Указ. раб.).

Ярымшы: *ярым+шы* букв.: 'половинщик': «Ярымшы, снимающий чужую землю из расчета половины урожая» (О. Ш. Указ. раб.).

Ярымчи: *ярым+чи*: «На том же праве закрепились и за ярымчами Матнияза обрабатываемые ими 3096 тананов земли» (К. С. Указ. раб.).

Комекши: *комек+ши* 'человек, оказывающий помощь при выполнении той или иной работы': «Комекши составляли постоянный резерв работников для феодально-байской верхушки каракалпакского аула» (С. К. Указ. раб.).

Кунликши: *кунлик+ши* 'поденщик': «В отличие от дихан, кунликши договаривается с баем работать поденно и получать за каждый день» (С. К. Указ. раб.).

Тарнаучи: *тарнау+чи* 'человек, регулирующий проток воды через плотину': «В описании различных ирригационных сооружений нужно упомянуть еще о тарнаучи» (О. Ш. Указ. раб.).

Темирчи: *темир+чи* 'кузнец': «Темирчи одного из аулов Шейхаббазской волости 12 лет бесплатно работал учеником». (К. С. Указ. раб.).

Аффиксы *-кеш-*; *-хана-*; *-дар-*.

Арбакеш: *арба+кеш* 'наездник': «Когда арба подкатила к ним, то оказалось, что на ней только арбакеш Отеген» (Т. К. Последний бой).

Дигирманхана: *дигирман+хана* 'помещение для ручной мельницы': «Как-то вечером, когда начало темнеть, я заглянул в дигирманхану, ведя за собой Матнияза и Есмурзу» (Ж. А. Сердце сироты).

Чайхана: *чай+хана* 'чайная': «Но у чайханы всегда былолюдно» (Ю. Л. Последний выстрел).

Вакуфдар: *вакуф+дар* 'владелец вакуфной земли': «Земли вакуфдаров и многих баев в районе Чимбая и Шурахана остались нетронутыми» (К. С. Указ. раб.).

Благодаря высокой частотности употребления некоторые каракалпакские слова укоренились в русском языке и стали оформляться его словообразовательными аффиксами *-ист-*; *-ство-*; *-изм-*. Например:

¹² Дж. Мухтаров. Словообразование в узбекском языке аффиксами таджикского языка. — «Труды Узбекского государственного университета имени А. Навои», № 77. Самарканд, 1958, стр. 28—39.

Жуабист: *жуаб+ист* 'мастер словесного состязания': «Он считался отменным жуабистом и не проиграл еще ни в одном состязании» (Т. К. Последний бой).

Аксакальство: *аксакаль+ств+о*: «Я принимал на себя арендное содержание казенного сада, находящегося в Шураханском аксакальстве» (К. С. Указ. раб.).

Дехканство: *дехкан+ств+о*: «О. Шкапский с буржуазной точки зрения определял также причины обезземеливания дехканства» (К. С. Указ. раб.).

Ишанство: *ишан+ств+о*: «С помощью хивинских ханов появился проповедник и духовный наставник всех каракалпакских ишанов — ишанство каракумское» (С. К. Указ. раб.).

Дервишизм: *дервиш+изм*: «Имамы были представителями дервишизма и принадлежали к высшему мусульманскому духовенству» (С. К. Указ. раб.).

Суфизм: *суф+изм*: «Возможно, хивинские ханы пригласили его откуда-то из центра суфизма для создания религиозной организации» (С. К. Указ. раб.).

Имена существительные, заимствованные из каракалпакского языка в форме именительного падежа, при необходимости употребления их в косвенных падежах оформлялись с помощью окончаний и служебных слов русского языка. При этом переводчики и авторы оформляли слова языка-источника, оканчивающиеся на твердый согласный, русскими флексиями мужского рода, а слова языка-источника, оканчивающиеся на -а, — русскими флексиями женского рода. Приведем примеры:

Аул, ккалп. *айыл* 'село, деревня': «— Пусть убирается из аула на все четыре стороны» (Ю. Л. Последний выстрел). Здесь *аул+а* употребляется с предлогом *из* и имеет форму родительного падежа единственного числа.

Аталык, ккалп. *аталық* 'вид должности в хивинском ханстве': «Из аталыков самым крупным скотовладельцем был Ерназар аталык-кенегес» (С. К. Указ. раб.). В данном примере из *аталык+ов* употребляется с предлогом *из* и имеет форму родительного падежа множественного числа.

Кокнар, ккалп. *көкнар* 'настойка из сушеных головок мака': «Пристрастился к кокнару» (Ю. Л. Последний выстрел). К *кокнару* употребляется с предлогом *к* и имеет форму дательного падежа единственного числа.

Зиндан, ккалп. *зиндан* 'темница': «В крайнем случае обвиню его в краже и его посадят в зиндан» («Анекдоты Омирбека»). Здесь *зиндан* употребляется с предлогом *в* и имеет форму винительного падежа единственного числа.

Карабура, ккалп. *қарабуура* 'плетенки из хвороста или камыша для заделывания прорывов в дамбе': «Местная техника выработала искусный способ запруживания прорванных мест в дамбах карабурой» (Н. Д. Указ. раб.). Слово *карабур+ой* имеет форму творительного падежа единственного числа.

Загара, ккалп. *загара* 'толстая круглая лепешка, выпеченная из смеси муки, проса и джугары': «Он разломал на несколько кусков загару, один из кусков положил в рот, запил его глотком чая» (Т. К. Последний бой). В данном примере *загару* имеет форму винительного падежа единственного числа.

Баурсак, ккалп. *байырсақ* 'кушанье в виде крупных кусков сдобного теста, жареных в масле': «Уж помолитесь за его душу. А я вас баур-

саками угощу, специально для вас наварила» (Ж. А. Сердце сироты). Здесь баурсак+ами употребляется в творительном падеже множественного числа.

Дализ, ккалп. *дәлиз* 'коридор': «Еще раньше, в дализе, Жиему-рат приметил еще одну дверь: она, верно, вела в кладовую» (Т. К. Последний бой). В дализ+е употребляется с предлогом *в* и имеет форму предложного падежа единственного числа.

Тугай, ккалп. *тоғай* 'лес': «На день притаились в тугаях» (Т. К. Дочь каракалпака). В данном примере в туга+ях употребляется с предлогом *в*, имеет форму предложного падежа множественного числа.

Анализ каракалпакских заимствований в русском языке позволяет сделать следующие выводы.

1. Взаимосвязь и взаимовлияние русского и тюркских языков имеют глубокие исторические корни. Этот процесс получил свое развитие после присоединения тюркоязычных народов к России. Особенно интенсивно он стал развиваться после победы Советской власти.

2. Благодаря становлению и развитию каракалпакской письменности ряд слов проник в русский язык через художественную и научную литературу, периодическую печать.

3. Многие каракалпакские слова заимствованы русским языком без каких-либо изменений формы и значения; часть же слов подчинилась фонетическим и морфологическим законам русского языка, образовав новые слова и формы при помощи русских аффиксов: *-ист-*; *-изм-*; *-ство-*.

4. Ряд заимствований освоен русским языком с каракалпакскими словообразовательными аффиксами и с аффиксами персидского происхождения. Однако при заимствовании слов с каракалпакскими аффиксами *-шы-*, *-ши-* иногда встречаются случаи замены их аффиксом *-чи-*, не характерным для каракалпакского языка, но присущим некоторым другим тюркским языкам.

5. Заимствованные слова способствуют более глубокому ознакомлению широких масс русских читателей с жизнью, культурой каракалпакского народа и в будущем могут утвердиться в русском языке.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А. Б.	— А. Бекимбетов.	Р.-К.-М.	— Риза-Кули-Мирза.
А. У.	— А. Утемисов.	С. П.	— С. Понятовский.
Ж. А.	— Ж. Аймурзаев.	С. К.	— С. Камалов.
И. К.	— И. Курбанбаев.	Т. К.	— Т. Каипбергенев.
К. С.	— К. Сарыбаев.	У. Ш.	— У. Шалекенов.
Н. Д.	— Н. Дингельштедт.	Ю. Л.	— Ю. Леонтичев.
О. Ш.	— О. Шкапский.	Я. Д.	— Я. Досумов.

Э. Н. РЕПЬЕВА

О НЕКОТОРЫХ ТЮРКИЗМАХ В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ XV—XVI ВЕКОВ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ)

Тюркский лексический пласт, так же как и слова, заимствованные из западноевропейских языков (полонизмы, германизмы, латинизмы и пр.), органически вошел в лексическую систему старорусского и староукраинского языков, сыграв существенную роль в их обогащении.

Сфера распространения тюркских заимствований в указанных языках в эпоху средневековья в основном ограничивалась бытовой и обиходной лексикой. Судя по данным памятников деловой письменности русского и украинского языков XV—XVI веков, тюркизмы значительно пополнили лексику таких предметно-тематических разрядов, как названия тканей, одежды и обуви: *епанча* (*японча*, *япанча*, *опанча*), *кафтанъ* (*кавтанъ*), *делия* (*дилия*) 'легкий плащ', *доломанъ* 'гусарский плащ', *кабатъ* 'женский камзол без рукавов', *кобенякъ* (*кебенякъ*) 'род верхней одежды с башлыком', *тегилай* 'легкая верхняя одежда', *терликъ* 'узкий исподний кафтан', *аламъ* 'наплечник', 'пелерина', *бакгазая* 'сорт ткани', *войлокъ*, *камка* 'шелковая узорчатая ткань', *китайка* 'дешевая шелковая ткань', *мухояръ* 'муар', *сафьянъ*, *сукманъ* 'сермяга', *бачмагъ* 'башмак', *киверъ* 'военный головной убор', *клубукъ* 'высокая цилиндрическая монашеская шапка с покрывалом', *колпакъ*, *тафья* 'тюбетейка', *шлыкъ* 'высокая шапка', *юфть* (*юхть*), *чеботъ* (*чоботъ*), *чулокъ*.

Остановимся на отдельных примерах.

Кафтан. Древнерусское слово *кафтан* (*кавтан*, *ковтан*), по свидетельству М. Фасмера, заимствовано из тюркских языков. Азерб. *кафтан* имеет то же значение. В тюркские языки слово попало из персидского. По мнению М. Фасмера, слово *кафтан* распространилось в Западной Европе благодаря арабскому языку¹. Оно зафиксировано И. Срезневским² в значении «верхняя одежда, простирающаяся почти до пят, с длинными рукавами, с пуговицами и петлицами для застежки напереди».

В памятниках русской деловой письменности XV—XVI веков это слово употребляется также в значении «верхняя одежда»: «...платье и **кафтаны** и иное все порядливо было»³, «А у Ивана у Булатова взяли

¹ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. М., 1973, т. II, стр. 212.

² И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., т. I, 1893, стр. 1200.

³ «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, по высочайшему повелению изданное Императорским русским обществом», т. 41.—«Сборник Императорского русского исторического общества». СПб., 1884, стр. 268. № 58, 1498.

пятьдесять литръ шолку черного... да **кафтанъ** киндяченъ...»⁴, «... а коли лучится какое платно кроити молоду члку сну или дщери или молодой невѣске лѣтникъ или кортель или шуба с поволокою или опашень зуфрянъ или камчат или обьярь, или отласъ или бархатъ или терликъ или **кафтанъ** и што нибуди доброе и кроячи да загибати, вершка по два и по три на подоле и по краемъ и по швомъ и по рукавомъ»⁵, «В домовитомъ обиходѣ коли лучится какое платья кроити себѣ или жене или дѣтемъ или людемъ ... или сапоги или шуба или **кафтанъ** ... и самъ гдѣрь или гдѣрня смотрі»⁶, «... полотенъ и оусчинъ, и хольстов надѣлано да на што, пригоже ино окрашено на летники и на **кавтаны** и на сарафаны...»⁷, «... да людемъ всѣмъ по однорядкѣ да по **кафтану**...»⁸.

В одном из примеров, относящихся к XVI веку, нами зарегистрирована и уменьшительная форма слова — **кафтанецъ**: «... а подьячему Тишинѣ сто золотыхъ Италіянскихъ, да фереzi бархатъ темносинь гладкой да **кафтанецъ** обьяринень...»⁹.

В украинских письменных памятниках слово **кафтан** встречается только с XVI века в значении мужской одежды: «... и видел есми: одну рану на заде, на крыжу, ниже пояса, штыховую кривавую, скроз однорядок и **кафтан** поколотую...»¹⁰, «... у Матыса Счепановского злуплено: **кафтан** лисин, копъ две коштовал...»¹¹.

Наряду с однословным наименованием этого рода одежды в русских памятниках представлены и именные словосочетания, стержневым компонентом которых является слово **кафтан**: **кафтан крашенинный**, **кафтан киндячен**, **кафтан отлас золотной**, **кафтанец обьяринень**, **кафтан бархат зелен**, **кафтан заячной**.

Кафтаны различались по ткани. Сшитые из грубого крашеного крестьянского полотна или бумажной набойчатой ткани, назывались **кафтан крашенинный** и **кафтан киндячен**: «... да наших, господине, лошадей взяли два коня да мерин с седлы и с уздами, да три япанчи, да три **кафтана крашенинных**, да три телогреи заечьи...»¹², «А у Обакума у Еремѣева сына у Красилникова взяли три кантари ладану... да **кафтанъ киндяченъ** лазоревъ новъ...»¹³.

Богатая одежда из различных шелковых тканей (персидский бархат, золотной атлас и золотая обьярь) именовалась **кафтан отлас золотной**, **кафтанец обьяринен**, **кафтан бархат**: «... Якову чѣпу золоту, да фереzi бархатъ червчатъ гладкой да **кафтанъ атласъ золотной**...»¹⁴, «... а подьячему Тишинѣ сто золотыхъ Италіянскихъ, да фереzi бархатъ темносинь гладкой да **кафтанецъ обьяринень**...»¹⁵, «... а толмачю якову сто

⁴ «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранных мн. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским», т. I. СПб., 1882, стр. 29, № 7, 1489. — «Сборник Императорского русского исторического общества», т. XXXV.

⁵ «„Домострой“ по Коншинскому списку и подобным». М., 1908, стр. 60.

⁶ Там же, стр. 29.

⁷ Там же.

⁸ «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранных мн, т. I. Дипломатические сношения с империей Римской». СПб., 1851, стр. 884, 1583.

⁹ Там же, стр. 884, 1583.

¹⁰ «Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском Генерал-Губернаторстве, часть 8, т. III. Киев, 1909, стр. 165, 1568.

¹¹ «Актова Книга Житомирського міського уряду». Київ, 1965, стр. 120, № 68, 1584.

¹² «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.», часть 1. М., 1951, стр. 195, № 222, 1528.

¹³ «Памятники дипломатических сношений древней России...», стр. 30, № 7, 1489.

¹⁴ Там же, стр. 884, 1583.

¹⁵ Там же.

жъ золотыхъ Италіянскихъ, да охабенекъ обьяриненъ да кафтанъ бархатъ зеленъ рыть...»¹⁶.

В словосочетании *кафтан заячній* составной компонент, выраженный прилагательным, указывает, что одежда пошита из меха зайца: «... а взялъ съ него зипунъ бурнатной 30 алтынъ, да кафтанъ заячній рубль...»¹⁷.

В украинской деловой письменности XVI века нами зарегистрировано только одно подобное словосочетание — *кафтан лисий*, означающее одежду из лисьего меха: «... у Матыса Счепановского злуплено: кафтан лисий, копь две коштовал...»¹⁸.

В XVIII—XIX веках слово *кафтан* также было широко распространено (см.: «Русско-латино-немецкий лексикон 1731 г.», «Словарь церковнославянского и русского языка 1847 г.» и др.).

В современном русском и азербайджанском языках слово *кафтан* сохранило свое прежнее значение, ср.: «Кафтан — старинная длиннополая верхняя мужская одежда»¹⁹, «Кафтан. М. көһн. дон, узун этэкли гэдм кэндли палтары»²⁰.

В русских диалектах *кафтаном* называют разнохарактерную одежду: род поддевки, зипуна или свиты из домотканного сукна, с широким воротом или без него.

Слову *кафтан* в украинском языке соответствует *каптан*, в болг. — *кафтанъ*, серб. — *кафтан*, чешск. и польск. — *kaftan*.

Епанча. Слово *епанча* заимствовано древнерусским языком из турецкого: тур. *jürpüza*, крым.-тат. *jürpüzu*²¹ 'накидка с капюшоном, попона'. Уже в раннем памятнике древнерусской письменности «Слове о полку Игореве» встречается производное от этого слова *японьчица* 'верхнее платье', 'плащ'²².

В русских деловых документах XV—XVI веков слово *епанча* фиксируется в значении, отмеченном в «Материалах» И. Срезневского: «... а взялъ ... гачникъ на тясмѣ на червчатѣ ... да шапка соболья обложена соболемъ же, да терликъ тафта ала, да двѣ однорядки ипские ... да епанчу бурскую...»²³, «А Ивашка Первурова товару... шуба недокунина нова... да четыре десятки овчинъ, да пять епанечъ...»²⁴, «... взялъ у него сорокъ локоть тафты бурские червчатые, да три камки бурские, да двѣ гривенки шафрану, да двѣ епанчи пурские...»²⁵, «... а взялъ у него камку бурскую зъ золотомъ, а цѣна ей десять рублевъ, да пять копь грошей, да коверъ, да двѣ епанчи бурские...»²⁶, «... а взяли у нихъ... трицать литръ шолку червчатого, да сто локоть тафты червчатые ... да два отласа, да двѣ епанчи бурские, да четыре медвѣдна...»²⁷.

Некоторые примеры из памятников указывают на то, что *епанчой* называлась и санная полость: «А у Остафья у Рязанца взяли да у его сына у Захарьи... четыре полсти бурские епанечные, а в полсти по четы-

¹⁶ «Памятники дипломатических сношений древней России...», стр. 884, 1583, № 7, 1489.

¹⁷ «Русская историческая библиотека, изданная Археографической комиссиею», т. II. СПб., 1857, стр. 119, № 56, 1594.

¹⁸ «Актова книга...», стр. 120, № 68, 1584.

¹⁹ «Словарь современного русского литературного языка». М., т. V, 1956, стр. 885.

²⁰ «Русско-азербайджанский словарь». Баку, т. I, 1956, стр. 452.

²¹ М. Фасмер. Этимологический словарь, т. II, стр. 20.

²² И. Срезневский. Материалы для словаря..., т. III, стр. 1659.

²³ «Памятники дипломатических сношений древней России...», стр. 33, № 7, 1489.

²⁴ Там же, стр. 45, 1490.

²⁵ Там же, стр. 12, № 2, 1488.

²⁶ Там же

²⁷ Там же, стр. 26, № 7, 1489.

ре епанчи...»²⁸, «А в клетехъ и в подклетехъ и в онбарехъ оустроити по гдѣреву наказу ключнику, всякая порядня платье ветчаное и дорожное и служне, и полсти епаньчи...»²⁹.

В русской деловой письменности XV—XVI веков получили широкое распространение фонетические варианты данного слова: *японча* и *япанча*: «Да взял есми оу Вепря червьчату япончу бурскую»³⁰, «Да взял есми у Вепря червьчату япончу Бурскую»³¹, «А у Левона да у ножевника взяли осьмнатцать литръ шолку червьчатого, да сорокъ алтынъ атаманскихъ денегъ, да двѣ япанчи бурьские, да два портища бези...»³², «А въ Новѣгородкѣ въ Сѣверскомъ князю Семену княжу Иванову сыну Шемакина великого князя гости поминокъ несли япончу бурьскую, да тясму червьчату...»³³, «... да наших, господине, лошадей взяли два коня да мерин с седлы и с уздами, да три япанчи, да три телогреи заечьи...»³⁴.

В украинской деловой письменности слово *епанча* и его фонетический вариант *опанча* зарегистрированы нами только в XVI веке в значении «верхнее платье, плащ» в следующих контекстах: «... рукавиц — двое, кошовали десет грошей, ботовъ — двое, кошовали двадцать грошей, епанча, кошовала полкопы грошей...»³⁵, «... епанчу, за которую дано полкопы грошей, жупан сукна люнского, блакитного, за который дано две копе грошей...»³⁶, «... взяли пограбили... опанча, которая кошовала сорокъ грошей...»³⁷.

В XVIII—XIX веках, судя по словарям того времени, данное слово употреблялось в тех же значениях³⁸.

В словарях современного русского литературного языка слово *епанча* в значении «длинный и широкий плащ» дается с пометой «старинное». В украинском языке закрепился вариант *опанча*³⁹.

Терлик. Это слово встречается в ряде тюркских языков (ср. тур. *târlîk* 'вид куртки без рукавов', казах. *терлик* 'кошма под чепраком')⁴⁰.

По свидетельству П. Савваитова, у татар *терликом* называется нижняя одежда, которую носят под халатом⁴¹. В киргизском языке *терлик* 'кошма под чепраком', в турецком и крымско-татарском это же слово обозначает домашние туфли. В то же время в монгольском языке также имеется существительное *тэрлэг* 'национальный халат', в бурятском *тэрлиг* 'халат'. Сравнение названных выше существительных в тюркских и монгольских языках позволяет заключить, что тюркское *терлик* явля-

²⁸ «Памятники дипломатических сношений древней России...», стр. 27, № 7, 1489.

²⁹ «„Домострой“ по Коншинскому списку и подобным». М., 1908, стр. 53.

³⁰ «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». М., 1950, стр. 353, № 88, 1503.

³¹ «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел», часть 1. М., 1813, стр. 343, № 132, 1504.

³² «Памятники дипломатических сношений древней России...», стр. 30, № 7, 1489.

³³ Там же, стр. 11, № 2, 1486.

³⁴ «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.», т. I, стр. 195, № 222, 1528.

³⁵ «Актова книга...», стр. 75, № 43, 1584.

³⁶ Там же, стр. 81, № 78, 1584.

³⁷ Там же, стр. 103, № 64, 1584.

³⁸ См.: В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955; «Словарь Академии Российской». СПб., часть 1—4, 1792—1794; «Словарь церковнославянского и русского языка». СПб., 1847; «Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности промыслов и быта народного». СПб., 1843, составил Влад. Бурнашев, т. I и II.

³⁹ «Словник української мови». Київ, тт. I—V, 1970—1974.

⁴⁰ М. Фасмер. Этимологический словарь, т. IV, стр. 48.

⁴¹ П. Савваитов. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1896, стр. 145.

ется производным от основы *ter-* или *täg-* 'пот', 'потеть' и образовано посредством продуктивного тюркского аффикса *-lik*. В монгольских языках эта основа отсутствует: в бурятском глагол со значением «потеть» восходит к основе *хулэрхэ*.

Появление слова *терлик* в значении «узкий исподний кафтан» в русском языке должно быть отнесено к концу XIV или к началу XV века, так как уже в 1412—1413 годах оно встречается в Никоновской летописи: «... князь прежде всѣхъ погна на кони въ одномъ **терликѣ** и безъ киверя»⁴², «А се князь Михаило Андрѣевич благословил своего зятя, князя Осифа... **терлик** камка голуба с пугвицами...»⁴³, «А се Князь Михайло Андрѣевич благословилъ зятя Князя Осифа... **терликъ** камка голуба съ пугвицами...»⁴⁴.

Существительное *терлик* представлено в ряде словосочетаний в качестве опорного компонента: *терлик крашенин*, *терлик безинен*, *терлик камчат*, *терлик тафтян*.

Сочетания с прилагательными «крашенин» и «безинен» указывают, что *терлик* шит из грубого крашеного крестьянского полотна или бумажной прочной ткани: «А грабежу, государь, у Добрынки у Андреева взяли... сермягу, да **терлик крашенин**...»⁴⁵, «А у Остафья у Рязанца взяли да у его сына у Захарьи ... два тегилии тафтяны, да три сафьяны червьчаты ... да **терликъ безинен**...»⁴⁶, «... а съ теми рухляди взяли двѣ однорятки ипские, да однорятка новогонская, да два тегилия тафтяны, да **терликъ безиненъ**...»⁴⁷.

Словосочетания с прилагательными «камчат» и «тафтян» указывают на сорт шелка, из которого изготовлена одежда, — *терлик камчат*, *терлик тафтян*. В словосочетании *терлик камчат* прилагательное *камчат*, определяющее существительное *терлик*, указывает на шелковую цветную ткань с узорами и разводами, а прилагательное *тафтян* в словосочетании *терлик тафтян* — на тонкую, глянцевитую и плотную шелковую ткань: «... а взяли ... три тегилии камчаты, да **терликъ камчатъ**, да два **терлика тафтяныхъ**, да охабень зуфь зелена, да двѣ однорятки ипские...»⁴⁸.

В украинской деловой письменности XV—XVI веков слово *терлик* нами не зафиксировано.

В живой русской речи оно сохранялось и в последующие века, что подтверждается его регистрацией в словаре Вл. Даля⁴⁹.

В современных словарях русского литературного языка слово *терлик* приводится с пометой «историческое»⁵⁰.

Армяк. Слово заимствовано из татарского языка: *ägmäk* 'одежда из верблюжьей шерсти халатного покроя'. Родственные параллели имеются и в других тюркских языках (ср. чагат. *ögmäk*, казах. *ögmök* 'ткань из верблюжьей шерсти', связанные с тюркск. *ög-* 'ткать, плести'; монг. *egmüge*, *ögmüge*, калм. *ogmög* 'длинное грубое крестьянское платье')⁵¹.

⁴² И. Срезневский. Материалы для словаря..., т. III, стр. 952.

⁴³ «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», стр. 312, № 80, 1486.

⁴⁴ «Собрание государственных грамот и договоров...», т. I, стр. 302, № 122, 1486.

⁴⁵ «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XV вв.», т. I, стр. 17, № 2а, 1525.

⁴⁶ «Памятники дипломатических сношений древней России...», стр. 27, № 7, 1489.

⁴⁷ Там же, стр. 33, № 7, 1489.

⁴⁸ Там же, стр. 32.

⁴⁹ В. И. Даль. Указ. словарь, т. IV, стр. 401.

⁵⁰ «Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова», т. IV, стр. 688.

⁵¹ М. Фасмер. Этимологический словарь, т. I, стр. 88; Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971, стр. 29.

Тюркизм *армяк* со значением «домашняя мужская одежда» в русском языке получает распространение с XVI века: «**Армякъ** сдѣлати тонкое полотенцо»⁵².

В украинских грамотах встречаются фонетические варианты *ярмяк*, *ярмак*, *ермак*, *ермак* в том же значении: «... на возе, деи было: шест поставов сукна муравьского полтора поставъ сукна луньского, **ярмаков** новыхъ луньскихъ пят, **ярмякъ** каразеевыи...»⁵³, «... скриня малеваная, в которой было два **ярмяки** сукна файлюндишового, а два бурнатных, коштовали копь шестнадцат... **ярмаковъ** три сукна синего, люнского, коштовали осмъ копь грошей...»⁵⁴, «... за **ермяк** блакитный люнский зъ шнурами едвабю черленого, смушками подшитый, три копе грошей...»⁵⁵, «... шаты побрал с тлумком... **ермяк** зеленый фалюндышовый з шнурами папужастыми, коштовал таляров дванадцат, взял; другой **ермяк**, лунский, взял, темнозеленыи, коштовал таляров осмъ...»⁵⁶, «Взято скринку, в которой было... **ермак** полшарлатный ... **ермяк** фалундышу...»⁵⁷.

На основе слова *армяк* в украинском языке создается ряд словосочетаний, характеризующих этот вид одежды в зависимости от сукна: *ярмяк* (*ермяк*, *ярмак*) *лунский*, *ермяк* (*ярмяк*) *фалюндышовый*, *ермяк* *утерфиновыи*, *ермяк* *муравский*, *ермак* *полшарлатный*, *ярмяк* *сермяжныи*, *ярмяк* *каразеевыи*.

Ермяк (*ярмяк*) *лунский* и *ермяк* (*ярмяк*) *фалюндышовый* соотносятся, как синонимы. Составные компоненты, выраженные прилагательными, указывают на то, что одежда изготовлена из тонкого английского или голландского сукна: «У Демка Пивовара, добывшиися, до коморы, з бодни взято... **ермяк** люнский, который коштовалъ копь полпята гршей...»⁵⁸, «... **ярмяк** и жупан **файлюндишовыи** **люнских** **ярмаков** два каразии белое...»⁵⁹.

В составном наименовании *ермяк* *муравский* (ср.: *моравский*) прилагательное указывает на изготовление одежды из моравского сукна: «Тот же врьдникъ оповедалъ мне, возному, што в тот часъ отняли от мене тридцат копь грошей и **ермяк** белый **муравский** за которого дано две копе грошей...»⁶⁰.

Сочетания *ермяк* *утерфиновыи* и *ермак* *полшарлатный* (ср.: «Франчюскіе сукна, а по Русски шарлатъ, а инымъ (ихъ) сукнамъ имянь не знаемъ»)⁶¹ являются наименованием одежды, сшитой из тонкого сукна: «... взято: музского платя: **ермякъ** зеленыи **утерфиновыи**, из шнурами шолковыми, червоныи, который коштовал копь чотыри грошей литовскихъ...»⁶², «У выкулы на тот же час побрано, вломившиися до коморы и разбивши бодню, взято... **ермякъ** утерфиновыи, чорныи из шнурами едвабными, за который дано копь чотыри грошей...»⁶³, «Взято скринку, в которой было... **ермак** полшарлатный...»⁶⁴.

⁵² И. Срезневский. Материалы для словаря..., т. II, стр. 707.

⁵³ «Актова книга...», стр. 60, № 25, 1583.

⁵⁴ Там же, стр. 75, № 43, 1584.

⁵⁵ «Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов...», часть 8, т. VI, стр. 184, 1566.

⁵⁶ «Актова книга...», стр. 44, № 4, 1582.

⁵⁷ Там же, стр. 51, № 13, 1583.

⁵⁸ Там же, стр. 108, № 65, 1585.

⁵⁹ Там же, стр. 90, № 58, 1584.

⁶⁰ Там же, стр. 87, № 55, 1584.

⁶¹ И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., т. III, 1903, столб. 1581.

⁶² «Актова книга...», стр. 107, № 65, 1584.

⁶³ Там же, стр. 106, № 65, 1584.

⁶⁴ Там же, стр. 51, № 13, 1583.

Одежда из простого грубого сукна получила наименование *ярмяк* *сермяжных* и *ярмяк* *каразиевых*: «*ярмяк сермяжных*, кошовалъ грошей пятьдесят...»⁶⁵, «... скринку розлупивши, взяли, в которой, деи, было ... *ермяк каразиевых*, белых, из шнурами шолковыми, черными, кошовалъ копъ чотыри грошей литовских...»⁶⁶, «... на возе, деи, было: шест поставов сукна муравьского полтора поставъ сукна луньского *ярмаков* новых луньскихъ пят, *ярмякъ* каразеевых...»⁶⁷.

В русских диалектах *армяк* означает «сшитый из армячины крестьянский кафтан, халат, без бортов» и «такой же кафтан верблюжьего сукна и вообще широкий простой кафтан, азиям, без бортов»⁶⁸.

В словарях современного русского литературного языка слово *армяк* толкуется как «крестьянская верхняя одежда из толстого сукна в виде кафтана»⁶⁹.

В современном украинском языке слову *армяк* соответствует *сіряк* (*сірячина, свита, свитка, свитина*)⁷⁰.

Рассмотренные выше тюркизмы как в современном русском литературном языке, так и в украинском вышли из употребления и являются историзмами.

⁶⁵ «Актова книга...», стр. 76, № 43, 1584.

⁶⁶ Там же, стр. 105, № 65, 1584.

⁶⁷ Там же, стр. 60, № 25, 1583.

⁶⁸ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. I, стр. 23.

⁶⁹ «Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова», т. I, стр. 58.

⁷⁰ «Русско-украинский словарь», тт. I—III. Киев, 1968, стр. 22.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

А. Е. МАРТЫНЦЕВ

О ФОРМАХ ПАРАЛЛЕЛИЗМА В ТЮРКСКОМ СТИХЕ

Параллелизм как основа построения народного стиха не привлекал особого внимания исследователей тюркоязычной поэзии. Здесь можно указать лишь на статью В. М. Жирмунского о ритмико-синтаксическом параллелизме, где речь в сущности идет о развитии метрических форм тюркского стиха, а о параллелизме сделаны лишь замечания общего характера¹. По-видимому, в понимании многих авторов универсальные положения, характерные для русской поэтики, распространяются также и на параллелизм в тюркском стихосложении, что в целом справедливо, но оставляет вне поля зрения исследователя отдельные детали структуры стиха.

Ниже предпринимается попытка показать некоторые черты действующих в рамках параллелизма отношений между формальным и содержательным уровнем тюркоязычного народного стиха.

Древнейшей формой параллелизма обычно считают примитивные ритмические образования, представляющие собой повтор одной и той же словесной или музыкальной фразы и не связанные содержательными аналогиями. «До сих пор мы находим у различных малокультурных народов... песни без слов и почти без мелодии, заключающиеся в бесконечном повторении какого-нибудь восклицания, слова, на один и тот же лад с сильно подчеркнутыми ритмическими ударениями, составляющими самую сущность подобной наивной композиции», — отмечал В. Ф. Шишмарев². Повторяемость без развития, когда возможна лишь параллелизация основной ритмической темы взамен ее бесконечного повторения, рассматривается обычно как важнейший механизм архаических форм народного творчества³.

Как рудимент подобных примитивных форм параллелизма, который иногда условно называют формальным⁴, в народной тюркоязычной поэзии, видимо, можно выделить лишь регулярные лексические повторы, а также песенный зачин, создающий в тексте необходимую ритмическую инерцию и обычно представляющий собой неполный повтор:

¹ В. М. Жирмунский. Ритмико-синтаксический параллелизм как основа древнетюркского народного эпического стиха. — «Вопросы языкознания», 1964, № 4, стр. 3—24.

² В. Ф. Шишмарев. Этюды по истории поэтического стиля и форм. — В сб.: «В. Ф. Шишмарев. Французская литература. Избранные статьи». М.—Л., 1965, стр. 33.

³ Е. М. Мелетинский. Эдда и ранние формы эпоса. М., 1968, стр. 19.

⁴ В. И. Еремина. Повтор как основа построения лирической песни. — «Исследования по поэтике и стилистике», Л., 1972, стр. 57.

Ай айтамын айтамын
мінген атын айтамын.

‘Ай скажу, ай скажу,
Про твоего верхового коня скажу’.

(Казахский фольклор в собрании А. Потанина.
Алма-Ата, 1972, стр. 272).

Разрушение «формального» параллелизма происходило по мере развития содержательности стиха. Ритм постепенно утрачивал свойство первоэлемента, и повторяющиеся части сокращались. Например:

Synda synda synmaçaq
synnan nemiş tapy-ba?

‘На хребте, хребте рябчик,
На хребте корм нашел ли?’

(Ш. ф. стр. 360, № 125⁵).

Рост информативности поэзии освобождал повторы, которые тормозили развитие действия, от смысловых и сюжетных функций, и их использование постепенно начало регулироваться соображениями стихотворной формы. Занимая в стихе определенные позиции (преимущественно в начале или конце его), повторы поддерживали ритм и отмечали конец или начало стихотворных строк как композиционных и смысловых частей целого:

Aq paçattyn nozu artyq?
aq çalana pütken aq maý artyq
aj qara çyştyn nozu artyq? —
aý tyjyaqtyg qara albyyazu artyq.

‘Что лучше всего у белых Бачат?
В степи разводимый белый скот лучше всего.
Что лучше всего в исчерна-черной тайге?’

Имеющий шесть когтей черный соболь лучше всего’.

(Ш. ф. № 112, стр. 356).

В приведенном четверостишии повтор в анафоре и эпифоре служит единственным ритмообразующим средством. Вероятно, в архаических формах стиха элементы вторичного ритма являлись на низших уровнях основным признаком поэтической принадлежности текста⁶, а отсутствие ритмической организованности компенсировалось напевом, который, по словам В. Я. Проппа, доминировал в народной поэзии, подчиняя себе ритм⁷.

Повтор и принцип повторяемости, важная роль которых уже неоднократно отмечалась в литературе, заслуживают отдельного исследования, поэтому здесь хотелось бы отметить лишь непосредственную генетическую связь повтора с параллелизмом, который в понимании ряда авторов представляет собой неполный повтор⁸.

Психологический параллелизм, который сменил параллелизм «формальный», строился на подчеркивании аналогии явлений природы и явлений человеческой жизни. «Дело идет не об отождествлении человеческой жизни с природною и не о *сравнении*, предполагающем сознание раздельности сравниваемых предметов, а о сопоставлении по признаку

⁵ Здесь и ниже примеры даются по изданию: «Шорский фольклор». Записи, перевод, вступительная статья и примечания Н. П. Дыренковой. М.—Л., 1940.

⁶ А. М. Панченко. Книжная поэзия древней Руси. — «История русской поэзии». Л., 1968, стр. 40.

⁷ В. Я. Пропп. О русской народной лирической песне. — «Народные лирические песни». Л., 1961, стр. 46.

⁸ P. Austerlitz. Parallelismus. — «Poetics. Poetyka. Поэтика». Warszawa, 1961, стр. 440.

действия, движения...», — писал А. Н. Веселовский⁹. В тюркоязычной поэзии различные формы психологического параллелизма представлены достаточно полно для того, чтобы показать действие этого принципа построения народного стиха.

К распространенным типам параллелизма относятся конструкции, в которых вполне внятные смысловые отношения между частями параллелей поддерживаются на формальном уровне. Например:

Köl yažynda kök çačık
közənek älynda polza-če
men kölengen qysçağaš
men čürtumda polza-če.

‘Синий цветок, выросший на берегу озера,
Был бы под окном;
Любимая мною девица
Была бы в моей деревне’.

(Ш. ф. № 138, стр. 366).

Здесь части двучленной конструкции идентичны по построению и объединены повтором в эпифоре (polza-če), возникшим в результате их синтаксической тождественности. Одновременно смысловое сопоставление подчеркивается дифференциацией параллелей на формальном уровне: вертикальная аллитерация первой части и анафорическое повторение во второй части двучлена указывают на различие объектов сопоставления.

В ряде случаев вертикальной аллитерацией выделялась только одна часть двучлена:

Tajya čörčen er pala
aŋ gočuna kirbezin
men çažaan çažymny
menəŋ tuyan körbezin.

‘По тайге бродячий молодец
В лапы зверя пусть не попадет.
Жизнь, подобную моей,
От меня рожденный пусть не увидит’.

(Ш. ф. № 149, стр. 371).

Иногда анафорические повторы объединяют функционально и синтаксически идентичные стихи при помощи перекрестной конструкции:

Men kessen ayaš
ulug synnyŋ tegejinde
men kölengen qysçağaš
ulug tomnyŋ qažynda.

‘Дерево, которое я срублю,—
На вершине великого холма.
Девица, которую я люблю,—
На берегу великой Томи’.

(Ш. ф. № 143).

Обращает на себя внимание, что редифоподобные конструкции, видимо, также рассматривались как формальные элементы, отражающие содержательные отношения в стихе:

Artyg čerde ažyg čoq
ajttuğan qystan artyq čoq
konu čerde kečig čoq
kölengen qystan artyq čoq.

‘Через речной порог — перехода нет,
Лучше высватанной девицы нет.

⁹ А. Н. Веселовский. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля. — В кн.: «А. Н. Веселовский. Историческая поэтика». Л., 1940, стр. 125.

На плесе — брода нет,
Лучше любимой девицы нет'.

(Ш. ф. № 118, стр. 358).

Здесь сведены в одно четверостишие две параллельные конструкции, неоднородность которых подкреплена различной инструментальной **начал** стихотворных строк. Однако идентичность их построения и смысловая тождественность позволяют рассматривать все четверостишие как некое единство, объединяющее два способа сказать одно и то же, а дополнительным средством объединения служит повтор в эпифоре. Необходимо отметить, что проследить непосредственную зависимость формальных средств от смысловых отношений внутри стиха удастся далеко не всегда. Ритмические элементы зачастую утрачивают свою органичность и переходят в прием. Аллитерация и тождественные грамматические окончания или повторы в конце строк объединяют стихи в ритмически неразрывное целое, и дифференциация сопоставляемых частей двучлена происходит только на содержательном уровне, например:

Kümüş meniñ çüstügüm
küñge aýa şalyaj
kölingen meniñ qyzymya
kümüş aça-ар çaş öскеj.

'Серебряное мое колечко
При солнце, при месяце пусть сверкает.
У любимой моей девицы,
С серебром переплетаясь, косы пусть растут'.

(Ш. ф. № 132, стр. 364).

Вертикальная аллитерация часто сопровождается рифмой, возникающей в результате синтаксического параллелизма:

Qançe ayaş men kestim
quzuqtañ qadygdy keşpedim
qançe qystar men kördim
senen artyqty körbedim.

'Сколько деревьев я ни срубал,
Тверже кедра не рубил.
На скольких девиц я ни смотрел,
Лучше тебя я не видел'.

(Ш. ф. № 121, стр. 358).

Канонизация начальной аллитерации как приема иногда приводит ее в противоречие со смысловым строем стиха:

Tabylıya turlas tajga par-ba?
tarynyş qonbas çon par-ba?
terek turbas tajga par-ba?
rögün qonbas çon par-ba?
pıan çögrän tajga par-ba?
Pulıyal — qonbas çon par-ba?

'Есть ли тайга, где не рос бы тал?
Есть ли народ, который жил бы, не ссорясь?
Есть ли тайга, в которой не стоял бы тополь?
Есть ли народ, который жил бы, не раздумывая?
Есть ли тайга, в которой не бегал бы сохатый?
Есть ли народ, который не сбивался бы с пути?'

(Ш. ф. № 131, стр. 362).

Аллитерация делит приведенный шестисложник на две части, разрушая формальное единство второго двустушия, а перекрестные повторы определяют ритмические связи внутри всего стиха, то есть элементы вторичного ритма подчинены задаче создания общей выразительности текста, игнорируя отдельные его части, которые в смысловом отношении могут рассматриваться как автономные. По-видимому, можно полагать,

что трансформация психологического параллелизма в новые формы началась с нарушения связей между формальным и содержательным уровнем. Это произошло, вероятно, с исчезновением антифонизма, который поддерживал смысловую и выразительную разделенность двух частей двучлена.

Разрушение психологического параллелизма А. Н. Веселовский связывал с ослаблением внятных соотношений между деталями параллелей, которые постепенно утрачивают содержательное соответствие¹⁰. Применительно к тюркоязычной поэзии это положение представляется не совсем точным. Видимо, можно ставить вопрос о переходе параллелизма в область более сложных связей между сопоставляемыми частями, когда состояние аналогии подменяется отношениями тропа, хотя нередко параллели выполняют чисто формальную функцию. Например:

Айва бәнім нар бәнім
бір әфәндім вар бәнім
кісмәтлә кавуңурсам
чок ситәмім вар бәнім.

‘У меня есть айва и гранат,
У меня есть господин.
Если повстречаюсь я с судьбой,
У меня найдется много горьких слов’.

(Образцы, № 22, стр. 440¹¹).

Очевидно, что первая строка задает ритмический рисунок четверостишия, а вторая и третья уже непосредственно связаны отношениями параллелизма: *әфәнді* ‘господин’ — *kismät* ‘судьба’. Сопоставление кажется допустимым, даже если предположить, что исполнитель — женщина (тогда: *әфәнді* ‘милый’, ‘суженый’).

Параллелизм может объединять все части стиха:

Bülbülüm авасындан
су ічтім коvasымдан
бан јаріма кавушум
достларым дуасындан.

‘Под трели соловья
Я выпил воды из ведра.
Я встретился с милой
По настоянию друзей’.

(Образцы, № 95, стр. 452)

В приведенном четверостишии аналогии, видимо, можно установить между парами: «Под трели соловья — по настоянию друзей»; «Я выпил воды из ведра — я встретился с милой».

Параллельно с «образностью» развивается также повествовательность, когда текст строится по схеме: причина — следствие или наоборот:

Кајык калкар су акар
јарім ічіндјм бакар
ал фәзі әірі коімуш
атәші бәкі јакар.

‘Отчалила лодка, течет вода,
Из [лодки] смотрит на меня милая,
Красная косынка повязана криво.
Меня сжигает огонь’.

(Образцы, № 164, стр. 463).

1. Причина: уезжает милая (первые две строки).

2. Следствие: реакция действующих лиц — печаль (две вторые строки).

¹⁰ А. Н. Веселовский. Психологический параллелизм и его формы, стр. 152.

¹¹ Цит. по: В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, ч. VIII. СПб., 1899.

Һынчырык тутту бәни
тутту куунту бәни
һакикатсыз җар иmişин
һә тәз унуттун бәни.

‘Овладела мною ненависть,
Печаль овладела мною.
Ты была неверной возлюбленной,
Ты так быстро меня забыла’.

(Образцы, № 145, стр. 460).

1. Причина: неверность возлюбленной (две вторые строки).

2. Следствие: печаль, ненависть (первые две строки).

Содержательные отношения в тексте, безусловно, не исчерпываются указанной схемой, но она, видимо, является главной.

В основу ритмической структуры стихов периода разрушения психологического параллелизма положен принцип синтаксического соответствия корреспондирующих стихов с грамматической рифмой в конце строк, но иногда удается обнаружить более сложные случаи рифмовки. Например:

Бәһчәләрдә сармашык
бән сана олдум ашйк
софрада аклыма гәлдін
әлімдән дүштү кашык.

‘В садах [растет] плющ.
Я тебя полюбил,
Вспомнил [тебя] за столом —
Из руки выпала ложка’.

(Образцы, № 66, стр. 447).

По-видимому, «образность» развивалась по пути дальнейшего усложнения и отказа от прямых аналогий. Результатом этого процесса явились изменения в области грамматической природы рифм, среди которых увеличивается количество сочетаний корней слов и разнородных грамматических окончаний.

Рассмотренные выше различные типы параллелизма, видимо, можно разделить на две основные группы. Первая из них в целом характеризуется непосредственными связями формальных средств с планом содержания, вторая — канонизацией ритмических элементов стиха и сложными связями между сопоставляемыми частями.

Необходимо также отметить, что в тюркоязычной поэзии смену психологического параллелизма другими типами параллелизма нельзя оценивать как явление формального плана. Подобная точка зрения нуждается в пересмотре. Как было установлено, в некоторых формах параллелизма состояние прямой аналогии и сопоставления подменяется развитием между элементами стиха сложных отношений тропа, что выдвигает новые требования к формальной организации. Параллелизм как генетическая основа тюркского лирического стиха продолжает оставаться главным структурным элементом и поздней, формально канонизированной народной лирики, включая в себя и простейшие повторения, и сложные связи взаимного моделирования.

Л. Н. СТАРОСТОВ

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЯЗЫКОМ ПРОЗЫ НАЗЫМА ХИКМЕТА

«Как крестьянин любит свою землю и вола,
как столяр — свои доски и рубанок,
так я люблю турецкий язык».

Назым Хикмет.

Языковая реформа в Турции имеет своих активных сторонников и столь же активных противников. Первые ратуют за последовательное очищение языка от любых заимствований. Вторые решительно протестуют против всех языковых новаций.

Как известно, решающее слово в определении литературных норм языка принадлежит художественной литературе, и в этой связи большой интерес представляют прозаические произведения Назыма Хикмета.

Первые серьезные опыты Назыма Хикмета в прозе связаны как раз с языковой реформой. Выступая в середине тридцатых годов в качестве постоянного газетного комментатора, поэт, уже завоевавший в ту пору славу выдающегося художника слова, называл свои статьи *temiz türkçe denemeleri*¹, то есть 'пробы чисто турецкого языка'. Назым Хикмет уже тогда заменял османизм *tecrübe* 'опыт' исконно турецким словом *deneme*, которое сейчас почти полностью вытеснило османский синоним, так же как глагол *denemek* — соответствующий османизм *tecrübe etmek*.

В языке прозаических миниатюр этого периода Назым Хикмет осуществляет весьма характерные лексические замены. Ниже приведены некоторые из них, даже не все из зафиксированных ныне в «Словаре собственно турецких слов» Али Пюскюллюоглу в качестве общепризнанных и широко употребляемых². В скобках даны заменяемые османизмы:

Ozan (şair) 'поэт', *karşılık* (cevab) 'ответ', *sayın* (muhterem) 'уважаемый', *ülke* (memleket) 'страна', *bilgi* (malûmat) 'знания'; 'сведения', *bilgin* (alim) 'ученый', *gezgin* (seyyah) 'путешественник'; 'странник', *söylev* (nutuk) 'речь', *gerek* (lâzım) 'необходимый', *savaş* (harp) 'война', *incelemek* (tedkik etmek) 'исследовать', 'изучать', *devrim* (inkılâb) 'революция', *ulus* (millet) 'нация', *örnek* (misal) 'пример', *gez/kez* (defa) 'раз', *nesne* (şey) 'вещь', *önem*, *önemli* (ehemmiyet, ehemmiyetli) 'важность', 'значение'; 'важный', 'значительный', *biçim* (şekil) 'вид', 'образ', *ülkü* (mefkûre) 'идеал', *üstüarı* 'надстройка' (это уже не замена, а новый для турецкого языка термин).

¹ Оговорка эта содержится в миниатюре «Собака лает — караван идет» в сборнике миниатюр и рассказов Назыма Хикмета под тем же названием, вышедшем на турецком языке (Стамбул, 1965). Весь языковой материал статьи, относящийся к ранней прозе поэта, опубликованной впервые, главным образом на страницах газеты «Акшам» (1935—1936), почерпнут из этого сборника.

² Ali Püsküllüoğlu. Öz türkçe Sözlük, genişletilen ikinci basım. Ankara, Bilgi yayınevi, Ekim, 1971.

Некоторые предложенные Н. Хикметом в этом цикле неологизмы (точнее новообразования) привились, но в ином значении: *sorgu* (*sual*) 'вопрос' заменен словом *soru*, а предложенное Н. Хикметом *sorgu* употребляется как 'допрос', *anlatım* (*hikâye*) 'рассказ' в этом значении заменен словом *öykü*, а само *anlatım* употребляется как замена арабского *ifade* 'выражение'. Отдельные введенные Хикметом неологизмы отпали вообще: *özansözü* (*şiir*) 'стихи' (осталось арабское слово, что, кстати, не совсем логично при замене однокорневого арабского же *şair* 'поэт'), *işleyici* (*amele*) 'рабочий' — сейчас распространено более, конечно, удачное *işçi*.

Учитывая значимость и частотность употребления в современном турецком языке перечисленных укоренившихся замен, можно оценить, какой большой вклад в осуществление языковой реформы внес Н. Хикмет еще в ранний период своего творчества.

Ортодоксально-пуристки настроенные деятели «языковой революции» одинаково враждебно относятся как к османизмам, так и заимствованиям из языков западноевропейских, представляющих собой главным образом терминологию (не только научную, но и общественно-политическую, экономическую и т. п.). Отчасти это обосновано. Так, например, в коротком слове *realizm* четырежды нарушается звуковой строй турецкого языка [начальный согласный (*r*), стечение гласных (*ea*), нарушение гармонии гласных, стечение конечных согласных (*zm*)]. Тот же термин «реализм» нашел в современном турецком языке относительно удачную замену — *gerçekçilik*. Это слово и Назым Хикмет иногда употреблял в последних своих статьях. Но, во-первых, оно сконструировано от корня со значением «истина», а не «реальность». Во-вторых, в других случаях «конструирование» замен по аналогичному способу приводит к появлению таких явно неудачных терминов, как *erkinlikçilik* или *özelgirışimcilik* 'либерализм', не понятных без пояснения общепринятым международным термином. И, наконец, в-третьих, пуристы забывают о роли синонимии (ср. равноправие слов «промышленность» и «индустрия» в русском языке). В итоге такого «очищения» потеря оказывается больше, чем приобретений.

Все это прекрасно понимал Назым Хикмет, осуществляя свои «опыты», и поэтому смело вводил вместо «воляпюкоподобных» османизмов международную (главным образом французского происхождения) лексику, которая так широко представлена в его ранних произведениях: *ekonomi*, *etüd*, *faktör*, *kritik* (вм. *tenkid*), *ideal*, *senfoni*, *kompozisyon*, *tablo*, *sosyete*, *modern*, *objektif*, *karakteristik*, *oportünist*, *prensip*, *lüks* (sic!), *olimpiyat*, *provokasyon*, *tiraj*, *dekor* и т. д., и т. п. И делалось это не потому, что Н. Хикмет (как, впрочем, и другие представители турецкой интеллигенции) владел французским языком, а потому, что это был более правильный путь, ибо в то время невозможно было сразу заменить османизмы удачными эквивалентами, созданными на турецком языковом материале. Игнорировалась ли тем самым задача демократизации турецкого литературного языка? Нет, конечно, ведь вопрос касался особого пласта лексики — терминологии, освоение которого соответствовало целям демократизации литературного языка. В условиях переориентации на западноевропейскую культуру такая «прозападная» языковая политика как раз более всего отвечала этим задачам. Так, например, термин *gerçekçilik* 'реализм' не будет понятен широким читательским массам, несмотря на его исконно турецкий морфемный и звуковой состав, пока не будет постигнуто его истинное значение. Нововведения Н. Хикмета на материале собственно турецкого языка (*öztürkçe* — как он называется сейчас) уже в тот период не ограничивались областью одной только лексики.

Назым Хикмет ввел в литературный язык исконные народно-разговорные формы прилагательных на *al/sal : ulusal* (вместо *milli*) 'национальный', то же с синтаксическим оборотом типа *gidene kadar* ('пока не уйдет'). Далее, этот же арабский синтаксический формант *kadar* он заменяет турецким послелогом *dek* (*varıncaya dek* 'доходя до ...', 'включая и ...'). И, что наиболее существенно, вводит так называемое *devrik cümle* 'инвертированное предложение' в авторскую речь: *ninemizin dizlerine koyardım başımı* 'любил я класть голову на колени бабушке'. В пятидесятые годы проблема *devrik cümle* вызвала оживленную дискуссию, в результате которой инверсия сказуемого, да и не только сказуемого, утвердилась в турецком литературном языке, произведя настоящий переворот в его синтаксисе. Не обошлось и без излишеств, по поводу чего Н. Хикмет писал: «Я не противник инвертированной фразы. Напротив. Но я и не сторонник ее слишком частого употребления только ради игры формой»³.

Борясь за очищение турецкого литературного языка от османизмов, за приближение его к народно-разговорному языку, Н. Хикмет в то же время не забывал о необходимости сохранения и умножения богатства языка, совершенствования его художественно-выразительных средств, постоянно подчеркивал зависимость формы от содержания. В приведенных нами примерах Н. Хикмет широко использует синонимику (слово турецкое — слово османское) в различных художественных целях. *Milli kurtuluş, milli istiklâl kavgası* 'борьба за национальное освобождение, за национальную эмансипацию...' — здесь синонимы поставлены рядом для усиления мысли, логического акцента. *Bir ayna kötülükleri gösteriyor diye kızıp aynayı kırmak ne kadar gülünçse, altına kızmak da o denli komiktir* 'Разбивать зеркало, рассердившись на него за то, что оно показывает недостатки (людей), в такой же степени смешно, в какой мере комично сердиться (за то же) на золото' — здесь в турецком предложении синонимы использованы (причем дважды, отметим еще одну пару *gülünç — komik*) в качестве стилистической фигуры, позволяющей избежать словесной тавтологии. В этом примере к тому же Н. Хикмет осовременивает турецкий по происхождению архаический оборот *o denli*, ныне широко употребляемый в форме *o denli*.

В других случаях, с той же стилистической целью, но с обратной художественной задачей, Н. Хикмет использует явно устаревшие османизмы: *Onların diliyle onlara HÜVELBAKİ* 'скажи им (консерваторам. — Л. С.) их же языком: «осталось уповать лишь на всевышнего!»' (В турецком предложении выделено лексикализованное арабское фразеологическое сочетание-изафет, широко распространенное среди мусульманского духовенства). Такие османизмы ныне используются для характеристики явлений реакционных, консервативных. Особенно искусно обыграл их в одном из последних своих сборников рассказов турецкий писатель Азиз Несин⁴.

Качественные изменения, произошедшие в языке турецкой литературы всего за тридцать лет — с начала тридцатых до шестидесятых годов, огромны. Большинство писателей, прозаиков и поэтов, активно усвоивших османский язык, воспринимали их болезненно, с трудом. Им приходилось зачастую «переводить» свои ранние произведения на современный язык, а многим, как об этом пишет Орхан Ханчерлиоглу в

³ Предисловие Назыма Хикмета к книге Fahri Erdinç. *Memleketimi anlatıyorum*. Sofya, 1960, стр. 7.

⁴ *Aziz Nesin. İnsanlar uyanıyor*. İstanbul, 1972.

своей повести «Али», — пользоваться в процессе творчества словарями Турецкого лингвистического общества.

Назыма Хикмета это не коснулось (если не считать единичных замен *son kâniin* → *osak* 'январь' и т. п.) прежде всего потому, что он никогда не владел должным образом османским языком⁵. Этим объясняется и тот факт, что уже самые ранние свои стихи Н. Хикмет писал на чистом турецком языке⁶. Поэт не только внимательно следил за ходом языковой «революции», но даже предвидел ее ближайшие и отдаленные последствия. Кроме того, Н. Хикмет никогда не впадал в крайности и поэтому язык его на всех этапах творчества признавался своеобразным эталоном чистоты.

Создавая «акшамовский» цикл прозаических миниатюр, Н. Хикмет впервые поставил перед собой специальную цель интенсивного обновления турецкого литературного языка. Поэтому он и назвал этот цикл «постановкой опытов» и не считал его относящимся к собственно художественному, писательскому творчеству⁷, хотя неоспоримо, что этот цикл является весьма существенным вкладом в турецкую художественную литературу и составляет заметную часть художественного наследия поэта⁸.

В этом цикле Назым Хикмет, опережая свое время, пошел на этот исключительный в его творчестве шаг сознательно, только ради пропаганды и поддержки реформы языка — одного из прогрессивных, демократических преобразований, осуществленных Кемалем Ататюрком, которые Назым Хикмет принимал с воодушевлением⁹.

Именно по этой причине первый роман Н. Хикмета «Кровь не говорит», созданный тогда же, в 1936 году, резко отличается по языку от «акшамовского» прозаического цикла. В романе сочетаются близкий к разговорному языку турецкой интеллигенции стиль авторской речи и заметно индивидуализированная речь персонажей. Из тех лексических замен-новаций, которыми изобилует «акшамовский» цикл миниатюр, в романе встречаются лишь единицы (*sorgu*, кстати, уже в значении «допрос» в обороте *sorguya çekmek* 'привлечь к допросу', *nesne* наряду с *şey* 'вещь'). Однако в книге очень много османизмов, включая начисто отвергнутый современными пуристами персидский изафет типа *akaid-i diniye* 'богословие', *Fransa inkılâb-ı kebirî* 'Великая французская революция'. В подобных случаях у автора не было выбора, поскольку все это были общепринятые, утвердившиеся в языке термины, не имевшие еще собственно-турецких замен. Инвертированные предложения, довольно регулярные в диалогах, в авторской речи встречаются еще очень редко: *Ömer ceketini çıkardı. Gazino duvarının dışına oturdu. Burası serin biraz. Kocaman, koyu yeşil bir ağacın gölgesi düşüyor Ömer'in üstüne.* 'Омер снял пиджак. Сел у наружной стены казино. Здесь прохладнее чуть-чуть. Тень огромного густо-зеленого дерева падает на Омера'. Характерен галлицизм *gazino*, подобных ему в романе «Кровь не говорит» довольно много, так же как и в турецкой речи того времени. Сейчас подобные слова, относящиеся к турецким реалиям, уже почти не встречаются.

Последним прозаическим произведением Назыма Хикмета является роман «Романтика» (турецкое название «Yaşamak güzel şeydir be karde-

⁵ Сам Назым Хикмет говорит об этом в своей последней автобиографии; см.: Назым Хикмет. Избранное. М., 1974, стр. 461.

⁶ См.: Kerim Sadi. Nâzım Hikmet'in ilk şiirleri. İstanbul, 1969.

⁷ См. интервью Назыма Хикмета газете «Son posta» в книге: Nâzım Hikmet. Kan konuşmaz. İstanbul, 1965, стр. 20.

⁸ См.: Aziz Nesin. Merhaba. Ankara, 1971, стр. 234—235.

⁹ Об этом пишет сам Назым Хикмет в миниатюре «Собака лает — караван идет».

şim»). Между временем написания первого (1936) и последнего (1963) романов прошло почти тридцать лет¹⁰. Не удивительно, что язык «Романтики» резко отличается от языка всей предшествовавшей прозы Назыма Хикмета. И не только благодаря изменениям, вызванным «языковой революцией».

Автору этих строк посчастливилось перевести почти всю прозу Н. Хикмета, изданную на русском языке. Назым Хикмет не имел обыкновения сверять русский перевод с оригиналом, даже тогда, когда это касалось его поэтических сказок или стихов в прозе. Тем более примечательно, что свой последний роман он во всех трех вариантах строка за строкой сверял с оригиналом, то и дело прерывая чтение русского перевода вопросами «А нельзя ли здесь сказать вот так...?», «А можно подобрать слово поглубже?», замечаниями типа «Нет, это слишком поинтеллигентски, а тут у нас ужасное аргю (*müthiş argo*)». Именно это замечание и определяет главную особенность языка «Романтики». Н. Хикмет говорил в одном из интервью: «Стремлюсь, чтобы роман был современным, динамичным, реалистическим». Это требовало, в частности, чтобы прозаик даже в авторскую речь вводил интонации разговорного языка, притом не только языка **интеллигенции**, но вообще **народного языка**, включая просторечные элементы и арготизмы. Безусловно, широкое использование арготизмов, в том числе и в авторской речи, не было нововведением или прихотью Н. Хикмета, а являлось данью велениям времени и отвечало тем закономерностям, которыми характеризовался современный поэту литературный процесс.

Новообразования-замены, вызванные к жизни «языковой революцией» и к шестидесятым годам уже утвердившиеся в языке, в романе широко представлены в авторской речи. В прямой же речи Н. Хикмет старался ограничить их употребление в соответствии с условиями места и времени.

Значительная часть действия романа происходит в Советской России начала двадцатых годов. Отсюда часто встречающиеся русизмы *burjuj, perman, kulak* и др. Интересно, что влияние русского языка можно обнаружить даже в некоторых стилистических фигурах оригинала: «*oglan... diyor, anne... diyor, oglan... diyor*». По поводу этого необычного в турецкой прозе повтора Назым Хикмет сказал: «А это я вспомнил очень понравившуюся мне тогда песенку — „стоит, говорит, растет, говорит, в лесу, говорит, сосенка...“».

И, наконец, само название романа в русском издании не что иное, как дань прочным ассоциациям тех юных революционно-романтических лет, неразрывно связанных с русскими реалиями и русским языком. Назым Хикмет, разумеется, сам пожелал, чтобы его лебединая песня была названа «нетурецким словом „Романтика“», как это оговорено в рукописи.

Язык Назыма Хикмета и даже язык только его прозы — наименее характерного для выдающегося турецкого поэта рода литературы — тема, заслуживающая глубокого исследования и не одного. В данной статье нами намечены лишь основные вехи такого исследования, причем мы старались не вторгаться в область поэтики, хотя это и было крайне трудно, ибо речь шла о языке большого поэта. Не обошлось поэтому и у нас без отклонений в сторону от намеченного.

¹⁰ Между первым и последним был еще один роман «Зеленые яблоки» (1936). Но эту вещь — своеобразную компиляцию из семи зарубежных авторов — сам Назым Хикмет считал литературной поделкой, сработанной в период материальных затруднений ради денег, поэтому она не заслуживает сколько-нибудь серьезного анализа.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

С. Н. ИВАНОВ

ОБ ИЗУЧЕНИИ ГРАММАТИКИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Современная наука характеризуется активными поисками новых методов исследования. В этом процессе отражаются сдвиги в развитии наук и преобразование самого типа научного мышления¹. Несомненно, что и тюркское языкознание на современном этапе его развития испытывает острую потребность в новых методах изучения и способах теоретической интерпретации фактов языка. В особенности это проявляется в области грамматических разысканий, так как именно в грамматическом строе языка исследователи с давних пор ищут строгую организацию составляющих его единиц. Попытке осмысления путей развития тюркского языкознания и задач, выдвигаемых современным состоянием науки о тюркских языках, и посвящена настоящая статья. Вопросы эти рассматриваются на материале истории отечественной тюркологии.

Методы, используемые в той или иной науке в разные периоды ее становления и развития, всегда являются производными от задач, стоящих перед данной наукой в определенный момент. Если пытаться дать обобщенную характеристику отечественного тюркского языкознания за сто лет — от выхода в свет первого издания труда А. М. Казембека «Общая грамматика турецко-татарского языка» (1839) до грамматических работ Н. К. Дмитриева по кумыкскому (1940) и башкирскому (1948) языкам, или даже за сто пятьдесят лет, отодвинув начальную дату указанного периода к 1801 году, когда была издана «Грамматика татарского языка...» И. Гиганова, то нужно будет признать, что наиболее характерной чертой обозначенного этапа является **систематизация** грамматических фактов тюркских языков и стремление проникнуть в особенности отдельных грамматических явлений. Метод систематизации определялся задачей **описания** грамматического строя того или иного языка, то есть задачей сплошной и последовательной фиксации замеченных в нем явлений.

Этот этап развития отечественного тюркского языкознания отмечен крупными достижениями. Уже в прошлом веке были заложены основы описательной схемы тюркской грамматики, и поныне служащие каркасом грамматических построений в различных исследованиях. Наиболее значительными трудами в русской тюркологии, оказавшими сущест-

¹ См., например: А. Ф. Зотов. Структура научного мышления. М., 1973; И. Б. Новик. Синтез знаний и проблема оптимизации научного творчества. — В сб.: «Синтез современного научного знания». М., 1973, стр. 294—320; см. также: В. С. Библер. Мышление как творчество. М., 1975.

венное воздействие на последующую грамматическую традицию, были упомянутая грамматика А. М. Казембека, труд О. Н. Бётлингга «Über die Sprache der Jakuten» (1851) и «Грамматика алтайского языка...» (1869). Совершенствование принципов систематизации, реализованных в названных трудах, связано с деятельностью П. М. Мелиоранского — первого тюрколога-лингвиста², в работах которого явственно проступают черты языковедческого исследования. Труды его — «Памятник в честь Кюль-Тегина» (1899) и «Араб-филолог о турецком языке» (1900) — завершают собою столетний период (от «Грамматики татарского языка...» И. Гиганова 1801 г.) становления описательной грамматики тюркских языков. Ранняя смерть помешала П. М. Мелиоранскому завершить намечавшийся в его трудах переход от описательно-грамматических штудий к созданию грамматики исследовательского типа.

Новый этап в развитии грамматических исследований был связан с задачами национального и культурного строительства, которые были поставлены Великой Октябрьской социалистической революцией. Этот период характеризуется «фронтальным» созданием описательных грамматик тюркских языков. Начало этой работе было частично положено грамматическими трудами представителей старшего поколения советских тюркологов — А. Н. Самойловича («Краткая грамматика крымско-татарского языка», 1916; «Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка», 1925) и В. А. Гордлевского («Грамматика турецкого языка», 1928). В течение указанного периода, хронологические рамки которого охватывают почти четверть века (до выхода в свет в 1948 г. «Грамматики башкирского языка» Н. К. Дмитриева), были созданы многочисленные труды по грамматике тюркских языков. При этом «османистическая» ориентация А. Н. Самойловича и В. А. Гордлевского, естественно, уступила место изучению тюркских языков советских республик и областей. Особенно продуктивными оказались 30-е и 40-е годы, когда были изданы «Грамматика кумыкского языка» (1940) и «Грамматика башкирского языка» (1948) Н. К. Дмитриева, «Грамматика ойротского языка» (1940), «Грамматика шорского языка» (1941) и «Грамматика хакасского языка» (1948) Н. П. Дыренковой, «Грамматика киргизского языка» И. А. Батманова (1939—1940), «Грамматика уйгурского языка» В. М. Насилова (1940), «Основы синтаксиса туркменского литературного языка» А. П. Поцелуевского (1943), «Грамматика современного турецкого языка» Х. Джевдет-заде и А. Н. Кононова (1934), «Грамматика турецкого языка» А. Н. Кононова (1941) и его же «Грамматика узбекского языка» (1948), «Ногайский язык и его диалекты» Н. А. Баскакова (1940), «Узбекский язык» В. В. Решетова (1946). В грамматиках этого периода уже заметны исследовательские моменты, однако на данном этапе преобладающими были задачи создания описательных грамматик, что определяло и метод грамматических разработок того времени — преимущественно **систематизирующий**.

Современная наука четко разделяет два принципиально различных понятия — **систематизация** и **система**. Систематизация — это **внешнее** упорядочение фактов, классифицирующее явления по непосредственно наблюдаемым признакам и соответственно излагающее их в рамках принятой и устоявшейся схемы. Система — это глубинное свойство объекта исследования, его целостность, проявляющаяся в урегулированном

² См.: А. Н. Кононов. П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология. — «Тюркологический сборник 1972». М., 1973, стр. 7—17.

соотношении частей и элементов, в их **внутренней организованности**. Система фактов не дана в непосредственном наблюдении и должна быть вскрыта в результате изучения соотношений элементов, из которых складывается данный объект исследования.

Понятие **внутренне организованной системы фактов** в науках гуманитарного цикла активно формируется лишь в настоящее время, и следует со всей определенностью сказать, что в тюркском языкознании оно в течение того периода, о котором говорилось выше, естественно, отсутствовало, хотя и зрело исподволь. Поэтому для указанного периода характерно такое изучение грамматики, при котором **внешняя систематизация фактов** сопровождалась объяснением **отдельных** явлений. Здесь были и яркие догадки, и глубокие прозрения, и удачные сопоставления фактов, но главным было то, что при отсутствии четко сформулированного понятия о **внутренней и объективно** (то есть независимо от исследователя) существующей системе фактов перевес часто оказывался на стороне характеристик, **субъективно** приносимых в объект исследования.

Этот субъективный момент в грамматических штудиях неизбежно проявлялся в методе объяснения от известного и привычного, то есть в сопоставлении изучаемых грамматических явлений с аналогичными или в чем-либо сходными фактами родного языка исследователя или же языков более изученных (как правило, эти два понятия совпадали). В силу названных причин в грамматиках тюркских языков отдельным явлениям давались объяснения, идущие от термина, от догматически понимаемой «нормы», «по ожиданию» подчеркивалась своеобразная «экзотичность» явлений по отношению к близким явлениям других языков. При этом понятие о том, что все «необычности» в наблюдаемом материале должны быть осознаны как своеобразная система со **своими** отношениями между слагающими ее элементами, не формулировалось: исходными были представления, идущие от иноязычных грамматических схем. Естественно, что в русской и советской тюркологии «системой отсчета» для изучаемых явлений тюркской грамматики являлся русский язык. Э. В. Севортян справедливо указывает, что сравнение с русским языком «остаётся во всех случаях молчаливо подразумеваемым отправным пунктом всяких тюркологических суждений»³. Примеров подобных объяснений более чем достаточно. Рассмотрим лишь некоторые из них.

Своеобразие категории числа и характеристика фактов, в которых оно проявляется, находили отражение во всех трудах по грамматике. Подчеркивались особенности форм числа — единственного (возможность обозначения не только единичности как таковой, но и собирательной множественности) и множественного (способность его, наряду с обозначением множественности, выражать также и некоторые значения, лишь косвенно связанные с идеей количества, — обилие, приблизительность и т. д.). Обе формы числа при этом порознь сопоставлялись с привычными представлениями о значениях единственного и множественного чисел, основанными на соответствующих фактах европейских языков⁴. Вопрос о грамматическом соотношении форм обоих чисел в тюркских языках, о характере их **противопоставления** в строе языка обычно не освещался. Для объяснения же «необычных» свойств тюркской катего-

³ Э. В. Севортян. К проблеме частей речи в тюркских языках. — В сб.: «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 192.

⁴ См., например: Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1946, стр. 219—221.

рид числа, то есть для истолкования ее особенностей именно в тюркских языках, чрезвычайно характерна точка зрения, сформулированная В. Котвичем: «Создается впечатление, что алтайские языки не имели тенденции к урегулированию этого вопроса, к созданию **настоящей** грамматической категории множественного числа, которая **соответствовала** бы множественному числу индоевропейских языков»⁵. С точки зрения системного подхода к грамматическим явлениям произвольность избранной автором «системы отсчета» очевидна. С современных научных позиций невозможно оценивать явления языка как «отклонения» от априорно устанавливаемой «нормы»: важны реальные соотношения двух форм числа, образующие его грамматический механизм и систему в данном конкретном языке, который «имеет право» быть непохожим на языки другой типологии⁶.

С приведенным суждением В. Котвича прямо перекликается мнение Н. К. Дмитриева, высказанное по другому поводу — о степенях сравнения: «В башкирском языке (как и почти во всех тюркских) степени сравнения **еще не сложились** в одну стандартную схему, в одну общую **нормализованную парадигму**»⁷.

Примером прямой зависимости грамматик тюркских языков от чуждых им грамматических схем можно считать включение в раздел морфологии параграфов о категории рода. В этом отношении чрезвычайно характерны грамматика ойротского и шорского языков Н. П. Дыренковой. Во второй из них вслед за заглавием «Грамматический род» читаем: «Категория рода в шорском языке отсутствует» (далее следует изложение фактов, связанных с выражением «пола и возраста людей и животных») ⁸.

Известно также, что попытки выявить в тюркских языках грамматическую категорию вида, возможно, и опирающиеся отчасти на собственно тюркский материал, часто ориентировались на поиски соотношения значений совершенности и несовершенности, характерных для русского языка⁹.

Очень любопытна в этом отношении история разнообразных попыток истолкования причастных оборотов в тюркских языках и залоговых отношений в причастиях. Так, например, Н. К. Дмитриев, рассматривая башкирские причастные обороты типа *уның улы беззең*

⁵ В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, стр. 335 (выделено нами. — С. И.)

⁶ В. Г. Гузев и Д. М. Насилов полагают, что форма имени без показателя *-лар* не может быть признана формой единственного числа, противопоставленной форме с указанным аффиксом, из-за того, что она выражает не только единичность, но и собирательную множественность (хотя известно, что идея *реального* количества и *грамматическая* категория числа в принципе не могут совпадать). При этом они утверждают, что форма без аффикса *-лар* могла бы быть признана формой единственного числа, если бы тюркской категории числа была бы свойственна формальная согласовательная функция, как это имеет место во флективных языках. Не является ли подобная точка зрения рефлексом рассматриваемых здесь объяснений «по ожиданию», хотя авторы и отмежевываются от «устоявшихся аксиом, навязанных грамматикой флективных языков»? См.: В. Г. Гузев, Д. М. Насилов. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1975, № 3, стр. 98—111. Эта точка зрения, по-видимому, продиктована концепцией С. Д. Кацнельсона. См.: С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, стр. 27—35.

⁷ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, стр. 82—83 (выделено нами. — С. И.).

⁸ Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941, стр. 35; см. также: *ее же*. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, стр. 59.

⁹ См.: «Вопросы грамматики тюркских языков». Алма-Ата, 1958, стр. 31—44.

мактапта укыган карт базарга киткән 'старик, сын которого учится в нашей школе, поехал на базар', характеризует их следующим образом: «... сказуемое поставлено не в личной форме глагола (*verbum finitum*), а в форме причастия, но это, как мы видели выше, сделано исключительно для того, чтобы подчеркнуть определительную связь, и сделано притом достаточно неискусно, так что обнаруживает некий разрыв между формой и содержанием...»¹⁰. В этой характеристике показательно то, что автор ее совершенно недвусмысленно отталкивается от представления о личной форме глагола как о «правильной» и наиболее «логичной» форме сказуемого¹¹ в относительных конструкциях. Сходная с этой оценка двусоставных¹² причастных оборотов имеется и в трудах А. П. Поцелуевского, который рассматривал их как «предложения переходного типа» и видел в них «противоречивость оформления предиката и субьекта»¹³. Эти мнения в конечном счете восходят к работе «Способы относительного подчинения» Ф. Е. Корша, усматривавшего в относительных оборотах тюркских языков «неудобство», «противоречие смыслу», «готовность пожертвовать логикой»¹⁴. Очевидно, что утверждения подобного рода основывались на «ожидании» обязательного «согласования» причастия с последующим определяемым и предполагали взгляд на *verbum finitum* как на «нормальный» тип сказуемого в зависимых глагольных оборотах.

Много недоразумений связано и с объяснением залоговых отношений в тюркских причастиях. Исходным моментом здесь был известный факт возможности употребления причастия в одной и той же залоговой форме как в позиции присубъектного (узб. *ўқиган одам* 'читающий/читавший человек'), так и в позиции приобъектного (узб. *ўқиган китобим* 'книга, которую я читаю/читал') определения. Ср. узб.: ... *ҳарбир ўқиган одам ўқиган нарсасини билабермайди* (С. Айни) '... не всякий учившийся человек знает то, что он изучал'. Еще А. М. Казембек называл это качество тюркских причастий их «особенным и странным» свойством¹⁵. Показывая аналогичные возможности башкирских причастий, Н. К. Дмитриев говорил, что во втором случае, то есть в случае приобъектного определения, «лучше было бы» употребить страдательный залог¹⁶. Объяснения такого рода опять-таки основывались на «ожидании» непременно формы страдательного залога по образцу залоговых отношений в причастиях европейских языков и на отсутствии понятия о системе залоговых отношений в тюркских причастиях. Между тем попытки выявления системы причастных оборотов и залоговых отношений в них (развитость в тюркских языках морфологически выраженных залоговых форм общеизвестна) однозначно показывают, что залог в причастии не зависит от значения определяемого и что действительный и страдательный залогов в тюркских причастиях вообще противопоставлены друг другу иначе, нежели, например, в русском языке¹⁷. Примеча-

¹⁰ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, стр. 252—253 (выделено нами. — С. И.).

¹¹ Термин «сказуемое» здесь, конечно, условен.

¹² См.: С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка (форма на -ган и ее производные). Л., 1959, стр. 49—50.

¹³ А. П. Поцелуевский. Избранные труды. Ашхабад, 1975, стр. 176—177, 240—242.

¹⁴ Ф. Е. Корш. Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса. М., 1877, стр. 37—39.

¹⁵ А. М. Казембек. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846, стр. 311 (выделено нами. — С. И.).

¹⁶ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, стр. 191.

¹⁷ См.: С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка, стр. 60—73.

тельно, что у А. А. Потебни имеется высказывание о залоге, как будто прямо адресованное тюркологам и призывающее их увидеть своеобразную системность залоговых различий в тюркских причастиях: «Случайность залога в глаголе, как и всякая случайность, есть незнание причинной связи явления с другими. Навязывать же своего собственно непонимания изучаемому предмету не следует»¹⁸.

«Знаменитый» вопрос о сложноподчиненных предложениях в тюркских языках тоже, если взглянуть на него без предвзятости, попал в заколдованный круг терминологии: тюркологи часто ищут различные типы придаточных предложений, характерные для языков иного строя. Между тем гораздо более плодотворным был бы такой метод, при котором вначале выявлялись бы система зависимых конструкций и отношения различных их типов друг к другу, а потом подыскивались бы наиболее удачные термины для них. При этом утверждения о том, что «... странно было бы устанавливать одни нормы для русских придаточных и другие — для башкирских»¹⁹, совершенно неприемлемы для современной науки: современный подход к этому вопросу, как и ко всем другим грамматическим проблемам, должен основываться на четком понимании того, что в каждом языке имеется **своя** система соотношений между отдельными фактами, и задача исследователя — выявить ее, а не подходить к ней с готовыми и привычными терминами. Единство в подходе к языкам разного строя и разной типологии — не в обязательной идентичности терминов, а в понимании специфики системных отношений в каждом конкретном языке.

Отметив все эти издержки терминологического и внесистемного подхода к грамматическим явлениям тюркских языков, мы должны со всей ясностью представлять себе, что «осуждать» их нужно лишь для того, чтобы видеть перспективу грамматических исследований в тюркологии. Если же взглянуть на перечисленные факты в историческом плане, то следует признать, что это — определенный этап в развитии изучения грамматического строя тюркских языков, этап неизбежный, связанный как с общим уровнем науки в целом (точные научные представления о системе и системах только еще формируются), так и с процессом развития тюркологии как науки (в рассмотренный период она переживала период «первоначального накопления» и простейшей систематизации материала).

Вместе с тем нельзя не видеть, что понятие о системе фактов, то есть о более глубокой их организованности, вызревало и в рамках традиционного изучения тюркских языков. В этом плане весьма примечательны сформулированные П. М. Мелиоранским **принципы** подхода к изучению своеобразия грамматического строя тюркских языков. Именно П. М. Мелиоранский впервые в тюркологии четко обосновал положение о том, что при характеристике грамматики тюркских языков следует решительно преодолевать влияние иноязычных грамматических схем и устранять из описания языка чуждые ему черты, которые могут быть привнесены исследователем вследствие явного или скрытого приравнивания свойств изучаемого языка к особенностям европейских языков. В предисловии ко второй части своей «Краткой грамматики казак-киргизского языка» П. М. Мелиоранский, отвечая Н. П. Остроумову — рецензенту первой части этой работы, писал: «... при изложении грамматики любого ино-

¹⁸ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV. М.—Л., 1941, стр. 199.

¹⁹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, стр. 248.

странного языка часто бывает весьма соблазнительно провести здесь и там параллель между родным языком и изучаемым; беды в проведении таких параллелей, по нашему мнению, нет, хотя при современном положении науки такие параллели между русским и киргизским языком лишены всякого научного значения. Ввиду этого нельзя видеть недостатка грамматики в отсутствии проведения таких параллелей; говорить о всем том, чего **нет** в киргизском языке, хотя бы сравнительно с русским, положительно лишнее»²⁰. В замечаниях Н. П. Остроумова и в своем ответе ему П. М. Мелиоранский видел столкновение мнений, имеющее принципиальное значение для изучения тюркских языков вообще²¹.

Эти взгляды П. М. Мелиоранского оказали глубокое влияние на все последующие исследования в области тюркской грамматики. Вызревание представлений о своеобразной системе фактов тюркской грамматики происходило в той сфере тюркского языкознания, которая даже в русле задач описательно-систематизирующей грамматики не могла не затрагивать проблем **соотношения** отдельных фактов. Это — области функционирования грамматических категорий с многочисленным противопоставлением форм, например, категории времени глагола, где уже само обилие коррелирующих образований требовало уяснения их взаимных связей в функциональном и, следовательно, в семантическом плане. В первую очередь при этом, естественно, отмечались явления, лежащие на поверхности, то есть семантические различия. Так, например, уже в «Грамматике алтайского языка...» (1869) обстоятельно рассмотрено соотношение «повествовательных» и «описательных» форм глагольных времен и высказаны тонкие наблюдения относительно их значений²². В дальнейшем эта проблема также привлекала внимание тюркологов, и знания о **соотношении** форм времени постепенно углублялись. Обширная литература по данному вопросу, появившаяся в последние десятилетия²³, показывает, что тюркологи вплотную приблизились к пониманию системы фактов в указанной области грамматического строя тюркских языков.

Вся колоссальная работа, осуществленная тюркологами в области внешней систематизации грамматических фактов с отдельными элементами проникновения в их внутреннюю систему, подготовила собою современный этап развития тюркского языкознания, когда перед последним встали проблемы создания подлинно научного «углубления» в целостность системы грамматического строя тюркских языков.

Развитие современного научного знания проводит в науке о языке резкую грань между двумя принципиально разными задачами — нор-

²⁰ П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. II. СПб., 1897, стр. IX—X (выделено автором).

²¹ Там же, стр. VII.

²² «Грамматика алтайского языка». Казань, 1869, стр. 232—248.

²³ См.: А. Ф. Гуломов. Фейл. Ташкент, 1954; Б. О. Орузбаева. Формы прошедшего времени в киргизском языке. Фрунзе, 1955; А. А. Коклянова. Категория времени в современном узбекском языке. М., 1963; Д. М. Насилов. Структура времен индикатива в древнеуйгурском языке (по материалам уйгурского письма). Автореф. канд. дисс. М., 1963; Б. А. Серебренников. Система времен татарского глагола. Казань, 1963; А. А. Юлдашев. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965; Б. Ч. Чарыяров. Времена глагола в тюркских языках юго-западной группы. Автореф. докт. дисс. Ашхабад, 1970; Э. А. Грунина. Индикатив в турецком языке (в сравнительно-историческом освещении). Автореф. докт. дисс. М., 1975; Н. Х. Салехова. Грамматическая категория времени татарского глагола и темпоральность. Автореф. канд. дисс. Казань, 1975.

мативной систематизацией фактов и исследованием системных связей фактов. Соответственно разграничиваются и эмпирический, и теоретический уровни исследования материала.

Стремление к изучению объекта исследования на теоретическом уровне является прямым показателем зрелости науки. Факторы, действующие в тюркском языкознании на современном этапе его развития, а именно осознание недостаточности прежних методов изучения грамматического строя и поиски новых путей, представляют собой проявление тенденций, свидетельствующих о переходе тюркского языкознания к зрелому периоду теоретических изысканий. Для плодотворности последних необходимо отчетливое понимание тех основ, без которых невозможен прогресс теоретического мышления.

В этом плане наиболее важно уяснить, что теоретическое изучение грамматического строя не может развиваться без определенных методологических ориентиров²⁴. О методологии науки языковедами говорилось и писалось много, однако можно со всей определенностью сказать, что применительно к грамматическим исследованиям не было выдвинуто **никаких конкретных** методологических задач. Это объясняется, видимо, не вполне ясным пониманием того, что такое методология и каким образом она должна быть конкретно сопряжена с той или иной областью знаний. Автору настоящей статьи представляется, что, если пытаться перевести вопрос о методологии в четкие рамки вполне определенных задач, то за методологией следует признать единственную, но чрезвычайно существенную функцию: методология — это метод построения научного понятия как элемента теории, то есть методология является не учением о методах конкретных наук, а учением о методе мышления в конкретных науках. Именно в этом пункте и обнаруживается органическая связь методологии с теоретическим исследованием: если теоретическое воспроизведение объекта исследования возможно только в системе понятий, то построение понятия невозможно без определенных методологических принципов. В этих же контурах видится и возможное истолкование старого вопроса о соотношении конкретных наук и философии.

Среди представителей конкретных наук распространены нелюбовь к философии (понимаемой как беспредметное философствование) и недоверие к попыткам философского обоснования положительных знаний. Однако живая практика исследований понемногу пробивает этот панцирь косности и стойкого убеждения в чуждости философии конкретным наукам. Понимание связи философии с конкретными науками проникает и в языкознание. Э. Косериу выступал против попыток А. Мартине

²⁴ О методологических вопросах науки см.: Э. В. Ильенков. Дialeктика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960; «Дialeктика и логика. Формы мышления». М., 1962; «Дialeктика — теория познания. Историко-философские очерки». М., 1964; З. М. Оруджев. К. Маркс и диалектическая логика. Баку, 1964; «Дialeктика — теория познания. Ленин об элементах диалектики». М., 1965; «Логика научного исследования». М., 1965; «Дialeктика — теория познания. Анализ развивающегося понятия». М., 1967; «Логика и методология науки». М., 1967; Г. А. Подкорытов. Историзм как метод научного познания. Л., 1967; Н. Стефанов. Теория и метод в общественных науках. М., 1967; В. С. Добрянов. Методологические проблемы теоретического и исторического познания. М., 1968; «Методологические проблемы современной науки». М., 1970; И. Д. Андреев. Проблемы логики и методологии познания. М., 1972; «Философия. Методология. Наука». М., 1972; А. Ф. Зотов. Структура научного мышления. М., 1973; П. В. Копнин. Дialeктика как логика и теория познания. Опыт логико-гносеологического исследования. М., 1973; З. М. Оруджев. Дialeктика как система. М., 1973; «Синтез современного научного знания». М., 1973; Э. В. Ильенков. Дialeктическая логика. Очерки истории и теории. М., 1974.

обосновать независимость лингвистики от философии. «... Такая независимость, — писал он, — невозможна, и настаивать на ней бессмысленно»²⁵. Впрочем, оба названных автора едины в том мнении, что для убедительного объяснения той или иной совокупности фактов нужны определенные принципы²⁶.

В советском языкознании связь науки о языке с марксистско-ленинской философией никем не оспаривается. Однако давно уже настало время перейти от голословного признания значения марксистско-ленинской материалистической философии к конкретной разработке вопросов, связанных с ее приложением к тем или иным сферам языковедческих исследований. Кое-что в этом направлении делается²⁷, однако, по мнению автора настоящей статьи, работам, посвященным проблемам соотношения философии и языкознания, иногда недостает конкретности и ясности.

Всеми признается тот факт, что мировоззрение органически сопряжено с философскими взглядами. Но если определенные мировоззренческие принципы важны для всякого человека, то в работе ученого мировоззрение должно реализоваться как определенная методология научного исследования. «Научное мировоззрение, — пишет Э. В. Ильенков, — в составе которого нет философии, логики и теории познания, такой же понсенс, как и „чистая“ философия, которая полагает, что она-то и есть мировоззрение...»²⁸.

В последние годы советскими философами проделана огромная работа по развитию представлений о философии как основе естественно-научных и гуманитарных знаний. С сожалением приходится констатировать, что веские доводы, которыми обосновывается непосредственная связь философии с конкретными науками, будучи бесспорными для философов, пока еще не находят живого отклика в исследовательской практике языковедов.

С точки зрения методологических целей решающее значение в составе марксистско-ленинской философии принадлежит диалектике. Понимание диалектики как науки о наиболее общих законах развития природы и общества, свойственное нашей философской литературе конца 30-х — начала 50-х гг., в настоящее время преодолено советской философской наукой. За диалектикой признано также и ее значение как науки о законах мышления, то есть признано гносеологическое значение диалектики. Более того, в философских работах последнего времени все чаще формулируется мысль о том, что главное в диалектике — это учение о закономерностях мышления. «У диалектики нет предмета, отличного от предмета теории познания (логики), так же как у логики (теории познания) нет объекта изучения, который отличался бы от предмета диалектики. И там, и тут речь идет о всеобщих, универсальных формах и законах развития вообще, отражаемых в сознании именно в виде логических форм и законов мышления через определения категорий»²⁹. Такая

²⁵ Э. Косериу. Синхрония, диахрония и история. — «Новое в лингвистике», вып. 3. М., 1963, стр. 280.

²⁶ Э. Косериу. Указ. раб., стр. 275; А. Мартине. Структурные вариации в языке. — «Новое в лингвистике», вып. 4. М., 1965, стр. 395.

²⁷ См., например: «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания». М., 1970; «Общее языкознание. Методы лингвистических исследований». М., 1973, стр. 257, 268—288.

²⁸ Э. В. Ильенков. Диалектическая логика., стр. 270.

²⁹ Там же, стр. 227.

экспликация данного вопроса опирается на известное положение В. И. Ленина о том, что диалектика и есть теория познания³⁰.

Эта последняя мысль очень существенна. Среди ученых, работающих в области конкретных наук, еще имеет почти «тотальное» распространение убеждение в том, что диалектика — это нечто существующее «само по себе» и не имеющее отношения к их конкретным исследованиям. Между тем, современное и **правильное** понимание диалектики приводит к совершенно определенному выводу о том, что проникновение в самое существо диалектики и владение ею является показателем культуры мышления ученого, так как диалектика — это не «учение о мире в целом», а **логика**³¹.

Все крупнейшие научные достижения связаны с диалектической традицией в философии, причем безотносительно к тому, сознавали ли творцы этих достижений свою причастность к диалектическому методу мышления или нет³². «... Маркс, Энгельс и Ленин установили, что именно диалектика, и только диалектика, есть **действительная логика**, в согласии с которой совершается прогресс современного мышления»³³. Глубоким пониманием того, что именно диалектика является наукой о мышлении и орудием познания в конкретных областях знаний, отмечена чрезвычайно интересная статья академика Н. Семенова³⁴.

Распространению современного понимания диалектики как всеобщего метода познания, а диалектической логики как логики теоретического мышления мешает «школьная» вера в формальную логику как в науку, будто бы обучающую «правильному» мышлению. Между тем, недостаточность формальной логики для **теоретического** мышления давно осознана крупнейшими представителями конкретных наук³⁵ и объяснена философами, отмечающими, что формальная логика не выходит за пределы достигнутого знания³⁶. В этом смысле разница между диалектической логикой как логикой теоретического познания и формальной логикой как системой выводного знания соответствует издавна осознанному философами различию между **разумом**, постигающим самую суть изучаемого и формирующим знание о неведомом, и **рассудком**, рядопологающим более или менее очевидное и известное³⁷ и способным «последовательно и дотошно вести дедуктивную или индуктивную линию рассуждений»³⁸.

Приведенные факты и мнения убеждают, что высокий **профессионализм** ученого немислим без практического владения диалектической ло-

³⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 321.

³¹ См.: Э. В. Ильенков. Диалектическая логика., стр. 229.

³² Там же, стр. 211—212; А. Ф. Зотов. Структура научного мышления, стр. 179.

³³ Э. В. Ильенков. Диалектическая логика., стр. 212 (выделено автором).

³⁴ Н. Семенов. Марксистско-ленинская философия и вопросы естествознания. — «Коммунист», 1968, № 10, стр. 48—65.

³⁵ А. Эйнштейн говорил, что никакой формально-логический путь не ведет к построению теории (см.: «Физика и реальность». М., 1965, стр. 9—10). См. также: В. Ф. Асмус. Проблема интуиции в философии и математике. М., 1965, стр. 244; Л. Б. Баженов. Строение и функции естественно-научной теории. — В сб.: «Синтез современного научного знания». М., 1973, стр. 403; Л. А. Маркова. Концепция развития науки В. Уэвелла. — В сб.: «Ученые о науке и ее развитии». М., 1971, стр. 207—208.

³⁶ См., например: «Диалектика и логика. Формы мышления». М., 1962, стр. 27, 104, 151, 160.

³⁷ См., например: З. М. Оруджев. К. Маркс и диалектическая логика, стр. 34—37.

³⁸ В. С. Библер. Мышление как творчество. М., 1975, стр. 87.

гикой. Теоретическое мышление, теоретическое проникновение в сущность исследуемого должно опираться на определенные методологические принципы, что возможно только на основе философского осмысления метода исследования. Для ученого-материалиста таким методом может быть только диалектический метод, **сознательно** применяемый в качестве диалектической логики, являющейся единственной **действительной** логикой современного теоретического мышления³⁹.

Разумеется, у каждой науки имеются своя область изысканий, свой конкретный и особый объект исследования, свой «корпус фактов», и потому методологические основания не претендуют на **непосредственное** объяснение всех фактов данной науки. Смысл и назначение методологии состоят в другом: она формулирует метод построения теории и слагающих данную теорию понятий. Следовательно, методология — это применение философии к конкретным наукам, к конкретным проблемам. Соответственно, диалектика — не метод всех наук, а метод мышления во всех науках. Ученый в каждой конкретной области знаний ищет истину, а по Гегелю истина находит адекватное выражение лишь в форме понятий⁴⁰. Понятие же может быть построено только на основе философских принципов. Диалектика **имеет** такие принципы. В марксистско-ленинской философии способом конструирования научного понятия является метод восхождения от абстрактного к конкретному, то есть метод, указывающий пути перехода от отдельных абстрактных определений к конкретному уяснению «единства многообразного»⁴¹, к охвату определенной системы знаний⁴².

Профессиональный подход к построению научного понятия требует ясного понимания исследователем того, что должно отразить в себе научное понятие о данном объекте исследования. Диалектическая логика дает на это четкий ответ. Понятие должно отразить в себе **диалектику самого предмета исследования, сущность** определенной группы связанных и взаимодействующих **явлений, их цельность, целостность, единство, связь общего и единичного, скрытую противоречивую** основу многообразия фактов, лишь порознь открытых исследователю в непосредственном наблюдении⁴³. «Орудиями» построения понятия являются категории диалектической логики. Только теория, построенная из понятий, связанных друг с другом и переходящих одно в другое, способна отразить внутренне присущую объекту исследования **систему фактов**. Дискуссия на современном уровне культуры профессионального теоретического мышления практически означает, что любого ученого, претендующего не на перечислительную, а теоретическую экспликацию фактического материала, надлежит спросить: «Признаете ли Вы, что научная истина отражается только в **понятии**, и если — да, то каковы те принципы (философские принципы), которые положены Вами в основу конструируемых Вами научных понятий в сфере фактов, интересующих Вас?».

* * *

³⁹ См.: Э. В. Ильенков. Диалектическая логика., стр. 226—229.

⁴⁰ Подробнее об этом см.: В. Ф. Асмус. Проблемы интуиции в философии и математике, стр. 92—93.

⁴¹ См., например: Э. В. Ильенков. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960, стр. 112—185.

⁴² См.: Е. К. Войшилло. Понятие. М., 1967, стр. 115.

⁴³ См.: Э. В. Ильенков. Диалектика абстрактного и конкретного., стр. 101—106; А. Ф. Зотов. Структура научного мышления, стр. 32; «Диалектика и логика. Формы мышления», стр. 54—55.

Каковы же задачи изучения грамматики тюркских языков в свете рассмотренных выше методологических вопросов?

Современный этап в развитии тюркского языкознания требует изучения внутренней, глубинной системы фактов грамматического строя, а не внешней их систематизации, а это возможно только на теоретическом уровне. Теоретический же уровень исследования невозможен без постулирования **метода** построения теории и входящих в нее **понятий**. Это и есть методологический подход к научному исследованию. Философские принципы построения понятия реализуются в каждой конкретной науке в виде конкретных понятий **данной** науки.

Так как предлагаемая статья направлена против голословного и неконкретизированного признания роли марксистско-ленинской методологии и так как формулирование методологических задач изучения грамматической системы без каких-либо конкретных рекомендаций о грамматической интерпретации методологических установок было бы беспредметным, автору этих строк представляется допустимым сослаться на некоторые свои работы в этой области. Автором настоящей статьи были предприняты попытки объяснения некоторых фактов тюркской грамматики на основе сознательного применения идей и категориального аппарата диалектической логики. Проблемы многозначности грамматических форм и грамматических категорий, соотношения морфологии и синтаксиса, парадигматики и синтагматики, синхронии и диахронии (все это, естественно, в ограниченной и узкой области собственных исследовательских интересов) и некоторые другие вопросы были интерпретированы на основе диалектико-логических категорий общего и единичного, сущности и явления, системы и элемента, предмета и его свойств и отношений, исторического и логического. Использование диалектико-логического категориального аппарата позволяет перевести понятие системы в тюркской морфологии (в части ее, касающейся словоизменения)⁴⁴ в русло вполне конкретных **грамматических** «подпонятий»:

1) о взаимной связанности и взаимной обусловленности синтагматической (синтаксической) и парадигматической (морфологической) характеристик грамматической формы; 2) о субстанциальном содержании грамматических форм; 3) о непременном вхождении каждой грамматической формы в два ряда оппозиций; 4) о наличии в грамматических категориях с многочленным противопоставлением форм двух рядов — «малого» (семантического) и «большого» (синтаксического), которыми определяется двойственность значений каждой формы; 5) о том, что двойственностью значений определяется наличие у каждой грамматической формы двух дифференциальных признаков; 6) о пределе сводимости значений грамматической формы; 7) о непременной поляризации грамматических значений в каждой из двух форм, являющихся коррелирующими антиподами; 8) о тенденции многочленных категорий к двучленности, а двучленных категорий к многочленности; 9) о прогрессивном и консервативном элементах в составе противоречивой двойственности грамматической формы; 10) о существовании диа-

⁴⁴ Г. П. Мельников в своих работах по вопросам системной лингвистики интерпретирует главным образом фонологическую систему тюркских языков и вне каких-либо методологических обоснований. См.: Г. П. Мельников. Принципы системной лингвистики в применении к проблемам тюркологии. — В сб.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 121—137.

хронических моментов в синхронной системе языка; 11) о соотношении устойчивого и изменчивого в грамматических формах⁴⁵.

Вполне сознавая ограниченность собственных усилий в этом направлении, автор твердо убежден в плодотворности самих методологических основ предлагаемого им пути изучения системы фактов тюркского грамматического строя. Коллективные усилия в методологических поисках могут привести, как нам представляется, к весьма обнадеживающим с точки зрения задач системного изучения тюркской грамматики результатам⁴⁶.

⁴⁵ См.: С. Н. Иванов. О диалектической противоречивости грамматического значения. — «Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию. Основные проблемы эволюции языка», ч. II. Самарканд, 1966, стр. 288—294; *его же*. «Родословное древо тюрков» Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк. (Имя и глагол. Грамматические категории). Ташкент, 1969; *его же*. К истолкованию многозначности грамматических форм. — «Вопросы языкознания», 1973, № 6, стр. 101—109; *его же*. О сохранении в строе языка следов его прежних состояний. — «Советская тюркология», 1973, № 6, стр. 9—16; «Курс турецкой грамматики, ч. I. Грамматические категории имени существительного». Л., 1975.

⁴⁶ Заслуживают, на наш взгляд, серьезного внимания в этом плане работы Х. Г. Нигматова: Принципы описания морфологии восточнотюркского языка XI—XII вв. — «Советская тюркология», 1973, № 6, стр. 27—35; Семантическая и синтаксическая функции падежей в языке восточно-тюркских памятников XI—XII веков. — «Советская тюркология», 1975, № 5, стр. 23—36; Синтаксическая сущность форм принадлежности в языке восточно-тюркских памятников XI—XII вв. — «Советская тюркология», 1975, № 5, стр. 21—26.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

В. Д. АРАКИН

В. А. ГОРДЛЕВСКИЙ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

(К столетию со дня рождения)

Все, кому довелось учиться на отделении турецкого языка Московского института востоковедения, или на этнологическом факультете Московского университета, хорошо помнят человека среднего роста, очень подвижного, с волнистыми волосами, с добродушными карими глазами, проницательно смотревшими сквозь пенсне. Если случалось, что студент допускал ошибку в произношении турецких слов, в аудитории тотчас же раздавалось хорошо знакомое ироническое восклицание: «Не слышу!». Это был один из лучших в нашей стране знатоков турецкого языка, известный своими капитальными трудами в области востоковедения, профессор, а впоследствии академик Владимир Александрович Гордлевский.

Судьба благоприятствовала молодому воспитаннику Гельсингфурской гимназии, будущему востоковеду-тюркологу. В студенческие годы его учителями были такие выдающиеся ученые, как академик Ф. Ф. Фортунатов (1848—1914), с его строгим подходом к языковым явлениям, академик Ф. Е. Корш (1843—1915), этот «русский Меццофанти»¹, «кудесник слова»², удивительный полиглот, свободно владевший многочисленными языками Европы и Азии, древними и новыми; академик А. Н. Веселовский (1843—1918), увлекавший слушателей своим красочным изложением литературных проблем и тонкими характеристиками художественных образов; Вс. Ф. Миллер (1848—1913), востоковед широкого профиля, превосходный знаток восточного эпоса и исследователь иранских языков. Во время своего пребывания в Париже, после завершения высшего образования, молодой востоковед слушал лекции таких известных французских ученых, как Антуан Мейе (1866—1936), глава французской социологической школы, Э. Шавани (1865—1918), выдающийся французский синолог, знакомивший своих слушателей с орхонскими надписями, и многие другие.

Столь разнообразный поток научной информации, обрушившийся на молодого ученого, по его собственным словам, оказался причиной того, что «... он не сразу „нашел себя“, что ему пришлось потратить немало времени, чтобы определить свой путь к науке...»³.

¹ Академик В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. IV. М., 1968, стр. 375.

² Там же, стр. 398.

³ Чествование академика В. А. Гордлевского. — «Вестник Академии наук СССР», 1951, № 11, стр. 74.

В 1904 г. В. А. Гордлевский впервые попадает в Турцию. Ближний Восток волновал воображение молодого ученого, и он решил посвятить свою жизнь изучению Турции, ее истории, культуры, ее языка. В 1907 г. В. А. Гордлевский был приглашен преподавателем турецкого языка и литературы в Лазаревский институт восточных языков и преподавал сначала в этом институте, а затем, после его преобразования, в Московском институте востоковедения, где он в течение нескольких десятков лет бессменно возглавлял кафедру турецкого языка.

В. А. Гордлевский был типичным представителем старого востоковедения и совмещал в себе специалиста по истории, этнографии, литературе и языку изучаемого народа⁴. И все же он сознательно отдавал предпочтение прежде всего изучению языка страны. «... Язык, — пишет он, — ключ к познанию души народа...» и поэтому, «**несомненно, что язык должен занимать первое место...**»⁵ в системе подготовки востоковедов.

Вот почему педагогическая деятельность В. А. Гордлевского в Лазаревском институте восточных языков и затем в Московском институте востоковедения складывалась преимущественно из занятий по турецкому языку и лекций по турецкой литературе. В этой области в то время имелись свои трудности — отсутствовали систематические начальные учебники турецкого языка, хрестоматии по языку, грамматики и т. д. Поэтому вскоре после своего зачисления в Лазаревский институт на должность преподавателя В. А. Гордлевский постарался обеспечить студентов своего отделения необходимой учебной литературой. Так, он перевел на русский язык, с соответствующей переработкой, учебник Г. Еглички «Практическое руководство для изучения турецкого языка», в котором В. А. Гордлевскому принадлежит «Введение». За этим пособием последовал ряд других, посвященных различным вопросам турецкой грамматики⁶. Наконец, в 1928 году выходит в свет «Грамматика турецкого языка»⁷, представляющая собой один из первых опытов разработки основ научной грамматики турецкого языка. К этому времени литература по данной проблеме уже несколько обогатилась: в 1921 г. вышел фундаментальный труд французского турколога Ж. Дени⁸, в основном освещающий строй книжно-письменного стиля турецкого языка, а в 1925 г. — учебная грамматика А. Н. Самойловича⁹.

В своей «Грамматике» В. А. Гордлевский по-новому осветил многие проблемы грамматического строя турецкого языка. Он установил наличие двух типов аффиксов лица: полного, почти совпадающего с соответствующими личными местоимениями, и усеченного, имеющего сходство с аффиксами принадлежности, но не совпадающего с ними; он до-

⁴ В данной статье мы ограничиваем свою задачу оценкой деятельности В. А. Гордлевского лишь как турколога-лингвиста, предоставляя историкам и этнографам сказать свое слово и оценить вклад этого замечательного ученого в их область.

⁵ В. А. Гордлевский. К постановке изучения восточных языков. — «Красные Зори», 1924, № 5 (17). См. также: Академик В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. IV, 1968, стр. 476.

⁶ В. А. Гордлевский. Турецкий язык. Пособие к лекциям в Лазаревском институте в 1909/10 академическом году. М., 1910 (литографированное издание); «Руководство для изучения османского языка. С ключом». По материалам Г. Еглички переработал по-русски В. А. Гордлевский. М., 1916, ч. I. — «Труды Лазаревского института восточных языков», вып. XL; «Руководство для изучения османского языка». М., 1921 (стеклографированное издание Военной Академии им. М. В. Фрунзе); «Руководство для изучения турецкого языка». М., 1924 (стеклографированное издание Московского института востоковедения).

⁷ В. А. Гордлевский. Грамматика турецкого языка. — «Труды Московского института востоковедения», вып. X. М., 1928, стр. 112.

⁸ J. Dénú. Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli). Paris, 1921, стр. 1024.

⁹ А. Самойлович. Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. Л., 1925, стр. 154.

казал, что формы изъявительного наклонения образуются от причастия с помощью прибавления личных окончаний; он установил наличие в турецком глаголе семи наклонений, очень точно определил значения временных форм глагола; выявил различия в составе служебных слов, выделив послелого-имена и послелого-частицы, и решил ряд других более узких вопросов, касающихся грамматического строя турецкого языка. Заслуги В. А. Гордлевского в области разработки турецкой грамматики в свое время были подробно освещены Н. А. Баскаковым¹⁰ и поэтому нет необходимости останавливаться на них подробно.

Многие проблемы грамматики, преимущественно морфологии, турецкого языка к тому времени были уже разрешены, проблемы же словарного состава турецкого и других тюркских языков оставались вне поля зрения тюркологов. И В. А. Гордлевский сосредоточил свое внимание ученого именно на них. Этому благоприятствовали и обстоятельства: в конце третьего десятилетия нашего века внимание языковедов было привлечено к способам обозначения числительных в различных языках. Как оказалось, исходные единицы, положенные в основу системы счета у различных народов, различны. У одних народов счет был шестиричный, как, например, у древних шумеров, от которых впоследствии пошел европейский счет времени кратный шести: год первоначально считался равным 360 дням или 12 месяцам; в месяце в среднем 30 дней; в сутках 24 часа и т. д.; у некоторых народов, как, например, у нивхов, счет двадцатиричный; пережиток подобной системы, которая некогда характеризовала кельтские языки, можно видеть во французском слове *quatre-vingt* — 80, то есть четырежды 20.

Собранный по данной проблеме материал был опубликован в сборнике «Языковедные проблемы по числительным». В этом сборнике была напечатана статья А. Н. Самойловича, в которой дается обзор точек зрения на проблему числительных в тюркских языках¹¹.

Особый интерес тюркологов привлекала группа числительных, обозначающая десятки от двадцати до пятидесяти включительно, этимологически отличающаяся от числительных, обозначающих соответствующие единицы: ср. тур. 2 — *iki* и 20 — *yirmi*; тур. 3 — *üç* и 30 — *otuz*; 4 — *dört* и 40 — *kırk* и 5 — *beş* и 50 — *elli*. Остальные же названия десятков так или иначе этимологически связаны с соответствующими названиями единиц.

Эта проблема заинтересовала и В. А. Гордлевского. Но высказался он по ней почти через двадцать лет¹². В своей статье В. А. Гордлевский, основываясь на собранном им достаточно обширном материале о числительных в тюркских языках, показывает, что в последних существуют две системы образования слов, обозначающих десятки — одна, складывающаяся из самостоятельных слов типа турецких *yirmi*, *otuz* и т. д., и другая система, представленная производными формами от числительного десять — *on* и числа единиц. При этом фактические данные позволяют заключить, что у турок, так же как и у других тюркских народов, употреблялось (а у некоторых еще и теперь употребляется) словосочетание *beş on*, то есть числительное 50 было образовано на основе десятиричного счета.

¹⁰ Н. А. Баскаков. Академик В. А. Гордлевский — филолог-историк. — В сб.: «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятипятилетию». М., 1953, стр. 14—22.

¹¹ А. Н. Самойлович. Турецкие числительные количественные и обзор попыток их толкования. — В сб.: «Языковедные проблемы по числительным», вып. I. Л., 1927, стр. 135—186.

¹² В. А. Гордлевский. Числительное 50 в турецком языке. — «Известия АН СССР», т. IV, вып. 3—4. М., 1945, стр. 135—147. См. также: Академик В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. II. М., 1961, стр. 123—137.

Наличие же в тюркских языках перечисленных выше непроемных числительных В. А. Гордлевский объясняет сохранением до наших дней «обломков древнего уклада счета, условно обозначавших определенные числа (десятки, 30, 40, 50)»¹³.

Многовековые контакты тюркских народов, сначала тюрков Средней Азии, а позднее малоазиатских турок, с арабско-мусульманской культурой имели, как известно, следствием пополнение словарного состава турецкого языка огромным количеством арабских слов, проникших во все сферы лексики. Особенно велико было число арабизмов в художественной и научной литературе в период, предшествовавший падению Османской империи. После кемалистской революции в Турции началась активная борьба с арабизмами, путем замены их словами тюркского корня. Однако число арабизмов в разговорной речи все еще продолжало оставаться чрезвычайно большим и составляло до 30—35% лексики. Немецкий востоковед Битнер положил начало исследованию проблемы арабизмов в турецком языке. С. С. Майзель¹⁴ показал, что благодаря широкому притоку арабизмов в турецкий язык их можно подразделить (например, глаголы) на те же группы или так называемые породы, которые они составляют в собственно арабском языке, то есть тем самым им признавалось, что арабские слова в турецком языке занимали какое-то автономное положение, образуя свою систему.

А существовало ли обратное влияние турецкой культуры на арабскую, и можно ли обнаружить наличие туркизмов в районах, где господствует арабский язык — все эти вопросы остались неисследованными, хотя в арабоязычной литературе и высказывались отдельные замечания по этому поводу.

Во время своей первой поездки на Ближний Восток в 1904 г. В. А. Гордлевский посетил Дамаск и другие города Сирии, входившие тогда в состав Османской империи. Чуткое ухо специалиста не могло не отметить в арабской речи местного сирийского населения, как сельского, так и городского, слова тюркского происхождения. Это обстоятельство побудило молодого востоковеда обследовать с этой точки зрения арабоязычные области. Собранные им материалы пролежали без движения несколько десятков лет из-за большой занятости В. А. Гордлевского и увидели свет лишь в 1930 году¹⁵.

Свои давние записи В. А. Гордлевский значительно пополнил материалами и отдельными замечаниями из различных трудов лингвистического, исторического и бытового характера¹⁶.

Заслуживает внимания подход ученого к заимствованиям. Прежде всего он воссоздает в общих чертах исторический фон, обусловивший проникновение тех или иных турецких слов в арабский язык: наступление турок, пребывание мамлюков в Египте, рост могущества Османской империи (заимствования XVII—XVIII вв.); централизация власти османами в XIX—XX вв. Наряду с этим ученый устанавливает те лексические сферы, в которые проникли турецкие заимствования — титулатура малоазиатских сельджукидов, технические и военные термины, слова, связанные с османской фискальной системой, с кустарным производством и т. д.

¹³ В. А. Гордлевский. Указ. раб.; см. также: Академик В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. II, 1961, стр. 135.

¹⁴ С. С. Майзель. Арабские и персидские элементы в турецком языке. М., 1945.

¹⁵ В. А. Гордлевский. К вопросу о влиянии турецкого языка на арабский (лексический материал). — См.: Академик В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. II, 1961, стр. 138—154.

¹⁶ См.: там же, стр. 147 (библиография использованных трудов).

В. А. Гордлевский составляет небольшой список турецких слов, обнаруженных им в арабской устной и письменной речи, — всего 283 лексические единицы. В этот список, однако, вошли некоторые слова и иранского происхождения, проникшие в арабский язык через посредство турецкого языка, как, например: *бул* — марка (почтовая и т. п.); *булад* — сталь; *истахана* — больница и некоторые другие.

Наблюдения над звуковым обликом и морфологическим оформлением турецких заимствований в арабском языке дают автору возможность установить ряд закономерностей, в соответствии с которыми эти заимствования ассимилируются арабским языком.

Как и многие наши туркологи, В. А. Гордлевский отдал дань и исследованию тюркизмов в русском языке. Наиболее интересным в этом плане, со многих точек зрения, оказался замечательный памятник древнерусской литературы XII века «Слово о полку Игореве». Этот памятник, отразивший борьбу русских князей со своими степными соседями — половцами и описывающий один из ее драматических эпизодов, неизбежно должен был сохранить следы половецкого языкового влияния, что и было одной из причин, побудивших П. М. Мелиоранского и Ф. Е. Корша обратиться к изучению его тюркских лексических элементов и скрепить шпаги в вопросе этимологизации последних.

Этот памятник не обошел своим вниманием и С. Е. Малов, давший собственное толкование ряду встречающихся в нем слов¹⁷.

В. А. Гордлевского заинтересовало словосочетание «босый волк», по поводу которого было высказано немало предположений.

Со свойственной этому ученому широтой охвата материала он воссоздает тот культурно-исторический фон, на котором могло произойти заимствование из половецкого языка не только слова «босый», которое он возводит к половецкому слову *voz* 'серый', но и самого образа оборотня-волка, еще и поныне реликтивно бытующего не только в народных сказаниях жителей средней России, но и за ее пределами на далеком севере. В своем исследовании¹⁸ В. А. Гордлевский наглядно показал, что, несмотря на военные столкновения, культурные связи русских с половцами-степняками были гораздо значительнее и глубже, нежели разделявшая их вражда.

Помимо выяснения влияния тюркских языков на языки соседних народов, В. А. Гордлевский не упускал случая исследовать лексику того или иного памятника, а также отметить, а при возможности и зафиксировать лексические особенности различных стилей речи.

Свое пребывание в Евпатории В. А. Гордлевский использовал для ознакомления с караимским языком и изучения лексических особенностей языка караимской Библии (впервые изданной в 1841 году) на материале нескольких ее глав. Это дало ему возможность выявить 83 лексические единицы, не зарегистрированные в словаре В. В. Радлова. Характер извлеченных им слов привел В. А. Гордлевского¹⁹ к убеждению, что караимская лексика в значительной своей части восходит к лексике кыпчакского языка. Этот вывод имеет принципиальное значение для

¹⁷ С. Е. Малов. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве». — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1946, № 2, стр. 129 и след.

¹⁸ В. А. Гордлевский. Что такое «босый волк»? (К толкованию «Слова о полку Игореве»). — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. VI, вып. 4, 1947; см. также: Академик В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. II. М., 1961, стр. 482 и след.

¹⁹ В. А. Гордлевский. Лексика караимского перевода Библии. — «Доклады АН СССР», 1928, стр. 87—91; см. также: Академик В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. II, 1961, стр. 155—159.

уточнения места караимского языка в классификационной схеме тюркских языков. В. А. Гордлевскому также принадлежит идея о составлении большого караимского словаря, высказанная им в 1945 г. и осуществленная в 1974 году.

Историей турецкого языка В. А. Гордлевский специально не занимался. Однако чтение староосманского текста — перевода на староосманский язык XV века так называемой хроники Ибн-Биби, написанной по существовавшей в государстве малоазиатских Сельджукидов традиции на персидском языке, побудило его дать комментарий к этому тексту²⁰. Комментарий состоит из замечаний об особенностях синтаксиса этого памятника, поправок к его тексту на основании приведенного здесь же персидского текста оригинала и пояснений к отдельным словам.

Знакомство со староосманским переводом хроники Ибн-Биби натолкнуло В. А. Гордлевского на этимологический анализ встреченного там слова *узан*. Оказалось, что слово *узан* армянского происхождения и проникло в турецкий язык благодаря армянским певцам, выступавшим со своими песнями среди мусульман. Он показал также несостоятельность гипотезы Мехмет Фуада Кёпрюлюзаде, возводившего это слово к якутскому *ойун* 'шаман'²¹.

Бродя по улицам Стамбула, по набережным Босфора, отправляясь из Стамбула в Анкару, В. А. Гордлевский, как истинный лингвист, жадно прислушивался к живой турецкой речи. Он не мог не заметить существования своеобразного арго деклассированной группы населения старой Турции, иронически прозванной «кюльханбеи». Описанию ее быта и лексики ученый посвятил специальную статью²².

Своеобразно сложившаяся историческая судьба Касимовского ханства, возникшего в 1452 году и упраздненного в 1681 году, подробно освещена, как известно, в фундаментальном труде академика В. В. Вельяминова-Зернова (1830—1904)²³. Современное же состояние языка и культуры касимовских татар — этнической группы, сложившейся в результате слияния коренного финского населения с прибывавшими в этот район волнами татарскими поселенцами, в то время еще не было достаточно обстоятельно изучено.

В 1920 году в район Касимова была направлена экспедиция для обследования культуры и языка местного населения, в которой принял участие и В. А. Гордлевский. Собранный им на месте этнографический языковой материал содержал новые данные, в известной степени восполнял пробел в изучении языка касимовских татар²⁴ и представлял несомненный интерес для татарского языкознания и тюркологии в целом. В пятом разделе этой работы автор останавливается на фонетических особенностях касимовского диалекта, в частности, на систематическом выпадении тюркских согласных (к), (г) и (г') в любом положении в слове, на переходе согласного (ч) в мягкое (с'), на особенностях словар-

²⁰ В. А. Гордлевский. Из комментариев к староосманскому переводу хроники малоазиатских Сельджукидов, так называемой хроники Ибн-Биби. — «Древности восточные», т. V. М., 1913, стр. 1—15; см. также: Академик В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. II, 1961, стр. 160—173.

²¹ В. А. Гордлевский. Происхождение османского слова «узан». — «Ученые записки Института народов Востока», т. I. М., 1930, стр. 229—231; см. также: Академик В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. III. М., 1962, стр. 164—265.

²² В. А. Гордлевский. Кюльханбеи в Константинополе и их арго. — «Доклады АН СССР. Серия 19», 1927, № 1, стр. 19—24; см. также: Академик В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. IV, 1968, стр. 165—169.

²³ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, т. I—IV. СПб., 1864.

²⁴ В. А. Гордлевский. Элементы культуры у касимовских татар. — «Труды Общества исследователей Рязанского края», вып. X. Рязань, 1927, стр. 1—35; см. также: Академик В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. IV. М., 1968, стр. 188—213.

ного состава этого диалекта, а также фонетических изменений в словах, заимствованных из арабского и русского языков, и особенно в словах тюркского происхождения.

В отечественной литературе того времени отсутствовали такие важнейшие пособия для изучения турецкого языка, как турецко-русский и русско-турецкий словари. Изданные литографированным способом достаточно полные, но крайне устаревшие, словари П. П. Цветкова²⁵ представляли собой библиографическую редкость. Рекомендованный студентам отличный для того времени турецко-французский словарь Ш. Самибей также был мало доступен из-за крайне ограниченного числа его экземпляров, находившихся в пользовании.

Учитывая сложившееся положение, а также и то обстоятельство, что в Турции арабский алфавит в 1929 году был официально заменен латинским, кафедра турецкого языка Московского института востоковедения образовала авторский коллектив во главе с В. А. Гордлевским для создания турецко-русского словаря. Основная лексикографическая работа была осуществлена воспитанником института, впоследствии доцентом Д. А. Магазанником, которому помогали члены кафедры А. В. Абдурахманов и И. В. Левин.

При разработке состава словника авторский коллектив словаря столкнулся с очень большими трудностями, ибо как раз в это время осуществлялась активная реформа турецкого языка: устранялись слова арабского и персидского происхождения, широко вводились европеизмы, и прежде всего слова, заимствованные из французского языка, в огромном количестве создавались неологизмы на базе исконно тюркских слов, а иногда и с привлечением древних слов, зарегистрированных в памятниках орхонской письменности. Чтобы правильно отобрать наиболее необходимые слова и установить их точные значения, необходимо было просмотреть, в полном смысле слова, целые груды печатной продукции того времени.

Только благодаря отличному практическому знанию турецкого языка и глубокой теоретической подготовке составителей, в особенности редактора словаря В. А. Гордлевского, задуманный труд был успешно завершен, и долгожданный словарь вышел в свет в 1931 г.²⁶

В. А. Гордлевский был не только вдохновителем создания и редактором словаря; им был также написан небольшой раздел «Словообразовательные приставки», в котором в виде схемы впервые был дан перечень существующих в современном турецком языке аффиксов тюркского происхождения, а также некоторых префиксов арабского и иранского происхождения.

Гордлевский-ученый, прекрасный знаток турецкого языка, не может быть, конечно, отделен от Гордлевского-педагога, на протяжении полувека с любовью и увлечением передававшего молодежи свои энциклопедические знания.

Автору этих строк посчастливилось начинать изучение турецкого языка у В. А. Гордлевского и С. Г. Церуняна — замечательных и незабываемых специалистов и наставников. В. А. Гордлевский вел тогда занятия по существовавшему в те годы учебнику Г. Еглички²⁷.

²⁵ П. П. Цветков. Турецко-русский словарь. СПб., 1902; его же. Русско-турецкий словарь. СПб., 1902.

²⁶ «Турецко-русский словарь». Составил Д. А. Магазанник. При участии А. В. Абдурахманова и И. В. Левина. Под редакцией проф. В. А. Гордлевского 40.000 слов, употребляемых в разговорной речи, науке, политике, литературе, технике и военном деле. М., 1931, 1175 стр.

²⁷ Г. Егличка. Руководство для изучения османского языка. С ключом. По материалам Г. Еглички переработал по-русски В. А. Гордлевский. М., 1916, ч. I. — «Труды Лазаревского института восточных языков», вып. XL.

Практические цели, поставленные руководящими органами просвещения перед студентами-востоковедами, требовали высокого уровня овладения изучаемым восточным языком, чего невозможно было достигнуть при прежних устаревших методах обучения. Поэтому В. А. Гордлевский продумывал в то время реорганизацию преподавания турецкого языка с целью улучшения методов практического обучения этому языку.

Первой ласточкой, возвестившей начало перестройки преподавания турецкого языка, была небольшая статья В. А. Гордлевского, увидевшая свет в 1924 г.²⁸ В ней автор решительно заявлял, что «лекционная система для языков, безусловно, должна быть отвергнута и заменена практическими занятиями». Исходя из того, что восточные языки изучаются студентами, а не учащимися средней школы, ученый требовал, чтобы центр тяжести обучения был перенесен на самостоятельные занятия. Продуктивной и, безусловно, психологически правильной была мысль о том, что количество домашних работ следует увеличить, а объем их уменьшить, «ибо натура человека устроена так, что нередко за исполнение их принимаются уже в последнюю минуту, когда впору думать не о тщательной отделке крупного отрывка, а лишь о том, чтобы сбыть зачет в срок»²⁹.

В. А. Гордлевский считал необходимым создание полноценной хрестоматии, тексты которой должны были увлечь учащегося своим содержанием и одновременно служить как бы введением в страноведение.

В. А. Гордлевский принимал самое активное участие в методических конференциях, созывавшихся в конце каждого учебного года в Московском институте востоковедения. 10 апреля 1946 г. он прочел доклад³⁰, в котором заявил, что обучение языку должно быть построено на научной основе, в связи с чем он предложил ввести в учебный план института такие дисциплины, как общее языковедение, введение в филологию изучаемого языка. В. А. Гордлевский подчеркивал необходимость и целесообразность введения курса фонетики изучаемого языка, им был выдвинут также вопрос о замене систематического курса грамматики концентрическим. Не меньшее значение придавал В. А. Гордлевский и комплекту учебных пособий по языку, в который он включил практический учебник для первого курса, книгу для домашнего чтения с комментариями и по-статейным или алфавитным словарем, граммпластинки, фонозаписи, воспроизводящие текст урока. Много ценных мыслей было им высказано и в отношении организации учебного процесса в целом.

Академик В. А. Гордлевский являлся блестящим представителем отечественной тюркологии, обогатившим ее трудами исключительной научной ценности и значимости. Великая его заслуга состоит еще и в том, что он сумел передать свой горячий интерес и любовь к избранной науке молодому поколению и воспитать целую плеяду высококвалифицированных тюркологов.

²⁸ В. А. Гордлевский. К постановке изучения восточных языков. (Из опыта преподавателя турецкого языка). — «Красные Зори», 1924, № 5 (17); см. также: Академик В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. IV. М., 1968, стр. 476—478.

²⁹ Там же, стр. 476.

³⁰ В. А. Гордлевский. Чему учить и как учить? — См.: Академик В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. IV. М., 1968, стр. 479—488.

А. П. БАЗИЯНЦ

В. А. ГОРДЛЕВСКИЙ И РЕФОРМА ПИСЬМЕННОСТИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Великая Октябрьская социалистическая революция, коренным образом изменив социальные, политические и государственные устои жизни народов Советского Востока, предопределила дальнейший расцвет их культуры. В условиях многонациональной страны, народы которой в недавнем прошлом находились на разных уровнях социального, политического и культурного развития, любое начинание в области просвещения приобретало острое политическое звучание. Вот почему в первые годы Советской власти конкретными вопросами культурного строительства и народного образования занимались два правительственных ведомства: Народный Комиссариат по делам национальностей и Народный Комиссариат просвещения. Более того, «Положение о Народном Комиссариате по делам национальностей» предусматривало, что Комиссариат «организует специальные ученые общества и учебные заведения для изучения жизни национальностей и выработки (так в тексте. — А. Б.) кадров политических работников не русской национальности»¹.

Октябрьская революция дала возможность при всемерной государственной поддержке быстро и успешно осуществить сложнейшие реформы в области народного образования, в частности, реформу письменности тюркских народов. Некоторые малые народы — балкары, каракалпаки, карачаевцы, ногайцы, хакасы, шорцы не имели письменности на родном языке. Арабская графика уже давно признавалась неудобной, не отвечающей фонетическим особенностям тюркских языков. Еще в прошлом столетии Мирза Фатали Ахундов, Мирза Мальком-хан и другие просветители выступали с проектами реформы письменности тюркских и иранских народов. К концу XIX и началу XX века в обсуждение реформы письменности были вовлечены широкие круги интеллигенции.

Вопрос о реформе письменности касался многочисленных тюркских народов — азербайджанцев, туркмен, узбеков, казахов, киргизов, татар, башкир, каракалпаков, ногайцев и др. Большинство из них пользовалось арабской графикой, и лишь некоторые народы (якуты, ойроты) — русской письменностью. После революции вопрос о реформе письменности стал актуальной государственной проблемой, к которой с глубоким вниманием относились партийные, правительственные и научные организации страны.

¹ «Справочник Народного Комиссариата по делам национальностей». М., стр. 6.

В республиках создавались комитеты по введению нового алфавита (начиная с 1922 года), а в Москве был создан Центральный комитет нового алфавита. Широкий размах приобрела работа по реформе письменности в Советском Азербайджане, энергично осуществлявшаяся С. А. Агамали-оглы. На обсуждение был представлен ряд проектов реформы письменности: Шахтахтинского, Эфендиева, Сеидова, Таги-заде.

В октябре 1922 г. в Наркомнац был направлен на заключение проект реформы на основе латинского шрифта и доклад востоковеда и публициста Мамед Аги Шахтахтинского². Была создана специальная комиссия по реформе арабской письменности, в работе которой принимали участие Гисматуллин, Алиев, Бойков, Гордлевский, Мусаев.

Проект М. Шахтахтинского под несколько вычурным названием «Свет латинской азбуки на мусульманском Востоке. 1922» обсуждался специалистами Московского института востоковедения, очевидно, при непосредственном участии В. А. Гордлевского, ведущего специалиста по тюркским языкам и профессора кафедры. В отзыве на труд М. Шахтахтинского, подписанном ректором Института востоковедения Гисматуллиным, отмечалось, что «Работа тов. Шахтахтинского является оригинальной и имеет значение в культурно-общественном отношении и представляет продуманную работу»³. Этот отзыв датирован 27 сентября 1922 года. По-видимому, этот осторожный и недостаточно конкретный отзыв отражал мнение и профессора Владимира Александровича Гордлевского. Но когда через несколько месяцев проект М. Шахтахтинского вновь (в феврале 1923 года) обсуждался комиссией под председательством Гисматуллина и с участием В. А. Гордлевского, выявились некоторые разногласия, что отметил в своем выступлении председательствовавший на заседании 17 февраля 1923 г. Гисматуллин, констатирующий «отсутствие единства»⁴.

Как выяснилось, мнение В. А. Гордлевского не совпадало со взглядами большинства членов комиссии.

Протокольная запись заседания комиссии гласит: «Проф. Гордлевский реформу татарского правописания считает половинчатой и предпочитает перейти к русскому шрифту, так как все народы Востока будут приобщаться к общеевропейской культуре через посредство русского языка»⁵.

Нам представляется, что вопрос о реформе тюркской письменности на основе русской графики был выношен и глубоко продуман В. А. Гордлевским намного раньше. Дело в том, что еще в изданиях XIX века транскрипция тюркоязычных памятников языка и литературы давалась с использованием преимущественно русской графики. Этому придерживались Ф. Е. Корш, В. В. Радлов, учитель и старший товарищ В. А. Гордлевского, А. Е. Крымский и подавляющее большинство русских востоковедов; русская транскрипция была обязательна для всех изданий Академии наук, начиная с 80-х годов XIX века. В. А. Гордлевский твердо придерживался мнения о необходимости реформы письменности тюркских народов на основе русского алфавита и, вероятно, поэтому не принимал участия в дальнейших заседаниях комиссии.

Как известно, тюркская письменность дважды после 1917 года подвергалась реформе, первоначально на основе латинского, а в конце тридцатых годов — на основе русского алфавита.

² ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 1700, л. 1.

³ Там же, л. 2.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Вторая реформа вызвала в прессе буржуазных стран резкие и крикливые нападки и обвинения Советского правительства в проведении русификаторской политики.

Автор данной статьи приводит отмеченный выше забытый факт из биографии академика Владимира Александровича Гордлевского, свидетельствующий о его дальновидности, полагая необходимым напомнить при этом, что еще задолго до введения латинской графики в русских изданиях по тюркской филологии и истории широко и успешно использовалась русская графика.

СООБЩЕНИЯ

А. АХУНДОВ

ОПЫТ ФОНЕТИЧЕСКОГО ОБОБЩЕНИЯ И ГРАММАТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ НАЗВАНИЙ ЧАСТЕЙ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

В словарном составе современного азербайджанского языка насчитывается около ста слов, обозначающих названия частей человеческого тела. Эти слова образуют три группы с весьма четкими лингвистическими границами, а именно: 1) исконно тюркские слова с неясной этимологией; 2) производные слова с ясными лексическим и морфологическим значениями (например, *toxumlug* 'семенники', *toxum* 'семя, семена' + *lug*; *jumurtalyg* 'яичник', *jumurta* 'яйцо' + *lug*, *uſaglyg* 'матка', *uſag* 'ребенок' + *lug* и др.) и, наконец, 3) заимствованные из персидского (например, *rāpza* 'лапа, пятерня', *rejsār* 'загривок, затылок', *g'izgah* 'висок' и т. д.), из арабского: *mā'dā* 'желудок', *hūzejrā* 'клетка' (органическая), из европейских языков через посредство русского языка: *traxeja* 'трахея', *diafragma* 'диафрагма'. В настоящей статье рассматриваются слова, входящие в первую группу.

Даже беглое ознакомление с названиями частей тела в азербайджанском языке открывает перед исследователем любопытные звуковые закономерности, общие для данной категории слов, что позволяет фонетически систематизировать их. На наш взгляд, исконно тюркские названия частей тела с неясной на данной стадии развития азербайджанского языка этимологией могут быть классифицированы следующим образом:

1. Слова — названия частей тела, оканчивающиеся на *š*: *baš* 'голова', *gaš* 'бровь', *diš* 'зуб', *döš* 'грудь'.

2. Слова — названия частей тела, оканчивающиеся на *z*: *g'öz* 'глаз', *boſaz* 'горло, глотка', *aſuz* 'рот', *diz* 'колени', *k'öks* 'грудь', *üz* 'лицо'.

3. Слова — названия частей тела, оканчивающиеся на *l*: *bel* 'позвоночник, спина', *gol* 'рука', *dil* 'язык', *dal* 'спина', *äl* 'кисть (руки)'.

4. Слова — названия частей тела с конечным *n*: *alyn* 'лоб', *bejn* 'мозг', *bojn* 'шея', *buyn* 'нос', *gaſyn* 'живот', *čijn* 'плечо', *daban* 'пятка'.

5. Слова — названия частей тела с конечным *g/k*: *aſag* 'нога', *gulag* 'ухо', *damag* 'небо', *dodag* 'губы', *jaſag* 'щеки', *dalag* 'селезенка', *čapag* 'таз', *bäbäk* 'зеница', 'зрачок', *böſgäk* 'почка', *kügäk* 'лопатка', 'спина', *göbäk* 'пуп, пупок, пуповина', *ügäk* 'сердце', *ojſag* 'сустав', *duſſag* 'ноготь', *baſſag* 'палец', *toſag* 'щиколотка', *tük* 'волос', 'волосок', *sümük* 'кость', *iläk* 'костный мозг', *gaſyſag* 'пах', *baſyſſag* 'кишка', *gursag* 'сывчуг', *diſsäk* 'локоть', *udlag*, *gyrtlag* 'глотка, горло', *gyſyſſag* 'хрящ', *kiſrik* 'ременица', *ämſgäk* 'темя', *buxag* 'подбородок'.

6. Слова — названия частей тела, оканчивающиеся на *g*: *damag* 'жила', 'жилка', *baſyſg* 'печень', *balduſg* 'голень'.

7. Слова — названия частей тела, оканчивающиеся на **ya/xa**: *gabyrğa* 'ребро', *опигğa* 'позвоночник', *агха* 'спина'.

Ряд слов — названий различных частей тела — ни в одну из указанных групп не входит. К ним относятся: *büzdüm* 'копчик', *büd* 'бедро', 'ляжка', *dägi* 'кожа', *şäpə* 'челюсть', *овиž* 'ладонь', *отба* 'головка бедренной кости' и др.

Случайно ли такое фонетическое обособление названий различных частей тела?

Разумеется, в ряде случаев в этих группах могут оказаться и слова, имеющие по своему грамматическому составу совершенно различное происхождение. Такие слова нетрудно найти и в числе названий частей тела, входящих в пятую группу.

По-видимому, данная группа включает четыре подгруппы.

К первой из них относятся слова — названия частей тела, оканчивающиеся на **-g||-k (-ag||-äk)** и выражающие парность: *ajag* 'нога', *gulag* 'ухо', *dodag* 'губа', *böjräk* 'почка', *bäbäk* 'зеница, зрачок', *janag* 'щеки', *kügräk* 'лопатка, спина', *torug* 'щиколотка'.

Слова, входящие в эту группу, в своем составе имеют аффикс двойственного числа, когда-то функционировавший в тюркских языках, на который указал еще в 1951 году А. Н. Кононов¹. Позже более подробно этот аффикс был описан в его книге о показателях собирательности-множественности в тюркских языках².

Вторая подгруппа включает слова — названия частей тела, также имеющие в своем составе аффикс **-g||-k (-ag||-äk)**. Но в данном случае он является аффиксом отглагольных имен, о котором Э. В. Севортян пишет: «Говоря о значениях орудия (средства, результата и т. д.), необходимо принять во внимание ряд случаев, когда в семантике отглагольного имени на **-(a) $\frac{r}{k}$** представлено в слитном виде несколько значений. Типичным в этом отношении является нередкое слияние значений названия процесса и результата или значения „опредмеченного” действия, как это было уже показано при описании продуктивных форм отглагольных имен на **-ма** и **-(j)ыш**»³.

К этой подгруппе относятся: *ojnag* 'сустав' от глагола 'играть', *ügärk* 'сердце' от глагола *vug* 'бить' и т. д.

Слова — названия тела, имеющие в своем составе непродуктивный аффикс **-sag** (*bağysag* 'кишка', *gırsag* 'сычуг', *dırsäk* 'локоть'), составляют третью подгруппу.

По мнению Э. В. Севортяна, аффикс **-sag** «... состоит из глаголообразующего показателя *sa/sə* с дезитеративным значением и рассмотренного уже отглагольно-именного аффикса **(a) $\frac{g}{k}$** »⁴.

Наконец, в четвертую подгруппу входят слова — названия частей тела, имеющие в своем составе аффикс отглагольных имен **lag**: *udlag* 'глотка', *gyrtlag* 'гортань'.

Безусловно, столь строгая фонетическая группировка без подробного грамматического описания не может считаться достаточно обоснованной. Здесь необходим этимологический анализ каждого слова в

¹ См.: А. Н. Кононов. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках. — «Тюркологический сборник». М.—Л., 1951, стр. 112.

² См.: А. Н. Кононов. Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. Л., 1969.

³ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 203.

⁴ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 221.

группе. Ниже приводится анализ слов — названий тела, оканчивающихся на *š*.

Baš — общетюркское слово, образовавшееся после распада общепалтайского праязыка, так как в современных тунгусо-маньчжурских и монгольских языках для обозначения понятия «голова» используются слова с архетипами **dili*, **ürg'e*, **rekin*, по всей вероятности, не имеющие к слову *baš* непосредственного отношения. Последнее, очевидно, связано с глаголом *ba-*, который в древнетюркском языке употреблялся в значении «привязывать», «связывать», «обвязывать», «повязывать»⁵. Что касается аффикса *š*, то о нем в разное время писали советские и зарубежные тюркологи. По мнению Э. В. Севортяна, «как правило, производные на *-ш* образованы от корневых, частью вымерших слов, что говорит о древности рассматриваемых имен. Большая часть этих слов имеется во многих тюркских языках»⁶. *Š* — приводится и в составленном Б. А. Серебренниковым списке аффиксов, о которых он пишет: «Генетически все эти аффиксы связаны с аффиксами собирательной множественности, также некогда широко распространенными в тюркских языках»⁷.

Говоря о содержании аффиксов *-š*, *-yš/-iš/-üš/-üš*, С. А. Джафаров указывает на три момента: «С помощью этих аффиксов в азербайджанском языке образуются субстантивные имена со следующими значениями: а) существительные, выражающие положение и особенность (*кул-смяться* — *кулуш* 'смех...'); б) существительные, указывающие на результат действия (*көр- 'видеть'* — *көрүш* 'видение'); в) существительные, обозначающие тело, лицо и явление (*таны- 'знакомиться'* — *таныш* 'знакомый')»⁸.

Слово *baš* как отглагольное имя первоначально, видимо, имело значение «связанный», «связь», что в дальнейшем стало базой для возникновения нового значения слова *baš*.

В азербайджанском языке слово *baš*, как и в других тюркских языках, отличается большой семантической емкостью и имеет семнадцать различных значений⁹.

Gaš — общетюркское слово. В «Списке общетюркских односложных слов» А. М. Щербака отмечено как **kaš* со значениями «бровь», «лука седла», «край, конец»¹⁰. На наш взгляд, как *baš*, так и *gaš* состоят из двух морфем *ga* + указанный выше аффикс *š*. В древнетюркском языке были три слова с фонетическим составом *qa*: *qa* I употреблялось парно с *qadaš* и означало «родственники (по крови)»; *qa* II имело значения «сосуд», «посуда». Наконец, *qa* как глагол употреблялось в значениях: «складывать», «класть вместе», «класть по порядку»¹¹. *Gaš* образовалось именно от глагола *qa* с помощью аффикса *-š*, и как отглагольное имя

⁵ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 76. Кстати, попытка А. М. Щербака выделить на уровне праязыка **paš* в значении «голова» (См.: А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 195) требует дополнительной аргументации. Типологически, видимо, было наоборот, то есть *paš* < *baš*. Первое передвижение *b* в *p* (в индоевропейских языках), как известно, опубликовали как открытие Раск — в 1818, Бредсдорф — в 1821 и Гримм — в 1822 гг.

⁶ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, стр. 171.

⁷ Б. А. Серебренников. Причины резкого уменьшения числа аффиксов многократного действия и сокращения сферы их употребления в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1975, № 6, стр. 3.

⁸ С. Чэфаров. Азербайжан дилинде сөз јарадычылыгы. Баки, 1960, стр. 100.

⁹ См.: «Азербайжан дилинин изафлы лүгәти». Баки, 1966, стр. 212—219.

¹⁰ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков, стр. 194.

¹¹ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 399. Этому глаголу посвящена отдельная статья: И. В. Кормушин. Лексико-семантическое развитие корня «*qa*» в алтайских языках. — В сб.: «Тюркская лексикология и лексикография». М., 1971, стр. 9—29.

первоначально, по всей вероятности, имело значение «поставленные, сложенные вместе», что вполне соответствует значению «бровь».

Diš — общетюркское слово. В «Списке общетюркских односложных слов» А. М. Щербака отмечено как *tī:š* (*ti:š?*)¹². По нашему мнению, как *baš* и *gaš*, так и *diš* состоит из двух морфем **di+š*. Однако, в отличие от первых двух, в памятниках древнетюркской письменности глагол **di-||ti-* не отмечен. В азербайджанском языке имеется ряд слов, таких, как *did*, *deš*, *däl*, в которых, как нам кажется, выделяется глагольный корень **di/*de/*dä* (исторически **di-*) со значениями «резать», «проколоть», «сверлить», «проткнуть», «пробуравливать» и аффиксы собирательной множественности *-t/-š/-l*¹³. На идентичность *deš/däl* в свое время указал Н. К. Дмитриев в плане звуковых соответствий *š/l* в тюркских языках¹⁴.

Таким образом, можно предположить, что *diš* отглагольное имя, образованное от глагола **di* при помощи аффикса *š* с первоначальным значением «резак», «сверло».

Döš — общетюркское слово. В «Списке общетюркских односложных слов» А. М. Щербака отмечено как *tö:š* в значении «грудь животного»¹⁵.

В азербайджанском языке *döš* имеет несколько значений («грудь», «грудной», «грудинка», «скат», «склон»), связанных между собою.

В основе *döš*, видимо, лежит глагол **dö-*, который как корневая морфема встречается и в составе следующих слов: *döl* «зачаток, приплод», «порода», «период, когда плодятся домашние животные»; *döp* «воротиться, вернуться, возвращаться, вращаться»; «поворачиваться», «переворачиваться», «отступать», «обернуться, превращаться»; *döz* «терпеть», «терпеливо переносить», «устоять»; *döj* «бить по чему-нибудь», «стучать», «молотить», «ковать». Думается, что и в данном случае аффикс отглагольного имени *-š*, соединившись с глаголом *dö*, образовал слово *döš*, которое первоначально означало «оплодотворение».

Таким образом, становится очевидным, что образование слов — названий частей тела человека, оканчивающихся на согласный *š*, происходило единым путем — прибавлением аффикса *š* к глагольным корням *ba-*, *ga-*, **di-*, **dö-*, что схематически может быть представлено следующим образом:

$$\left. \begin{array}{l} ba \\ ga \\ *di \\ *dö \end{array} \right\} + \begin{array}{l} \text{ш} \end{array} \left\{ \begin{array}{l} baš \\ gaš \\ diš \\ döš \end{array} \right.$$

Аналогичным образом могут быть грамматически описаны и другие фонетически обобщенные группы слов, обозначающих в азербайджанском языке названия частей тела человека.

¹² А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 197.

¹³ Б. А. Серебренников. Указ. раб., стр. 3—10.

¹⁴ Н. К. Дмитриев. Соответствие л/ш. — «Исследование по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I. Фонетика, М., 1955, стр. 321.

¹⁵ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 197.

РЕЦЕНЗИИ

Б. ХАСАНОВ. ЯЗЫКИ НАРОДОВ КАЗАХСТАНА И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

ИЗД-ВО «НАУКА» КАЗАХСКОЙ ССР, АЛМА-АТА, 1976 г., 214 стр.

XXV съезд КПСС поставил перед советскими учеными задачу изучения новых явлений, возникших в различных сферах общественной жизни, связанную с решением важнейших теоретических проблем развитого социализма. В этом аспекте особую актуальность приобретает изучение проблемы функционирования и взаимодействия языков в современном обществе. Языковое строительство в союзных республиках должно стать объектом глубоких исследований, ибо эта своеобразная гигантская лингвистическая лаборатория, возникшая в результате тесных языковых контактов, рожденных дружбой народов Советского Союза, позволяет выявить ряд закономерностей в процессе функционирования и взаимодействия различных языков.

Монографическое исследование кандидата филологических наук Б. Хасанова представляет собой первую попытку обобщения развития общественных функций многочисленных контактирующих языков Советского Казахстана, население которого говорит более чем на ста языках.

В вводной части работы автор раскрывает социальную сущность и природу языка, привлекая с этой целью не только лингвистические данные и собственные наблюдения, но основываясь также на материалах и фактах социологии, психологии, истории, философии и ряда других смежных наук.

В книге раскрывается значение исторического опыта КПСС в разрешении национального вопроса в нашей стране, показывается многогранная деятельность Коммунистической партии Советского Союза в осуществлении ленинской национальной политики в области языкового строительства.

Исследуя проблему функционирования языков, автор учитывает культурно-исторические, демографические, географические, экономические и политические факторы, использует литературные источники, данные переписи населения СССР, различные материалы ЦСУ, текущие статистические отчеты Государственной книжной па-

латы республики, министерств просвещения и высшего и среднего специального образования Казахской ССР. Такое многостороннее изучение вопроса позволило Б. Хасанову дать конкретное описание функционирования в республике казахского и русского языков, а также выявить общественные функции уйгурского, дунганского, корейского и немецкого языков (гл. II), что в советскую эпоху в данном регионе не было объектом специального исследования.

Как известно, изменения в жизни народа и происходящие в обществе преобразования неизбежно находят свое отражение в языке. Поэтому внутренние законы развития языка, в том числе колебания литературной нормы, зачастую объясняются влиянием социальных (экстралингвистических) факторов, сознательным вмешательством общества в перестройку языка, что убедительно вскрывается автором на примере расширения семантики отдельных слов и сферы их употребления, возникновения терминов, то есть слов с особой функцией, использующихся в специальных областях человеческой деятельности¹. Б. Хасановым прослеживается история развития терминологии, выявляется авторство многочисленных терминов. Заслуживает поддержки высказанная им мысль о том, что составителей двуязычных терминологических словарей следует признать авторами вновь вводимых ими терминов.

В своем исследовании Б. Хасанов основывается на известном тезисе В. И. Ленина: «Социолог-материалист, делающий предмет своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных *личностей*, из действия которых и слагаются эти отношения»². Ос-

¹ См. разделы: «Роль социальных факторов в расширении сферы употребления слова» — стр. 75—87 и «Разработка и унификация терминов — важнейшее условие планомерного развития казахского языка» — стр. 87—107.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. I, стр. 424.

вешая проблемы функционирования в республике каждого из языков, Б. Хасанов отмечает роль личности (государственных, общественных деятелей) в сознательном воздействии на расширение функций языков. Исследуя взаимодействие языков в условиях контактирования (гл. III), автор исходит из принципа учета межличностных контактов и наблюдений над речевой деятельностью отдельных групп или лиц, в которых находят отражение социальные факторы. Автором используются конкретные материалы ряда социологических и педагогических исследований. В рецензируемой монографии впервые дается общая характеристика языковых контактов в республике и уделяется большое внимание исследованию взаимодействия казахского и других языков. На конкретных материалах рассматривается влияние казахского языка на русский, киргизский, узбекский, уйгурский, таджикский, турецкий, дунганский, корейский, немецкий языки, носители которых проживают в казахской языковой среде. Достоинством монографии Б. Хасанова является и то, что взаимодействие языков им исследуется на уровне говоров. Это методически оправдано, ибо проникновение элементов одного языка (диалекта) в дру-

гой — результат продолжительных непосредственных связей между носителями этих языков на определенной территории. С нашей точки зрения, автором сказано новое слово в лингвистической науке: двуязычие может утверждаться не только в многонациональной, но и в однопациональной семье или коллективе, в то же самое время одноязычие может характеризовать замкнутый, малочисленный многонациональный коллектив.

Посвященная одной из актуальнейших тем современности, рецензируемая монография впервые рассматривает и характеризует основные этапы функционирования и взаимодействия языков в Советском Казахстане и вносит определенный вклад в социальную лингвистику.

В заключение отметим, что автору следовало бы подробнее остановиться на развитии звукового строя, а также морфологических, синтаксических и стилистических системах языков народов, населяющих Казахстан. Досадно, что такая нужная книга, интересующая весьма широкий круг читателей, издана небольшим тиражом (всего 2.600 экз.).

К. Мусаев

Я. Ш. ХЕРТЕК. ТУВИНСКО-РУССКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

ТУВИНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, КЫЗЫЛ, 1975, 204 стр.

Как известно, сибирские тюркские языки, в силу исторических причин, сохранили свои древнейшие черты, поэтому исследование фонетических, лексических и фразеологических материалов этих языков в сравнительно-историческом плане имеет очень важное значение для тюркологии в целом. Поэтому выход в свет фразеологического словаря якутского языка¹ и сравнительно небольшого по объему тувинско-русского фразеологического словаря следует расценивать как значительное событие для тюркологов — исследователей исторической фразеологии тюркских языков.

Словарь содержит свыше 1500 фразеологизмов тувинского языка, многие из которых иллюстрируются материалами из тувинской художественной литературы и фольклора, а также разговорной речи. При составлении словаря автор учел недостатки предыдущих фразеологических словарей и использовал рекомендации IX всесоюзно-

го координационного совещания по вопросам фразеологии, состоявшегося 20—22 октября 1964 года в Баку. На этом совещании отмечалось, «что фразеология в широком смысле не может явиться лексикографическим толкованием во фразеологическом словаре, поэтому целесообразно сосредоточить внимание на толковании лексической идиоматики, оставляя за пределами словарей крылатые слова, пословицы, поговорки и устойчивые терминологические сочетания»².

Располагая материалом словаря, его автор Я. Ш. Хертек использовал опыт составителей «Фразеологического словаря русского языка»³. Словарные статьи в словаре построены по следующему плану: 1) фиксация фразеологического оборота; 2) объяснение его значения на русском языке с

² «Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей». Баку, 1968, стр. 172.

³ «Фразеологический словарь русского языка». М., 1967.

¹ Н. С. Григорьев. Саха тылын сомого домогун тылдьыта. Якутской, 1974.

приведением буквального перевода сочетания для показа образности тувинского фразеологизма; 3) сопоставление фразеологизма с русским эквивалентом; 4) приведение примеров из художественной литературы с переводом на русский язык. В заключение приводятся существующие варианты, синонимы и антонимы данного фразеологизма в том, конечно, случае, если они имеются.

Практически это осуществляется следующим образом.

Балдыры дыңзыр 'становиться богатым, материально обеспеченным', *букв.*: 'икра (ноги) у него становится крепкой'. *Шарыларны даладаш, азттар — биле андазын сөөртүр — балдыры дыңзаан* (М. Кенин-Лопсан. Улуг хемниц шапкыны. Кызыл, 1965) 'Волов сейчас не признает — на лошадях пашет — богатый стал'.

Өзү кара 'коварный, злой', букв.: 'с черной аортой'. *Тос уралыг, өзү кара Маңгыр чейзең даштыы хевирин кем чок, тайбың хевирлыг кылдыр көргүссө — даа, угаанынга бир демдекти кертп алган* (К. Кудажы. Уйгу чок Улуг-Хем. Кызыл, 1973) 'Хитрый, коварный Мангыр-Зайсан, хотя внешне показывал себя безобидным, мирным, в душе своей затаил зло'. Вариант: *сагыжы кара*.

Рецензируемый словарь может дать интересный материал при сопоставительном изучении тувинского и других тюркских языков. Он поможет исправить и некоторые ошибки, допущенные в фразеологических словарях других языков. Так, например, в староузбекском языке был в употреблении фразеологизм *бағри қотгунча кулмоқ*:

Йиглаю борсам эшикига Гадолиғ

Бағри қотгунча кулуб айтур: «Бало қилғоли берсун санго»⁴

Элга бу доғи кулгу келтурубон, Бағри қотгунча балки кулдурубон»⁵.

В «Кратком словаре к произведениям узбекской классической литературы» указывается следующее значение этого фразеологизма: «быть жестоким»⁶. Это же значение дает и «Словарь языка произведений Навоий»⁷. Но при такой семантике смысл бейта не раскрывается.

Сопоставление узбекского фразеологизма с тувинским *баарын кадыр каттырар*

'сильно смеяться', *букв.*: 'смеяться до высыхания печени' (стр. 49) свидетельствует о соответствии смысла этих выражений. И тогда становится ясной логическая связь между строками приведенных бейтов:

'Если я пойду, как нищий, к ее дверям, плача,

Она, хохоча, скажет: попади в беду...

И это заставляет народ смеяться,

Может быть, очень сильно смеяться'.

Выясняется и этимология узбекского фразеологизма *тинкаси куримоқ* 'выбиться из сил', 'изнемогать' при его сопоставлении с тувинским фразеологизмом *тын кадага-лаан* 'еле живой', 'очень слабый', где *тын* обозначает 'душа' (стр. 158).

В целом словарь оставляет хорошее впечатление, хотя и следует указать на некоторые его недостатки⁸, в значительной степени обусловленные и тем обстоятельством, что в тюркских языках изучение фразеологии только начинается, и как наука она находится в стадии становления.

К очевидным недостаткам словаря следует отнести: 1) отсутствие сопроводительной теоретической статьи, в которой автор должен был выразить собственную точку зрения на объект фразеологии; 2) фразеологичность части материалов является спорной. Так, например, значение сочетания *оң чок* 'бесстыдный', *букв.*: 'разума нет' (стр. 126), *сыңар чери чок*, *букв.*: 'нет места, где бы (он) поместился' (стр. 152) основано на прямом смысле входящих в него компонентов. Это противоречит авторской формулировке в предисловии, в котором указывается, «что под фразеологизмом мы понимаем устойчивые сочетания слов с переносным значением» (стр. 7); 3) при извлечении фразеологизмов из художественного текста автор не отделяет авторские, индивидуальные варианты от общепринятых; 4) недостаточно полно использована автором интересная фразеология «Тувинско-русского словаря».

Выход в свет «Тувинско-русского фразеологического словаря» Я. Ш. Хертека свидетельствует о несомненном успехе тувинских лексикологов. Хочется надеяться, что этот словарь сыграет важную роль в составлении более полного фразеологического словаря тувинского языка и даст толчок к исследованию фразеологизмов других младописьменных языков тюркских народов Сибири.

Э. А. Умаров

⁴ Гадий, нашрга тайёрловчи Э. Аҳмад-хўжаев. Тошкент, 1973, стр. 24.

⁵ Алишер Навоий «Сабаи сайёра». — В кн.: «Хамса». Тошкент, 1960, стр. 533.

⁶ «Узбек классик адабиёти асарлари лугати». Тошкент, 1953, стр. 426.

⁷ «Навоий. асарлари лугати». Тошкент, 1972, стр. 743.

⁸ См. выступление Ш. Ч. Сата на конференции по тюркской лексикографии 17—19 марта 1975 г. в Москве. — «Советская тюркология», 1975, № 3, стр. 115.

Д. НУРАЛИЕВ. ЧЕПЕР МАЗМУНЫҢ ДИФФЕРЕНЦИРЛЕНИШ ПРОЦЕСИ

«ЫЛЫМ» НЕШИРЯТЫ, АШГАБАТ, 1975, 220 стр.

Монография Д. Нуралиева «Процесс дифференциации художественного содержания», посвященная одной из актуальных проблем литературоведения, вызвала значительный интерес у туркменских филологов.

Опираясь на большой фактический материал и обширную научную литературу, автор анализирует длительный и сложный исторический процесс дифференциации художественного мышления как формы общественного сознания. Следует отметить, что в туркменском литературоведении эта тема впервые является объектом специального исследования.

Во введении автор останавливается на значении проблемы и принципах ее разрешения.

Монография состоит из двух больших разделов, каждый из которых делится на четыре подраздела.

Первый раздел посвящен анализу этапов дифференциации художественного содержания в древней и средневековой литературе. В своих выводах автор опирается на труды классиков марксизма-ленинизма, на достижения марксистской философии и современного литературоведения, на фольклорные материалы памятников древнетюркской письменности. Автор убедительно проследживает эволюцию художественного содержания и выделения его из различных жанров и видов литературы в процессе исторического развития.

В этом разделе дается анализ содержания орхоно-енисейских памятников, фольклорных материалов тюркоязычных народов — «Книги моего деда Коркуда», эпоса «Героглы», «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни, «Хикметов» Ахмеда Ясеви, «Махзан-ул-асрар» Низами Генджеви, «Хайрат-ул-аброр» Алишера Навои, «Вагзы-Азат» Азади и др. Д. Нуралиев пытается проследить связи и эволюцию содержания от элементов синкретизма в фольклоре к религиозно-суфистическому его воплощению в отдельных произведениях средневековой литературы и дальнейшее обогащение его историческими, дидактическими, социальными мотивами в творчестве Низами, Навои, Азади. В этом разделе автор указывает общие особенности литературы тюркоязычных народов VI—XVI веков.

Второй раздел монографии посвящен анализу этапов дифференциации художе-

ственного содержания в туркменской классической литературе. В четырех подразделах работы подробно анализируются дальнейшая эволюция художественного содержания, обогащение его социальными и национальными мотивами.

На богатом материале туркменской поэзии XVIII—XIX вв. автор проследживает процесс дифференциации ее художественного содержания в целом. Основательная аргументация, богатство фактического материала, убедительность выводов характеризуют этот раздел рецензируемой монографии.

Во втором разделе книги рассматриваются исторические причины и пути сближения литературы с действительностью, появление в туркменской литературе тенденции к индивидуализации героев, их типизации, анализируются особенности лирических героев Махтумкули, Сейди, Зелили, Кемине, Молланепеса и Мятаджи. В последней главе выявляются характерные черты классической туркменской литературы.

На материале древнетюркской, а затем туркменской литературы автор проследживает сложную эволюцию художественного мышления народа.

Монография позволяет судить об особенностях вклада каждой исторической эпохи в развитие литературного процесса.

Следует отметить и отдельные недочеты работы. Отсутствует единообразное написание названий ряда произведений, например: «Хайрат-ул-абрар» (стр. 33), «Хайратул-абрар» (стр. 80), «Хайратул-аброр» (стр. 87) или «Гурхан» и «Куръан» (стр. 166).

Следовало бы включить в книгу специальную главу о роли литературных традиций в конкретизации художественного содержания. Это необходимо еще и потому, что автор недостаточно подробно анализирует творчество поэтов конца XIX — начала XX века.

В ряде мест допущены стилистические погрешности и терминологические неточности (стр. 52).

Отдельные просчеты, однако, не снижают ценности монографии. Она, несомненно, интересна не только для специалистов по теории литературы, но и для всех тюркологов, изучающих историю литератур народов Советского Востока.

А. Кареев

Г. В. ЛУКОЯНОВ. МАРИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

ЧЕБОКСАРЫ, 1974, 120 стр.

Русские тюркологи и финно-угроведы давно обратили внимание на группу слов, общую для языков Среднего Поволжья. Так, уже в одной из ранних работ по чувашскому языку — «Начертании правил чувашского языка» (Казань, 1836) протоиерея В. П. Вишневского — приводится довольно обширный список слов под названием «Слова, сходные в чувашском, татарском и черемисском языках». Только успехи в развитии тюркологии и финно-угроведения позволяют углубиться в исследование этой проблемы, над которой работали М. А. Кастрен, И. Буденц, Н. И. Золотницкий, И. Н. Смирнов, В. П. Троицкий, Н. И. Ашмарин, Ю. Вихман, М. Ряснен, В. Г. Егоров, М. Р. Федотов, Л. П. Сергеев, Ф. И. Гордеев и др. Этими учеными обычно рассматривались чувашские и татарские заимствования (и проникновения) в марийском языке. Итоги этим разысканиям были подведены в монографических исследованиях М. Ряснена и затем М. Р. Федотова. Что же касается вопросов исследования марийских элементов чувашского языка, то они, как правило, решались попутно или на сравнительно ограниченном материале. Выход в свет обобщающей работы Г. В. Лукоянова, посвященной проблеме выявления марийских заимствований в чувашском языке, поэтому весьма актуален и заслуживает внимания специалистов.

В рецензируемой работе не только впервые собран весь имеющийся материал, но он дополнен новыми данными, впервые рассматриваемыми как марийские заимствования. Монография включает предисловие, введение, две главы (лексическую и фонетическую), заключение и приложения справочного характера. Автор приводит также список населенных пунктов, не совсем точно озаглавленный «Употребление маризмов в верховом диалекте чувашского языка». Завершают книгу выборочный словарь-указатель марийских заимствований и библиография.

Предисловие содержит обзор основной литературы по марийским заимствованиям в чувашском языке (начиная с работы Ю. Вихмана, датированной 1903 годом, и до наших дней). Недостаточная полнота обзора частично компенсируется тоже неполной библиографией; в ней не упоминаются не только ранние работы по проблеме, но и некоторые новые труды¹. Особенно значительны пробелы в обзоре иностранной литературы.

¹ Например: Л. П. Сергеев. Еще раз о чувашско-марийских лексических параллелях. — «Чувашский язык, литература и фольклор», вып. 2. Чебоксары, 1973.

В более обширном введении автор останавливается на исторических предпосылках чувашско-марийского лексического взаимодействия. Однако здесь не говорится достаточно подробно о параллелизме внутренних форм некоторых чувашских и марийских слов, возникшем в результате структурного заимствования — калькирования. Автор лишь бегло упоминает об этом.

Первая глава «Лексико-семантическая классификация марийских заимствований в чувашском языке» содержит тематический этимологический словарь марийских заимствований чувашского литературного и особенно народно-разговорного языка, причем преимущественно исследуется материал верхового диалекта. Автор избрал достаточно удобную структуру словарной статьи, иллюстрируя употребление слова записями чувашской диалектной речи (в орфографической передаче и в дублирующей ее фонетической транскрипции на основе русской графики). Наличие алфавитного указателя к этой же главе делает материал удобно обозримым для читателя. Было бы полезно при анализе чувашско-марийского материала дать оценку степени надежности принятых в книге этимологий². Привлекают внимание многие свежие этимологические решения, хорошее знание автором лексического состава чувашских и марийских диалектов. Автор неоднократно отмечает, что то или иное слово, рассматриваемое в исследовании, не зафиксировано до сих пор лексикографами. Было бы весьма уместно особо выделить эти слова в указателе к I главе (например, астерисками или иными пометами). Книга Г. В. Лукоянова, несомненно, обогащает сведения о словарном составе чувашского и марийского языков.

Автор, к сожалению, ограничивается рассмотрением исключительно материала двух языков, взаимодействие которых являлось объектом его исследования. Однако подобное ограничение используемого материала и значительное сужение его этимологической части неизбежно отрицательно сказалось на степени достоверности и глубине этимологического анализа. Так, в число марийских заимствований чувашского языка автор включил некоторые русизмы типа *тошна* 'тоскливо, грустно' (ср. русск. *тошно*), *веске* 'клеть, кладовая' (вероятно, русск. *связка*), *поттикке* 'смешно, потешно' (русс. *потеха* как категория состояния) и др. Конечно, эти слова могли войти в чувашский язык через марийское посредство, что, очевидно, например, для слова *поттикке*, где на это указывает заме-

² См.: В. В. Мартынов. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963.

на отсутствующего в марийском языке фрикативного звука *x* смычным *k*, однако автор не всегда останавливается на этом свое внимание. Финно-угорские параллели для марийских слов приводятся в книге более последовательно, но тюркские параллели для чувашских слов обычно опускаются без особой аргументации. Например, привлечение тюркских параллелей к чувашскому слову *отă* 'роща среди поля'³ не позволило бы автору сделать ошибочный вывод о марийском происхождении чувашского слова, тогда как это явный тюркский архаизм чувашского языка, что, впрочем, не исключает возможности марийского влияния на его сохранение у чувашей. Вообще при изучении заимствований представляется весьма перспективным рассмотрение материала на широком фоне соседних языков, сужение же этого фона легко может привести исследователя к ошибочным выводам. Ведь общеизвестно, что заимствованные слова весьма часто сохраняют черты, утраченные языком-источником в ходе его исторического развития. Поэтому изолированное от родной почвы заимствование зачастую дает языковеду ценный материал для изучения истории языковой системы, особенно на фонетическом уровне⁴.

Нельзя не отметить также, что принятая Г. В. Лукояновым классификация заимствований по семантическим сферам не очень удобна для размещения многозначных слов, а также для лексем, которые могут быть отнесены к разным понятийным сферам. Например, уже упомянутое слово *отă* 'роща среди поля' помещено в раздел «Растительный мир» (подраздел «Деревья»), хотя это скорее ландшафтный термин и было бы более оправданным поместить его в разделе «Окружающая местность. Природно-климатические явления». Заключение раздел главы «Слова, не входящие в другие группы» может служить объективным показателем того, какие непреодолимые трудности возникают при стремлении логически последовательно распределить слова по семантическим группам. Весьма рациональной представляется нам такая организация рассматриваемого материала, при которой он был бы хорошо обозримым, а это возможно при простом расположении материала по алфавиту. Это сделало бы необязательной публикацию указателя, фактически охватывающего только материал одной первой главы, и побудило бы автора составить указатель ко всей работе в целом.

Г. В. Лукоянов рассматривает исключительно апеллятивную лексику, хотя привлечение ономастики (топонимии и антропонимии) также было бы весьма полезным и показательным. Отдельные разыскания в

этой области предприняты Г. Е. Корниловым⁵. В любом случае невнимание к ономастическому материалу следовало бы обосновать. В книге охвачены далеко не все лексические категории, однако в то же время автор выходит за границы лексики: среди названных им «слов, не входящих в другие группы» встречается суффикс *-скер*, хотя другие аффиксы марийского происхождения им и не рассматриваются. Вероятно, к отбору материала следовало бы подходить более строго.

В некоторых случаях Г. В. Лукоянов приводит взаимоисключающие суждения ряда исследователей об отдельных спорных словах, не высказывая при этом прямо своего отношения к этим мнениям. Можно только предполагать, что Г. В. Лукоянов считает эти спорные слова маризмами, хотя самим автором это никак не аргументируется. В целом же материал первой главы достаточно обширен и может служить базой для дальнейших разысканий. Жаль, что автор не счел возможным более детально остановиться на тех словах, которые до сих пор рассматриваются как общие для чувашского и марийского языков без установления их генетической принадлежности.

Меньшая по объему вторая глава посвящена звуковым преобразованиям марийских слов на чувашской почве при заимствовании. Нам представляются не совсем удачными наименования рубрик «Усвоение гласных звуков марийского языка» и «Усвоение согласных звуков марийского языка». Вероятно, точнее было бы здесь употребить слово *освоение*, нежели *усвоение*. Однако, поскольку динамика развития соответствий прослеживается здесь чрезвычайно слабо, наиболее верными названиями для этих рубрик были бы «Чувашские соответствия марийским гласным» и «Чувашские соответствия марийским согласным». В этой главе особенно заметно стремление автора подходить к материалу синхронно: фонетические изменения учитываются только для марийского языка (исключительно при рассмотрении гласных и ударения, по работам Г. П. Грузова и Е. И. Коведяевой), чувашская же фонетика представлена статически. Вероятно, постановка вопроса о различной хронологической глубине заимствований с учетом в фонетической части всего материала (именно полнота материала и дала бы возможность поставить подобную проблему) сделала бы исследование более убедительным и в большей степени соответствующим современной методике изучения заимствований. Выборочность иллюстративного материала для второй главы представляется тем более неоправданной, что автор весьма

³ M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. Helsinki, 1969, стр. 31а, s. v. *atay*.

⁴ G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. I—IV. Wiesbaden, 1963, 1965, 1967, 1975.

⁵ Г. Е. Корнилов. Несколько слов о булгаро-чувашских языческих антропонимах. — «Ученые записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР», вып. XXXIX. Чебоксары, 1969.

внимателен к фактам и предпочитает давать их сжатое описание, не вдаваясь в излишнее теоретизирование.

Лапидарность второй главы в какой-то степени компенсируется заключением, где рассмотрены вопросы об истоках фонетического сходства чувашского и марийского языков и о своеобразии чувашской фонетики по сравнению с фонетикой других тюркских языков. Здесь же автор пишет об относительной хронологии заимствований в связи с фактами фонетической эволюции взаимодействовавших языков.

Работа Г. В. Лукоянова отличается тщательным подбором большого фактического материала. Исследование марийского вклада в чувашскую лексику тем более сложно, что этимологического словаря марийского языка, где можно было бы найти нужную

справку о сопоставляемых словах, пока еще нет. Многие замечания, высказанные в настоящей рецензии, следует рассматривать как пожелания, дополняющие проблематику исследования Г. В. Лукоянова постановкой новых вопросов, задачу рассмотрения которых автор перед собой не ставил.

Работа Г. В. Лукоянова представляет собой важную веху в изучении марийского лексического вклада в чувашском языке. На основе подведенных в исследовании Г. В. Лукоянова итогов возможна более корректная постановка очередных исследовательских задач, причем тщательно собранный и систематизированный Г. В. Лукояновым фактический материал явится прочной базой для их решения.

И. Г. Добродомов

О. Я. ПРИК. ОЧЕРК ГРАММАТИКИ КАРАИМСКОГО ЯЗЫКА (КРЫМСКИЙ ДИАЛЕКТ)

ИЗДАНИЕ ДАГЕСТАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

им. В. И. ЛЕНИНА, ДАГУЧПЕДГИЗ, МАХАЧКАЛА, 1976, 188 стр.

Изучению караимского языка в последнее время посвящено значительное количество работ, среди которых особо следует отметить «Караимско-русско-польский словарь» (М., 1974 г.). Его составителями и редакторами являются сотрудники трех академий: Н. А. Баскаков, Р. М. Ижбулатова, Х. Ф. Ишакова, К. М. Мусаев (Академия наук СССР), А. А. Зайончковский, В. Зайончковский, А. Дубинский (Польская Академия наук) и С. М. Шапшал (Академия наук Литовской ССР). В этом словаре представлена как старая, так и современная лексика всех трех диалектов караимского языка: тракайского, галицкого и крымского. Описанию западных караимских диалектов (тракайского и галицкого) посвящена «Грамматика караимского языка (Фонетика и морфология)» К. М. Мусаева.

Пробелом в изучении караимского языка оставалось грамматическое исследование его интереснейшего и ныне исчезающего крымского диалекта, сохранившего древнейшие элементы своей структуры и лексики.

Рецензируемая монография О. Я. Прик восполняет этот пробел, и тюркологи теперь располагают основными сведениями по всем трем диалектам караимского языка.

Книга включает краткое предисловие редактора Ю. Д. Джанмаова (стр. 3—4) и довольно обширное введение автора (стр. 5—24), сообщающее интересные сведения об истории и происхождении караимов как

этнической группы, характеризующее караимский язык и его место в системе тюркских языков. Автор дает краткое описание караимских диалектов, уделив главное внимание особенностям крымского диалекта, приводит историографические данные, в частности, по истории изучения крымского диалекта. Введение завершается краткой характеристикой используемой автором транскрипции, в основе которой лежит транскрипция, принятая в «Караимско-русско-польском словаре». Основные разделы книги: 1. Фонетика (стр. 25—52); 2. Морфология (стр. 53—158); 3. Лексика (стр. 158—165). В качестве приложения даны список использованной литературы (стр. 166—169) и тексты (стр. 170—185).

Общим достоинством книги является описание автором крымского диалекта на основе лично собранного фактического материала, который в необходимых случаях сопоставляется с данными других диалектов караимского языка, главным образом тракайского. Автор останавливается также на различиях между крымским диалектом караимского языка и крымско-татарским языком.

В разделе «Фонетика» О. Я. Прик подробно характеризует гласные и согласные звуки крымского диалекта и дает их классификацию, указывая основные закономерности соответствий и чередований по языкам и диалектам, рассматривает взаимодействие звуков, типы ассимиляции и

диссимиляции, сингармонизм, позиционные и комбинаторные изменения звуков и законы ударения.

В разделе «Морфология» автором рассматриваются все формы слов по частям речи, словообразование и словоизменение каждой части речи по основным категориям: множественного числа, принадлежности, склонения и изменения по лицам. Говоря о частях речи, автор не отступает от традиционного принципа, соблюдая традиционную последовательность: имя существительное, прилагательное, числительное, наречие, местоимение, глагол, послелоги, союзы, частицы и междометия.

В разделе «Лексика» после кратких общих замечаний приводятся следующие тематические списки слов и терминов: 1) названия месяцев; 2) термины родства; 3) названия частей тела; 4) бытовые термины (жилище, предметы домашнего обихода, одежда); 5) названия материалов; 6) названия животных; 7) названия растений и плодов; 8) сельскохозяйственные термины, а также заимствованная лексика из русского, персидского и арабского языков (раздельно).

В разделе «Тексты» автор приводит различные типы и жанры устного поэтического и прозаического народного творчества караимов на тракайском и крымском диалектах.

Книга О. Я. Прик дает полное представление об особенностях крымского диалекта караимского языка по всем основным его уровням, за исключением синтаксиса, закономерности и различия которого от синтаксиса других диалектов караимского языка выделены недостаточно четко.

Работа выполнена весьма квалифицированно и не вызывает каких-либо принципиальных возражений, хотя можно высказать отдельные замечания, касающиеся ее деталей.

В очерке, характеризующем крымский диалект караимского языка, прежде всего было бы интересно остановиться на специфике этого диалекта в сопоставлении с крымско-татарским языком, оказывавшим значительное воздействие на караимский язык.

При сопоставлении фактов крымского диалекта караимов с другими караимскими диалектами автор иногда указывает и на расхождения его с крымско-татарским языком (см., например, материалы по фонетике — стр. 48—49, где речь идет о соответствиях звуков; по морфологии стр. 75 о типах склонения, стр. 100 о склонении указательных местоимений, стр. 128 о специфике формы спряжения второго лица множественного числа, стр. 142 о расхождении временных форм глагола). Однако подобных сопоставлений в книге не так уж мно-

го, в то время как именно данный вопрос представляет для тюркологов значительный интерес. Особенно важно было показать эти расхождения в разделе лексики.

На стр. 63 автор, вслед за Н. К. Дмитриевым, использует неудачный термин «категория сказуемости», который следовало бы заменить термином «категория лица», чтобы избежать смешения морфологических и синтаксических категорий.

На стр. 86 и некоторых других при караимских примерах отсутствует русский перевод.

На стр. 118—119 и некоторых других нет четкой дифференциации морфологических и синтаксических категорий. Так, например, вместо «Причастие на -гган выступает в функции существительного...» следовало бы написать «Причастие на -гган выступает в функции дополнения...». Кстати, можно ли сказать по-караимски *мэн йазгганым бузмам* 'я не зачеркну того, что написал'. С нашей точки зрения, более правильно было бы сказать: *мэн йазгганымны бузмам*, употребив аффикс винительного падежа.

В разделе «Лексика» (стр. 158—165) русский перевод следовало дать не перед караимским словом, а после него, как это делается во всех других разделах книги.

Все наши замечания сводятся по существу либо к пожеланию расширить объем книги (за счет увеличения числа примеров расхождения крымского диалекта караимского языка и крымско-татарского языка), либо к рекомендациям редакционного характера и, таким образом, не затрагивают существа самого грамматического описания.

Книга О. Я. Прик, безусловно, является большой удачей автора и заметным вкладом в изучение не только караимского языка, но и в тюркологию в целом, поскольку приведенный в ней материал может быть использован, например, для сравнительной грамматики тюркских языков. Автор успешно синтезировал собранный им материал в стройную систему и оптимально использовал всю существующую специальную литературу по караимскому и другим тюркским языкам.

Монография содержит много интересных для тюрколога фактов и обобщений и отличается систематичностью и четкостью научного описания, что дает полное представление об исследуемом диалекте в целом, а не только о его специфических чертах, как это нередко бывает в диалектографии. Описание крымского диалекта караимского языка О. Я. Прик, несомненно, войдет в основной фонд диалектологических исследований в тюркологии.

Н. А. Баскаков

«TURCICA. REVUE D'ÉTUDES TURQUES»

TOME VII, PARIS—STRASBOURG 1975.

Вышел в свет VII том международного тюркологического ежегодника, издаваемого Институтом тюркологии Страсбургского университета совместно с Институтом тюркологических исследований Парижского университета и университетом в Экс-ан-Прованс.

Сборник содержит четырнадцать статей, сообщение об одной из коллекций архива Министерства иностранных дел Франции, библиографию тюркологических исследований, изданных во Франции, четыре рецензии и список статей и сообщений, включенных в готовящийся к печати VIII том «Turcica».

Статьей Д. Хэмилтона «Колофон Ырк-битиг» (Le colophon de l'irq bitig) продолжено исследование одного из самых крупных древнетюркских памятников рунического письма, написанных на бумаге, — «Книги гаданий». Памятник обнаружен А. Стейном в 1907 году в знаменитой библиотеке Дуньхуанской пещеры (Восточный Туркестан), замурованной в конце X века. Впервые текст был издан и интерпретирован В. Томсеном в 1912 году; полный русский перевод выполнен С. Е. Маловым (1951). «Книга» состоит из 65 притч-предзнаменований. Д. Хэмилтон устанавливает, что прототипом для «Ырк-битиг» послужили многочисленные тибетские (resp. индийские) рукописи по гаданиям и предзнаменованиям, рукописи которых, относящиеся к 787—848 годам, найдены в той же пещерной библиотеке и в других местах Восточного Туркестана. Литературная форма тюркских притч-предзнаменований в точности повторяет композицию тибетских прототипов и завершается той же формулой («Это хорошо», «Это плохо»). Историко-культурная оценка памятника во многом определяется результатом интерпретации его колофона. Д. Хэмилтон предлагает уточнения и следующий перевод колофона: «В год тигра, во вторую луну, в 15-й (день), я, младший священнослужитель в монастыре Да-юнь-тан, услышав гуру (наставника), записал (эти) „Предзнаменования“ для моего старшего брата, „горячего“ полководца Ит-Ачука». Основываясь на комплексном изучении древнетюркских документов Дуньхуана, Д. Хэмилтон приходит к выводу, что дата, указанная в колофоне, соответствует 17 марта 930 года. Манихейский монастырь в Дуньхуане, где была написана «Книга», известен по колофонам других сочинений; в монастырскую общину, судя по созданным там рукописям, особенно глубоко проник буддийско-манихейский синкретизм. О влиянии буддизма говорит и санскритский термин *гуру* 'наставник', употребленный в колофоне. Здесь же, вместо тюркского *ырк*, использован термин *bugua*, восходящий к среднеперсидскому *brw* 'предзнаменование, гадание'. Д. Хэ-

милтон связывает, таким образом, древнетюркскую «Книгу гаданий», ранее обособлявшуюся в рамках древнетюркской культуры, с общим культурным фондом синкретической центральноазиатской цивилизации раннего средневековья, к сравнительно позднему периоду которой относятся памятники древнетюркской и древнеуйгурской письменности.

В статье О. Ханзера «Турецкие придаточные предложения в форме прямой речи» (Türkische Nebensätze in der Form direkter Rede) подвергается критике положение о том, что придаточные предложения чужды строю тюркских языков. На материале древнетюркских памятников и туркменского языка автор рассматривает части сложных предложений, вводимые словом *tiyin* и совпадающие по форме с прямой речью. Он приходит к выводу, что они суть не что иное, как придаточные предложения, являющиеся, в отличие от придаточных предложений индоевропейского типа, не преемственными, а постпреемственными.

Статья Д. Теодоридиса «О греческих заимствованиях в османском языке» (Aus dem griechischen Lehngut im Osmanischen, I) содержит анализ ряда конкретных фактов (в частности, слова: *fākāl*, *iyānos*, *istāvrāt*, *kirāčā* ~ *girāčā*, *köp* (i) *yā* ~ *küp* (i) *yā*, *liparida*, *mitatıq*, *qalamota*, *qomīs*, *somar*) греческих заимствований в османском языке, которые, в интерпретации автора статьи, во многом дополняют и проясняют вопрос о механизме влияния греческого языка на язык османских турок. Проблема, рассматриваемая в статье Д. Теодоридиса, имеет важное значение в лингвистическом и историко-культурном аспектах.

Автор статьи «Нуминативные объекты у тюрков и монголов. I. Головной убор и пояс» (Quelques objets numineux des Turcs et des Mongols. I. Le bonnet et la ceinture) Ж.-П. Ру исследует сакральную и социальную символику головного убора и пояса у кочевников Центральной Азии.

Статья А. Гёкалла «Böle, „старшая сестра“. Выдача (замуж) дочерей в Анатолии» (Böle, „la sœur aînée. Les filles de l'exil en Anatolie) посвящена анализу номенклатуры терминов родства в Анатолии, представляющей, по словам автора, как практический, так и теоретический интерес. Исследуя термин *böle*, А. Гёкалл приходит к выводу, что он одновременно с термином *abla* обозначает важный принцип матримонильного обмена в культуре тюркских народов; эти термины применялись для обозначения «девушек, которых выдают замуж», которых «изгоняют». *Böle*, по определению автора, — слово для обозначения «изгоняемой».

В статье А. Дюшмена «Великий турецкий мистик Юнус Эмре, 1248—1320. Книга

наставлений (1307)» (*Un grand mistique turc, Yunus Emre (1248—1320). Petit livre de conseil*) дан перевод на французский язык одной из дидактических поэм Юнуса Эмре, датированной 1307 годом. Переводу предпослано краткое вводное слово А. Дюшемена, посвященное жизни и творчеству Юнуса Эмре.

А. С. Меликян-Ширвани в статье «Погребальные стелы Айасолука, II» (*Les stèles funéraires d'Ayasoluk, II*) подробно описывает погребальные стелы, обнаруженные автором вблизи Айасолука (Эфес) и Балата (Милет), приводит датировку (XV век) и эпиграфический анализ надписей стел. Все это дает основание А. С. Меликян-Ширвани прийти к заключению, что стиль, характерный для этих памятников материальной культуры османского периода, сформировался еще до установления в этом регионе власти османов и уходит своими корнями в искусство бейлика Айдын. Стелы, по мнению автора статьи, относятся к одной и той же школе. Это значит, что османское искусство побережья Эгейского моря восходит еще к доосманскому периоду.

Автор статьи «Валахи Боснии в конце XV века и их институты» (*Les Valaques de Bosnie à la fin du XVe siècle et leur institutions*) Н. Белдичану дает свои переводы двух установлений султана Баязида II (1481—1512), хранящихся в одном из архивов Стамбула и касающихся статута валахов Павловича и Маглай в Боснии. Тексты этих установлений впервые были опубликованы в 1957 году югославскими учеными. Изданные документы содержат установления, касающиеся фискального статута и основных институтов валахских общин в Боснии.

Статья Р. Будара «Султан Зизим по свидетельствам ряда итальянских писателей и художников эпохи Возрождения» (*Le sultan Zizim vu à travers les témoignages de quelques écrivains et artistes italiens de la Renaissance*) посвящена истории жизни султана Джема в период его скитаний по Европе и его политической борьбе с братом, султаном Баязидом II. Автор рассматривает данный вопрос в тесной связи с борьбой европейских государей против турецкой угрозы в конце XV века и приводит ряд интересных для исторической науки свидетельств итальянских авторов эпохи Возрождения о султане Джеме.

В статье М. Хайдера «Аграрная система в узбекских ханствах Средней Азии XVI—XVII веков» (*Agrarian System in the Uzbek Khanates of Central Asia, XVI—XVII Centuries*) подчеркивается важность проведения сравнительного анализа системы аграрных отношений в узбекских ханствах в рамках средневосточного и среднеазиатского региона в Индии. М. Хайдер рассматривает аграрное развитие узбекских ханств в XVI—XVII веках, привлекая дополнительный материал из истории Индии и Ирана, и пытается осветить основные формы аграрной эксплуатации, земельной ренты, проб-

лемы ирригации, условия жизни крестьянства.

Статья Х. Г. Юрдайдына «Османский историк XVI века: Насух ал-Матраки и его „Бейан-и меназил-и сефер-и иракайн“ и значение последнего для истории ряда иракских городов» (*An Ottoman Historian of the XVIth century: Naşuh al-Matraķi and his Beyān-i Menāzil-i Sefer-i 'Irākayn and its importance for some 'Iraqī cities*) рассказывает о жизни и творчестве турецкого историографа XVI века Насуха Матраки. Автор подробно останавливается на труде Матраки «*Beyān-i Menāzil-i Sefer-i 'Irākayn-ı sultan Süleyman I hān*», где описывается один из военных походов султана Сулеймана I (1520—1566). Труд этот был создан в 1537 году и иллюстрирован миниатюрами самого Матраки, представляющими собой зарисовки (архитектурные планы) городов Стамбула, Диярбекира, Тебриза, Султание, Багдада, Хиле и т. д. Всего в сочинении Матраки имеются 82 зарисовки городов, которые, по словам автора статьи, «дают нам уникальный документ, в конечном счете отражающий взгляды человека на город своего времени».

В статье С. А. Скиллите «Турецкие фрейлины Екатерины Медичи: дилемма франко-османских дипломатических отношений» (*Catherine de 'Medici's Turkish ladies-in-waiting; a dilemma in Franco-Ottoman diplomatic relations*) рассматривается любопытный исторический факт — направление турецким султаном Мурадом III письма французскому королю Генриху III. Письмо датировано 16 июня 1581 года, а причиной его явилось пленение французами двух турчанок, переданных в дар Екатерине Медичи, оставившей девушек фрейлинами при своем дворе. Факт этот, незначительный сам по себе, стал, по словам автора, «фокусом сильного раздражения между двумя союзниками, Францией и Османской империей в течение более 25 лет». С. А. Скиллите приводит текст и перевод письма Мурада III Генриху III и описывает историю дипломатических переговоров между двумя государствами, возникших в связи с пленением упомянутых турчанок и отказом французского двора выдать их Турции.

Статья Г. Сиоранеско «Вклад Дмитрия Кантемира в ориенталистику» (*La contribution de Démètre Cantemir aux études orientales*) посвящена жизни и литературному творчеству Дмитрия Кантемира, автору пользовавшегося чрезвычайной популярностью труда «*Histoire de l'empire Ottoman*». История написания, издания и влияния его на развитие европейской ориенталистики подробно исследуется Г. Сиоранеску. В статье содержится богатый биографический материал о Дмитрии Кантемире.

С. Сучек в статье «Некоторые типы кораблей в османско-турецкой терминологии» (*Certain Types of Ships in Ottoman Turkish Terminology*) анализирует термины, употреблявшиеся турками в морском судоходстве, а именно: *kalita*, *kadirga*, *mavna*, *baş-*

tarda, kuka, karaka, barça, kalyon, обозначающие суда как военного, так и торгового назначения. Автор рассматривает эти термины не столько с лингвистических, сколько с историко-культурных позиций, отмечая, что заимствование турками из других языков терминов для обозначения торговых судов свидетельствует об экономических связях османского государства с другими державами.

Раздел хроники VII тома «*Turcica*» содержит сообщение М.-Т. Дени-Комбе об одной из архивных коллекций (La collection Saint-Priest) министерства иностранных дел Франции, включающей 117 томов дипломатической корреспонденции французского посольства в Турции в XVIII веке. К сообщению М.-Т. Дени-Комбе приложена опись архивных документов.

Завершают VII том «*Turcica*» библиография

французских тюркологических исследований и рецензии А. Гёкалла на книгу — М. Nicolas, «*Poissons et Pêche en Turquie*», Paris, 1974; Н. Белдичану на сборник в честь проф. Х. И. Кисслинга — «*Islamische Abhandlungen. Aus dem Institut für Geschichte und Kultur de Nahen Orients an der Universität München*», München, 1974; М. Николая на книгу — Р. Н. Боратав. «*Türk Folkloru*» (Türk Halkbilimi. II — 100 soruda Türk Folkloru: inanışlar, töre ve törenler, oyunlar), İstanbul, 1973; А. Гёкалла на труд — G. Diño. «*La genese du roman turc au XIXe siècle*», Paris, 1973.

В конце сборника «*Turcica*» приводится оглавление VIII тома и сообщается, что он выйдет в свет в августе 1976 года.

С. Г. Кляшторный, И. Е. Фадеева

Х. ДАНИЯРОВ. ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ДЖЕКАЮЩИХ (КЫПЧАКСКИХ) ДИАЛЕКТОВ В СРАВНЕНИИ С УЗБЕКСКИМ ЛИТЕРАТУРНЫМ ЯЗЫКОМ (НА МАТЕРИАЛЕ САМАРКАНДСКОЙ И ДЖИЗАКСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

ИЗД. «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР, ТАШКЕНТ, 1975, 240 стр.

Рецензируемая монография Х. Д. Даниярова посвящена одной из актуальных и интересных научных проблем — исследованию джекающих диалектов узбекского языка как в диахроническом, так и синхроническом аспектах, выяснению их роли в формировании и развитии староузбекского и современного узбекского литературного языков, состоянию кыпчакских диалектов Узбекистана.

Книга включает: предисловие, четыре главы и заключение.

В предисловии автор, опираясь на источники и собранный им богатый фактический материал, убедительно доказывает, что кыпчакские племена, с древнейших времен населявшие территорию Средней Азии, были одним из основных компонентов формирования и становления узбекского народа и его языка.

В первой главе «Джекающие диалекты узбекского языка в их отношении к староузбекскому и современному литературному языку» (стр. 10—97) автор дает глубокий научный анализ этапов формирования и развития староузбекского литературного языка и роли кыпчакских диалектов в этом процессе, выясняет характерные особенности джекающих диалектов, устанавливает влияние кыпчакских диалектов на язык произведений Алишера Навои, сопоставляя язык «*Муҳокаматал-луғатайн*» с кыпчак-

скими диалектами и современным узбекским литературным языком. Х. Д. Данияров рассматривает также влияние кыпчакских диалектов и на другие тюркские языки (например, казахский и каракалпакский), устанавливает связь кыпчакских говоров узбекского языка с языком египетских кыпчаков XIV века. По мнению автора, кыпчакские диалекты оказали значительное влияние на развитие узбекского литературного языка. Х. Д. Данияров выделяет четыре наиболее характерных периода последовательного влияния кыпчакских диалектов на узбекский язык: первый — с VI по XII век, второй — с XIII по XV век, третий — с XVI века до Октябрьской революции, четвертый период — советское время.

Весьма ценным является выяснение Х. Д. Данияровым особенностей джекающих диалектов. В отличие от узбекского литературного языка, в котором шесть гласных, кыпчакские диалекты включают девять гласных, к тому же для них характерен закон сингармонизма. Любопытно, что в некоторых кыпчакских говорах перед гласными *э, и, ö, о* произносится слабый *в*: *вортак* 'товарищ', а перед *э* возникает *й*: *йэчки* 'козел'. Вместо литературного начального *й* в кыпчакских диалектах произносится *дж*: *йол* — *джол* 'дорога', вместо *ғ, ғ, қ, қ* — *в*: *тоғ* — *тав* 'гора', *тилак* — *тилав* 'желание', *оғир* — *оғур* 'тяжелый'

и т. д. Изучая лексические особенности кыпчакских диалектов, автор обнаружил заметное число специфических кыпчакских слов в животноводческой и бытовой терминологии. Как свидетельствуют материалы, вместо принятых в литературном языке арабских и иранских терминов в кыпчакских диалектах в основном используются исконные слова. Х. Д. Данияров выделил и показал кыпчакское лексическое и грамматическое наследие в староузбекском и в современном узбекском литературном языках (стр. 16—19).

Среди самих кыпчакских диалектов имеются лексические, фонетические и морфологические расхождения, объясняющиеся не только лингвистическими, но и экстралингвистическими факторами. Об этом убедительно сказано на стр. 19—27 рецензируемой монографии.

Автор подробно анализирует язык произведений Алишера Навои, выделяя в нем элементы влияния кыпчакских диалектов. Данный аспект исследования впервые получил научное освещение в работах Х. Д. Даниярова, особенно в рецензируемой книге (стр. 32—68). Поддерживая утвердившееся мнение о том, что Алишер Навои является основоположником староузбекского литературного языка, Х. Д. Данияров убедительно доказывает, что в произведениях Навои староузбекский язык в литературно-художественном отношении достиг уровня арабского и персидского языков того периода. Он отмечает, что в формировании литературного языка Навои наряду с арабским и персидским языками значительную роль сыграли и среднеазиатские кыпчакские диалекты. Этот процесс глубоко изучен и раскрыт Х. Д. Данияровым в разделах «Вокализм языка произведений Алишера Навои» (стр. 36—44) и «Язык „Муҳокаматал-лугатайн“ в сравнении с кыпчакскими диалектами и современным узбекским литературным языком». Подвергая критическому анализу предшествующие исследования, автор на основе достоверного фактического материала приходит к выводу о наличии в языке произведений Алишера Навои, собственных кыпчакским языкам девяти гласных, проявления закона сингармонизма, присутствия ряда кыпчакских морфологических черт (аффиксы инфинитива *-у(в)*, *-мок*, *-мак*, имени действия *-(у)в*, интенсивная и сравнительная степени прилагательных, закономерное употребление аффиксов родительного падежа *-нинг*, четырехвариантный аффикс дательного-направительного падежа *-га*, *-га*, *-ка*, *-қа*, аффиксы причастий прошедшего времени *-гон*, *-ган*, глаголов будущего времени *-гай*, прошедшего времени *-ибман*, повелительного залога *-тир*, *-дир*, *-ғыз*, *-ғиз* и т. д.), а также кыпчакских лексических элементов.

В разделе «Кыпчакские диалекты в отношении к другим языкам и диалектам» (стр. 68—97) автор проводит сопоставительный анализ кыпчакских диалектов и

языка узбекского народного эпоса, рассматривая лексическое и смысловое богатство джекающих диалектов и народных дастанов как источников обогащения узбекского литературного языка. Выясняя соотношение кыпчакских диалектов с казахским и каракалпакским языками, а также с языком египетских кыпчаков XIV века, Х. Д. Данияров приходит к весьма ценным для узбековедения и современной тюркологии выводам. Значение данного раздела не ограничивается установлением сходных и отличительных черт сравниваемых языков и диалектов, автор всесторонне исследует процесс взаимовлияния и обогащения языков, обусловивший развитие узбекского литературного языка.

Вторая глава посвящена исследованию фонетики джекающих диалектов и ее сопоставлению с фонетическими особенностями современного узбекского литературного языка (стр. 98—136). Детально изучив вокализм кыпчакских диалектов и актуальные вопросы узбекского литературного языка, Х. Д. Данияров устанавливает, что в узбекском языке имеется фактически восемь гласных звуков, но это не отражается ни алфавитом, ни орфографией. Автор приходит к выводу, что «существует большое несоответствие между орфографией и литературным произношением, с одной стороны, и между орфографией и произносительными нормами говоров, лежащих в основе литературного языка, — с другой. В связи с этим вопросы орфографии узбекского языка нельзя считать разрешенными» (стр. 103).

Большой интерес представляют страницы работы, посвященные взаимодействию литературного языка с джекающими диалектами. Материалы кыпчакских говоров, особенно бахмальского (восточнокыпчакского) весьма ценны для тюркологических исследований, ибо восточнокыпчакские диалекты отличаются фонетической системой из девяти гласных и двадцати двух согласных, а также их своеобразными позиционными изменениями.

На основе изучения разнообразного и достоверного лингвистического материала Х. Д. Данияров приходит к заключению о необходимости дальнейшего совершенствования узбекского алфавита узбекской орфографии и орфоэпии. Правоммерно предложение Х. Д. Даниярова о замене графемы *о* графемой *а*, *ў* — графемой *о*; исключение буквы *ў* из алфавита вполне оправдано, так как ее функции могут быть распределены между гласными *о* и *ӯ*; желательна и передача функций узб. *и* через два знака *и* и *ы*, узб. *у* — через *у* и *ў* и т. д. Эти изменения соответствуют фонетическому строю не только основных говоров узбекского языка, но и большинства тюркских языков нашей страны. Автор ссылается при этом на справедливое замечание Н. А. Баскакова о том, что «алфавиты родственных языков должны сближать языки,

а не служить средством их разобщения» (стр. 133).

Следует также признать правильной рекомендацию автора относительно заимствования нужных слов из русского языка без искажения их фонетического облика.

Третья глава «Характерные морфологические особенности джекающих диалектов в сравнении с узбекским литературным языком» (стр. 137—192) посвящена сравнительному изучению частей речи, их грамматических категорий и словообразовательных аффиксов в джекающих диалектах и литературном языке. Отдельно рассмотрен вопрос соотношения самаркандского говора и кыпчакских диалектов. Автор устанавливает диалектные особенности в формах категории числа, сказуемости и склонений существительных, в степенях сравнения прилагательных, в указательных, вопросительных, притяжательных, определительных и неопределенных местоимениях, в образовании наречий, употреблении послелогов, союзов, частиц, междометий, модальных и вводных слов. Х. Д. Данияров подробно изучил особенности глагольных категорий джекающих диалектов и литературного языка (наклонения, времени, залсга, аспекты возможности и невозможности, а также дееспричастия и причастия) и выявил значительное количество кыпчакских словообразовательных элементов в узбекском литературном языке. Из кыпчакских диалектов узбекский литературный язык унаследовал такие словообразовательные аффиксы, как *-в, ав, -ов, -ув, -та, -да, -к, -қ, -т, ман, -мон*.

Представляют интерес, отличные от кыпчакских, характерные морфологические особенности самаркандского городского говора, наблюдающиеся в словоупотреблении, в употреблении местоимений и формы прошедшего времени на *-оп*, в совпадении форм родительного и винительного падежей и т. д.

Четвертая глава (стр. 193—223) посвящена сравнительно-сопоставительному исследованию лексико-стилистических особенностей джекающих диалектов и узбек-

ского литературного языка. Главное внимание автор уделяет фактам обогащения лексики литературного языка за счет местных диалектов, прослеживает также лексические особенности джекающих диалектов и изменение их словарного состава под влиянием литературного языка.

В связи с изучением взаимодействия лексики литературного языка с языком диалектов в книге анализируются такие явления языка, как полисемия, омонимия, синонимия, антонимия, парные слова, неологизмы, изменения в семантике слов, рассматриваются различные лексические пласты: заимствования из русского, арабского, иранских языков; архаизмы, терминологическая лексика; ономастика, устойчивые выражения; пословицы, поговорки и загадки; выясняется роль кыпчакских диалектов в развитии стилистической системы современного узбекского литературного языка.

Полагаем, что материал четвертой главы мог быть представлен богаче. Известно, что автор долгие годы собирал данные по кыпчакским диалектам узбекского языка, возможно, что объем монографии не позволил в полной мере использовать тот языковой материал, которым он располагал.

Всестороннее изучение характерных черт джекающих кыпчакских диалектов и их взаимодействия с литературным узбекским языком позволили Х. Д. Даниярову сделать теоретически обоснованные и практически ценные выводы об особенностях и дальнейшем развитии изучаемых диалектов.

Безусловно, перед нами оригинальное исследование по кыпчакским диалектам узбекского языка, значение которого выходит за рамки узбековедения. Оно проливает свет не только на формирование узбекского языка и самого узбекского народа, но и позволяет проследить историю становления и развития ряда тюркских языков за пределами Средней Азии.

Работа Х. Д. Даниярова, несомненно, представляет собой ценный вклад в тюркологию.

М. Хабицев

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

100-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ АКАДЕМИКА В. А. ГОРДЛЕВСКОГО

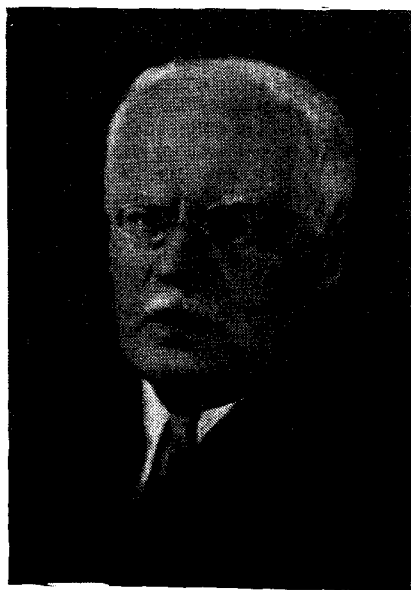
5—8 октября 1976 г. в Институте востоковедения Академии наук СССР состоялась научная сессия «История и филология Турции», посвященная 100-летию со дня рождения выдающегося тюрколога академика Владимира Александровича Гордлевского (1876—1976).

Диапазон научных исследований академика В. А. Гордлевского, как известно, был весьма широк: сюда входили история, экономика, этнография тюркских народов, а также археология, языкознание, литературоведение и фольклористика. Имя ученого прочно связано с Институтом востоковедения, в стенах которого В. А. Гордлевский провел многие годы жизни. В 1895 г. он становится слушателем Специальных классов Лазаревского института, а впоследствии, в 1938 году, уже маститым ученым начинает свою работу в Институте востоковедения. Здесь он воспитал целое поколение исследователей-тюркологов, и сегодня в институте работают многие его ученики.

Научная сессия, посвященная памяти В. А. Гордлевского, как бы подвела итоги исследованиям ученого в области исторического, социально-политического, культурного, этнического, этнографического, филолого-лингвистического, идеологического развития тюркоязычных народов. Всего на пленарных и секционных заседаниях сессии было заслушано более 60 докладов.

В докладах, сделанных на пленарных заседаниях, получила отражение многогранная научная, педагогическая и общественная деятельность В. А. Гордлевского. В то же время большое внимание было уделено освещению современного состояния различных областей тюркологии.

Заслугам ученого перед исторической наукой был посвящен доклад А. М. Шамсутдинова (Москва). Собственно тюркологические штудии В. А. Гордлевского были обобщены в докладе Н. А. Баскакова (Москва). Докладчики отметили непреходящую научную ценность для тюркской филологии и истории, вообще и турецкой, в частности, многих трудов ученого. Биогра-

фические данные, а также сведения о педагогической деятельности В. А. Гордлевского в Лазаревском институте восточных языков привел в своем докладе А. П. Базилянц (Москва). С проблемным докладом об основных этапах формирования турецкого письменно-литературного языка выступил академик А. Н. Кононов. В его докладе была дана периодизация истории языка, начиная с его так называемой «предыстории» (то есть со времени распространения малоазиатско-тюркского письменного языка XIII—XV веков), ставшей первым базисным периодом его развития, и кончая современным его состоянием. Второй базисный период в процессе сложения, формирования и развития собственно турецкого языка последовательно включает в себя такие этапы, как: 1) ранне-турецкий, или раннеосманский письменно-литературный язык (конец XV—XVI век);

2) среднетурецкий, или среднеосманский письменно-литературный язык (XVIII — середина XIX века); 3) новотурецкий, или новоосманский письменно-литературный язык (середина XIX — начало XX века); 4) новейший турецкий письменно-литературный язык (с 30-х годов XX века).

Остальные доклады пленарных заседаний были посвящены социально-экономическим исследованиям В. А. Гордлевского (*Н. А. Кузнецова, Москва*), идеологическим аспектам его трудов (*Э. Ю. Гасанова, Баку*), значению его деятельности для развития татарской публицистики (*М. Х. Гайнуллин, Казань*).

Работа сессии проходила в трех секциях: 1) истории и источниковедения, 2) языкознания и 3) литературы, искусства, культуры и философии.

На секции языкознания были заслушаны и обсуждены 10 докладов.

Большой интерес вызвали доклады, посвященные проблемам исследования грамматики турецкого языка. Широкая дискуссия возникла по докладу *С. А. Соколова (Москва)* «О некоторых грамматических концепциях В. А. Гордлевского (категория определенности — неопределенности и артикль в турецком языке)». В ней приняли участие *А. Н. Кононов, В. И. Асланов, К. Менгес (США), П. И. Кузнецов, Н. А. Сыромятников, Э. А. Грунина*. Проблема определенности — неопределенности, как указывали выступавшие, является весьма актуальной и для других агглютинативных языков. Вопрос же о нулевых формах в этих языках — многопланов, и он не может быть решен однозначно.

В докладе *П. И. Кузнецова (Москва)* «Доказательное и недоказательное в научной трактовке (на примере категории турецких имен прилагательных)» были высказаны оригинальные суждения относительно выделения грамматической категории имен прилагательных в турецком языке. Выступившие *К. М. Любимов, Р. А. Аганин, Н. А. Баскаков, И. Ф. Вардуль* отметили актуальность поставленной проблемы. Отсутствие внешне выраженного показателя принадлежности слова к той или иной части речи затрудняет выделение имен прилагательных в тюркских языках. В предложенной докладчиком концепции нет четкого разграничения таких понятий, как «определение» и «прилагательное».

В докладе *Н. П. Голубевой (Москва)* «О синонимии и вариантности управляемых форм» были показаны возможности синонимии некоторых падежных и несложноподлежащих форм, что позволяет по-новому подойти к проблеме синтаксических связей слов. Вопрос вариантности управляемых форм докладчик предлагает решать на фоне синонимии.

В докладе *Р. Р. Юсиповой (Москва)* «Некоторые условия, способствующие созданию сложных слов в современном турецком языке» были рассмотрены специфические особенности турецкого словообразования, являющиеся, по мнению докладчика,

средствами образования неологизмов в современном турецком языке.

В. И. Асланов (Баку), выступивший с докладом «К анализу лексики поэмы „Искандернаме“ Ахмеда (конец XIV — начало XV века)», основное внимание сосредоточил на процессе исторического развития лексики турецкого языка.

Доклад *И. Г. Добродомова (Москва)* «В. А. Гордлевский и изучение тюркизмов русского языка» был посвящен проблеме, всегда интересующей и тюркологов, и русистов. Докладчик, в частности, отметил, что некоторые убедительные этимологии восточных слов остаются неучтенными в современных этимологических словарях русского языка.

В. Д. Бондалетов (Пенза) в докладе «Вклад В. А. Гордлевского в социальную терминологию» говорил о лингво-социологических концепциях В. А. Гордлевского.

Оживленно обсуждались доклады, посвященные изучению истории языка, особенно доклад *Н. А. Баскакова (Москва)* «К реконструкции архетипов корневых морфем типа СГ в тюркских языках». *К. Менгес, Н. А. Сыромятников, Э. Р. Тенишев* в своих выступлениях отметили, что некоторые корни тюркского происхождения следует рассматривать на общеалтайском уровне.

В докладе *Э. А. Груниной (Москва)* «О языке ранних турецких хроник» указывалось, что в этих памятниках обнаруживаются элементы стилистически нейтральные и стилистически меченые, что позволяет выявить сдвиг в нормах письменного языка XV века в сравнении с письменным языком XIII—XIV веков.

Доклад *В. А. Никонова (Москва)* «Достижения и недостатки тюркской ономастики» был посвящен достигнутым успехам в области этой науки. На сессии было высказано пожелание при описании лексики памятников обращать особое внимание на регистрацию ономастики.

Работа секции истории и источниковедения началась с обсуждения социально-экономических проблем эпохи османской империи.

М. С. Мейер (Москва) в своем докладе характеризовал «османский» феодализм как заключительный этап в развитии феодализма на Ближнем Востоке. Важнейшей типологической особенностью османского феодального общества является, по мнению докладчика, гетерогенность. Именно ею объясняются особенности политической организации османского общества и его развития.

С. Ф. Орешкова (Москва) говорила в своем докладе об «османском» феодализме как о новой социальной структуре, ставшей основой османской государственности. Отметив ряд генетических особенностей «османского» феодализма, докладчик выделяет его характерные черты и прежде всего относительно быстрые темпы его формирования и вместе с тем появление уже на раннем его этапе признаков

упадка и кризиса, а также отсутствие четкого выраженного периода развитого феодализма.

На заседаниях отмечалась назревшая необходимость проведения теоретических обобщений, хотя и подчеркивалось (на это указывали и сами докладчики), что на современном уровне изучения османского феодализма выявление его характерных типологических черт может носить лишь предварительный характер.

Теоретические проблемы изучения феодализма были удачно дополнены конкретно-историческими докладами *М. Х. Сванидзе* (Тбилиси) «Вопросы землевладения в Ахалцхском пашалыке по русским архивным материалам» и *И. Е. Фадеевой* (Ленинград) «Об одном источнике по истории и организации янычарского корпуса», опирающимися на новый историко-ведческий материал.

Вопрос о древнетюркских племенах в Азербайджане в V—VII веках рассматривался в докладе *С. Б. Ашурбейли* (Баку). Арабскими источниками пребывание тюркоязычных племен в этом регионе не зафиксировано, однако археологические находки и палеолингвистические данные позволяют предположительно установить время проникновения тюрков в Азербайджан.

О сложном переплетении верований и обычаев огузов VII—XII веков в период первобытно-общинного и феодального строя, а также доисламских и мусульманских норм говорил в своем докладе *Р. А. Гусейнов* (Баку), основанном на сирийских письменных источниках, содержащих весьма интересный материал, проливающий свет на доисламское мировоззрение огузов.

Малоевосточная наскальная эпиграфика, ранние турецкие ковры и отдельные предметы прикладного искусства запечатлели образцы тамг, знаков с неясной семантикой и изображения животных, аналоги которых имеются на петро-эпиграфических комплексах тюркской эпохи в Центральной Азии и Южной Сибири. Опыт корреляции этих материалов был изложен в докладе *Д. Д. Васильева* (Москва).

Г. Г. Аласанца (Тбилиси) сделала критический анализ списков известного письма султана Руки-ад-дина к царице Тамар. *Г. М. Курпалидис* (Москва) посвятил свое выступление определению функций, прав и привилегий мунши — секретаря султанской канцелярии при Сельджукидах. В докладе *Н. Н. Шенгелия* (Тбилиси) отмечалось, что социально-политический и экономический кризис государства Сельджукидов способствовал успешным набегам туркмен на Южную Грузию. Военные и политические грузино-сельджукские взаимоотношения в конце XIII века во многом определялись монголами.

Анализ армянских исторических памятников позволил *Г. П. Пингирян* (Ереван) осветить ряд ключевых моментов в истории борьбы Киликийской Армении против

Сельджукидов Рума в начале XIII века. *О. А. Эфендиев* (Баку) поднял исключительно интересный вопрос о роли и значении тюркского этноса в образовании Сефевидского государства.

Результаты специальных исследований официальных актов Джучиева улуса XIV—XVI веков доложил *М. А. Усманов* (Казань). Вывод докладчика о том, что историко-ведческому и историко-филологическому изучению официальных актов Джучиева улуса должно предшествовать их археологическое, палеографическое, сфрагистическое и т. п. изучение, опирается на то, что в ряде случаев в науку вошли как подлинные сравнительно поздние копии документов, содержащие значительные искажения (например, ярлыки Тимур-Кутлуга 1398 г. и Хаджи-Гирея 1453 г., в разное время выявленные в Турции).

Два доклада были посвящены торговым отношениям западноукраинских земель, входивших в состав Польского королевства, с Турцией. *Н. С. Рашба* (Харьков) говорил о состоянии этих отношений в XVI—начале XVII века, *Я. Р. Дашкевич* (Львов) — во второй половине XVII века. На материалах украинских архивов докладчики показали значительную интенсивность торговых связей, установили предметы торговли, характеризовали практику торговых сделок. Выступавшие по этим докладам особо подчеркивали, что материалы украинских коллег значительно обогатили существовавшие представления о торговых связях Османской империи. Эта проблема пока еще мало исследована, хотя интерес к ней, в частности в турецкой литературе, в последние годы значительно усилился, что привело к выявлению новых источников, до сих пор не привлекавших внимания исследователей. Выступавшая в прениях *Г. П. Пингирян* (Ереван) привела дополнительные данные о практике торговых сделок и кредитов, существовавшей в армянских колониях Львова и Каменца-Подольского.

Г. З. Анчабадзе (Тбилиси) посвятил свой доклад периоду борьбы населения Западной Грузии против экспансии султанской Турции в XV—XVI веках. В докладе *Г. А. Клейнман* (Москва) были проанализированы материалы русских архивов, позволяющие внести дополнительную ясность в характер русско-турецких отношений на рубеже XVIII—XIX веков и, в частности, русско-турецкий союз 1799—1805 гг. Одному из значительных для истории Ближнего Востока событий XVIII века — нашествию Ага-Магомед хана на Грузию в 1795 году — был посвящен доклад *О. И. Гигинейшвили* (Тбилиси), в котором на широком историческом фоне прослеживаются взаимоотношения Турции и Ирана, начиная с XVI века, а внешнеполитическая позиция Турции рассматривается в связи с внутренним положением страны.

Э. А. Новгородова (Москва), выступившая с докладом «Элементы прототюркской

культуры на территории Монголии», информировала об итогах многолетней совместной работы советско-монгольской археологической экспедиции по исследованию памятников тюркской культуры Центральной Азии.

С предварительным сообщением о происхождении племени каджар выступил *И. А. Ибрагимов* (Баку).

В докладе *Ю. А. Петросяна* (Ленинград) «Идея „европеизации“ в общественно-политической жизни Османской империи эпохи нового времени» идея «европеизации» в истории Османской империи XVIII—начала XX века была рассмотрена как сложный процесс преодоления барьера предубежденности против всего европейского. Докладчик показал, что на различных этапах рассматриваемого исторического периода менялись как само содержание идеи «европеизации», так и характер, и приемы ее пропаганды. Идея «европеизации», как показала история, сыграла определенную положительную роль в деле «модернизации» государственных и правовых институтов Османской империи, в развитии науки и культуры, становлении идеологии турецкой национальной буржуазии.

Теоретические положения, высказанные *Ю. А. Петросяном*, были конкретизированы в двух других докладах. *Н. А. Дулина* (Ленинград), выступившая с докладом «К вопросу о причинах малой эффективности реформ Танзимата», обратила внимание на конкретные проявления несоответствия идеологического содержания реформ Танзимата традиционным представлениям османского общества. Реформы 1839—1856 годов, несмотря на ограниченную их реализацию, способствовали восприятию новых идеологических представлений. *И. Л. Фадеева* (Москва), вводя в научный обиход малоизвестные документы (докладные записки, письма, политическое завещание) турецких государственных деятелей Аали-паши и Фуад-паши, показала, как конкретно осуществлялась программа реформ в Турции в 50—60-е годы XIX века.

Заключительное заседание исторической секции было посвящено новейшей истории Турции.

Широкий круг вопросов, связанных с еврейской общиной *дёнме* и участием еврейского национального меньшинства в общественно-политической и экономической жизни республиканской Турции, осветил в своем докладе *Р. П. Кондакян* (Ереван). *Р. П. Корниенко* (Москва) проследил эволюцию горнопромышленного пролетариата в Турции и подчеркнул, что политическая активность стотысячной армии горняков Турции в наши дни свидетельствует о значительных сдвигах в классовом сознании турецкого пролетариата и создает определенные предпосылки для дальнейшего развития рабочего движения в стране. *Н. Г. Киреев* (Москва) в своем докладе показал, что развитие промышленного производства в Турции, его монополизация

происходят в условиях сохранения докапиталистических форм экономики как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Основываясь на данных промышленной переписи 1970 года, докладчик пришел к выводу, что большая часть мелких предприятий турецкой обрабатывающей промышленности (115 тыс.) по своему характеру представляет собой не мелкокапиталистические, а ремесленные объединения.

Участники обсуждения отмечали, что все доклады по новейшей истории Турции содержат интересный материал, показывающий, как традиционная общественная структура сказывается на современной жизни страны.

Секция истории и источниковедения провела 6 заседаний, на которых выступили 27 докладчиков.

На секции литературы, искусства, культуры и философии было заслушано 12 докладов. Определенная заранее программа каждого заседания включала близкие тематике доклады, увязанные с кругом научных интересов *В. А. Гордлевского* в области литературы и культуры тюркоязычных народов.

Доклад *И. В. Боролиной* (Москва) «В. А. Гордлевский и турецкий фольклор» продемонстрировал широту научных интересов ученого в области фольклористики, большую ценность его трудов по собиранию и публикации фольклорных материалов. Докладчиком особо подчеркивалось, что *В. А. Гордлевский* рассматривал турецкую словесность в ее взаимосвязях с фольклором и литературой других тюркоязычных народов.

Доклад *Н. С. Яковлевой* (Ленинград) «Академик *В. А. Гордлевский* о малых формах турецкой прозы» был посвящен исследованию ученым важнейших форм фольклорной (поговорок, пословиц, анекдотов) и малых форм литературной прозы (рассказа, очерка), их взаимосвязей, а также своеобразия становления малых прозаических жанров в новой Турции.

В. Д. Аракин (Москва) в докладе «Следы византийской культуры в топонимике Стамбула» продолжил вслед за *В. А. Гордлевским* изучение топонимов Стамбула, выявив определенные закономерности в ряде наименований и проследив их фонетические и морфологические изменения.

Э. Э. Заманова (Баку) в докладе «Мевлевизм и его влияние на развитие реалистических элементов в турецком искусстве», исследуя эстетические идеи этого суфийского учения, сделала попытку продолжить работу *В. А. Гордлевского* по изучению суфизма.

Э. Д. Джавелидзе (Тбилиси) в докладе «К вопросу видения и познания в суфизме» на примере творчества *Джелялеddина Руми* аргументированно раскрыл основные положения суфийской философии.

В докладе «Уйгурская рукопись „Огузнаме“ и огузский эпос» *Х. Г. Короглы* (Москва) проследил древние воззрения тюрков, в том числе и огузов, их тотемистические

верования и прокомментировал картины реальной жизни людей в период царствования Огуз-кагана по тексту «Огуз-наме». Докладчик подчеркнул исключительное значение уйгурского манускрипта для изучения огузского эпоса в целом.

Е. И. Маштакова (Москва) в докладе «К истории турецко-европейских литературных связей XVIII века» на примере эпистолярного сочинения «Турецкие письма» и пьесы «Турецкие вдовы» французского писателя Сен-Фуа и истории их создания, а также двух комедий анонимного турецкого автора показала пробуждение у турак интереса к созданию письменной драматургии и театра нового типа, в чем проявились некоторые элементы просветительской философии, начавшие формироваться в Турции XVIII века.

«Первые переводы А. С. Пушкина на турецкие языки» были рассмотрены в докладе *Л. Я. Медведевой* (Ленинград).

С. Н. Утургаури (Москва), выступившая с докладом «О некоторых особенностях современного турецкого критического реализма», показала, что основные особенности реализма в современной турецкой литературе тесно связаны с проникновением в нее социалистической идеологии. По мнению докладчика, здесь, очевидно, можно говорить о возникновении литературы социалистической ориентации в рамках критического реализма, то есть о явлении, свидетельствующем о качественно новом этапе развития турецкого реализма.

Н. А. Айзенштейн (Москва) в докладе «По поводу одной литературной дискуссии», построенном на материале «Полемики Саид Фаик — Сабахаттин Али» (1975 г.), связала данный литературный спор с распространением в идеологической жизни Турции идей так называемого теоретического экстремизма. Названная дискуссия была, по существу, полемикой о гуманизме, о проблеме человека в современную эпоху. Попытки интерпретировать эти проблемы в духе эстетического нигилизма завели полемику в тупик.

Г. А. Горбаткина (Москва) в докладе «Яшар Кемаль и фольклор» остановилась на проблеме традиций и новаторства в творчестве писателя, привлекая для этого материалы романов «Опора» и «Арааратская легенда». Докладчик проследила органическую связь произведений Я. Кемаля с фольклором и показала новаторство писателя в постановке острых общественных

проблем, социальной детерминизации и психологической углубленности образов.

К. А. Белова (Москва) выступила с докладом «Фольклорные традиции в современном турецком романе».

Заслушанные доклады показали научную зрелость советской тюркологии в области изучения литературы и культуры Турции. Об этом свидетельствовали и правильный выбор проблематики исследований, проведенных на конкретном материале, и высокий теоретический уровень докладов, соответствующий современным требованиям литературоведческой науки.

Успешная работа данной секции позволила вынести решение о проведении систематических Литературных чтений имени В. А. Гордлевского.

Память о В. А. Гордлевском бережно хранят и те, кому посчастливилось работать под его непосредственным руководством, и те, кто вступил на научное поприще позднее под руководством учеников ученого. Немало способствует этому деятельность мемориального кабинета имени В. А. Гордлевского. Уже более пятнадцати лет в этом кабинете ежемесячно проводятся тюркологические семинары, в которых участвуют востоковеды Москвы, Ленинграда и республиканских научных центров. Гостями этих семинаров бывают иностранные ученые-востоковеды, турецкие писатели, политические и общественные деятели.

На протжении почти двадцати лет ученые нашей страны и студенты восточных вузов пользуются книгами по различным вопросам тюркологии, иранистики, арабистики, редкими изданиями русской и советской восточноведческой литературы из библиотеки академика В. А. Гордлевского, переданной после его смерти в институт и бережно хранимой в мемориальной библиотеке.

7 октября в Институте востоковедения Академии наук СССР в торжественной обстановке была открыта мемориальная доска в честь академика В. А. Гордлевского и состоялся митинг, на котором присутствовали участники юбилейной научной сессии, посвященной 100-летию со дня рождения ученого.

*Н. Беллева, Д. Васильев, Ю. Ли,
Е. Маштакова, С. Орешкова,
Р. Юсипова*

PERSONALIA

СЛОВО ОБ ЭРВАНДЕ ВЛАДИМИРОВИЧЕ СЕВОРТЯНЕ

(К 75-летию со дня рождения)

Каждый крупный ученый занимает свое особое место в общем ряду коллег и имеет собственные отличительные особенности, мелкие и крупные, распространяющиеся и на литературный стиль его сочинений.

В начале 30-х годов среди советских тюркологов обращал на себя внимание молодой человек со смуглым цветом лица, большими горящими глазами и хорошо поставленным голосом, поражающий своих сверстников начитанностью в специальной литературе и глубиной суждений едва ли не по всем проблемам тюркской грамматики.

Этим молодым эрудитом был уроженец Крыма (Ялта), влюбленный в тюркологию и музыку, Эрванд Владимирович Севортян, получивший высшее образование в Таврическом университете, на математиче-

ском и филологическом факультетах (после расформирования университета) Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе (Симферополь). Обязанности студента у Эрванда Владимировича гармонично сочетались с практической работой на посту ответственного секретаря Крымского областного комитета Союза работников искусств (до 1929 г.) и музыкального руководителя Крымрадиоцентра (до 1931 г.).

Осенью 1931 г. начинается новый, важный этап в жизни Эрванда Владимировича, определивший всю его дальнейшую жизнь и деятельность: в тот год по командировке Крымнаркомпроса Э. В. Севортян поступил в аспирантуру Московского научно-исследовательского института языкознания.

По приобретении тюркологической специальности Эрванд Владимирович становится сотрудником Ленинградского научно-исследовательского института языкознания (ноябрь 1935 г. — октябрь 1936 г.).

Эрванду Владимировичу выпала высокая и заслуженная честь стать первым дипломированным тюркологом — кандидатом филологических наук, блестяще защитившим в Ленинграде (в названном институте) в декабре 1935 г. диссертацию на тему «Порядок слов в распространенном предложении анатолийско-турецкого литературного языка»; позднее эта работа — первый печатный труд Э. В. Севортяна — была опубликована (под несколько измененным названием) в сборнике «Советское языкознание» (Л., 1938, № 4).

Научным руководителем и официальным оппонентом Э. В. Севортяна на защите кандидатской диссертации был Н. К. Дмитриев (1898—1954). С ним Эрванд Владимирович работал в дальнейшем (в Институте языка и мышления, Институте языкознания АН СССР, МГУ). Этих двух ученых тесно связывали общность профессиональных интересов и совпадение взглядов на основные проблемы тюркского языкознания. Немалую роль в их сближении сыграла привязанность благодарного ученика к учителю, нашедшая выражение в ряде статей, посвя-

ценных научной деятельности Н. К. Дмитриева, и переиздании некоторых его трудов, осуществленных по инициативе и под редакцией Э. В. Севортяна.

В первые годы своей самостоятельной научно-исследовательской деятельности Э. В. Севортян занимается исследованием фонетического и грамматического строя крымско-татарского и турецкого языков.

Занятия крымско-татарским языком были естественным продолжением и развитием практического знакомства с этим языком, приобретенным в детстве — в Ялте и Симферополе. Крымско-татарскому языку Э. В. Севортян посвятил ряд работ: «Крымско-татарский язык» («Язык народов СССР. Том второй». М., 1966), «Грамматика крымско-татарского языка» (рукопись, 25 а. л.), «Деепричастия в крымско-татарском языке» (рукопись, 6 а. л.).

Со второй половины 30-х и до середины 50-х годов научные интересы Э. В. Севортяна были сосредоточены в основном на проблемах турецкого языкознания и общей тюркологии. Среди его работ того времени особого внимания заслуживают: «Грамматика турецкого языка» (М., 1947, стеклографированное издание Института иностранных языков), «Прямое дополнение в турецком языке», «Фонетика турецкого литературного языка» и ряд работ по сравнительной грамматике тюркских языков, опубликованных в основанной Н. К. Дмитриевым серии «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков» (I—IV, М., 1955—1962).

Свободная лингвистическая дискуссия на страницах «Правды» (май—июнь 1950 г.) явилась поворотным пунктом для всего советского языкознания, в том числе и для советской тюркологии. Этому новому этапу Э. В. Севортян посвятил обстоятельную статью «Советская тюркология в последнедискуссионные годы», в которой анализируются конкретные теоретические ошибки тюркологов и дается обзор работ, написанных с новых позиций.

Э. В. Севортяна всегда привлекали сложные, узловые вопросы тюркского языкознания, среди которых далеко не последнее место занимает проблема частей речи в тюркских языках, которой им посвящены три статьи: «К проблеме частей речи в тюркских языках», «О семантической природе существительного в тюркских языках», «Из истории прилагательных в тюркских языках».

Много трудных, нерешенных проблем имеется в области синтаксиса тюркских языков, которому Э. В. Севортяном посвящен ряд статей. Одной из проблем синтаксиса, по которой до сих пор нет единодушия (как, впрочем, и по многим другим проблемам), является проблема форм (формы) прямого дополнения (см. статью Э. В. Севортяна «Прямое дополнение в турецком языке»), с которой непосредственно связана другая не менее важная проблема переходности и непереходности, проанализированная Эрвандом Владимировичем в большой, солидно аргументированной

статье «Об историческом положении категории переходности и непереходности в тюркских языках».

Работам, посвященным синтаксическим функциям категории склонения, предшествовало обстоятельное исследование Э. В. Севортяна «К истории падежной системы в тюркских языках», в которой автором рассмотрена морфология тюркской падежной системы. Таким образом, категория склонения и морфология падежной системы рассматриваются Э. В. Севортяном как две стороны одного и того же явления, то есть в их диалектическом единстве; подобный подход к анализируемому грамматическому материалу является отличительной чертой исследований Э. В. Севортяна.

Старый и вечно новый вопрос о критериях сложноподчиненного предложения не мог оказаться вне поля зрения Э. В. Севортяна, откликающегося на все злободневные проблемы тюркского языкознания. Этой проблеме посвящена статья «О некоторых вопросах сложноподчиненного предложения в тюркских языках», в которой критически оцениваются формальный и логический подходы к выяснению природы тюркского придаточного предложения.

В числе задач, стоящих перед советской тюркологией, важнейшими являются создание: 1) истории отдельных тюркских языков (исторической фонетики и грамматики); 2) сравнительно-исторической фонетики и грамматики отдельных групп тюркских языков; 3) сравнительно-исторической фонетики и грамматики всех тюркских языков.

Основные вопросы этой комплексной проблемы были подробно разработаны в двух докладах Э. В. Севортяна: «О некоторых вопросах исторического изучения тюркских языков» и «Современное состояние и некоторые вопросы исторического изучения тюркских языков в СССР».

Одному из важнейших вопросов теоретической грамматики — соотношению грамматики и лексики в тюркских языках — Э. В. Севортян посвятил две большие статьи, в которых по существу конспективно изложены в сравнительном аспекте словообразовательные и словоизменительные возможности тюркских языков. Главной из них является статья «О некоторых вопросах словообразования в тюркских языках».

Основные положения упомянутых исследований, имевших принципиальное значение для кристаллизации научной концепции автора, получили дальнейшее развитие в двух его фундаментальных трудах — «Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования» (М., 1962) и «Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования» (М., 1966). За первый из этих трудов Э. В. Севортяну была присуждена ученая степень доктора филологических наук (1956).

В указанных книгах автор дает подробный обзор именного и глагольного слово-

образования тюркских языков в сравнительно-историческом аспекте.

Без преувеличения можно сказать, что эти труды по объему исследуемого фактического материала и глубине его анализа не имеют себе равных в истории тюркского языкознания.

Последние пятнадцать лет Э. В. Севортян все свое время отдает труднейшему виду лексикологического исследования — этимологическим изысканиям на материале тюркских языков. Его «Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные)» ставит, как он пишет, «своей важнейшей задачей выяснение морфо-семантического состава и языковой принадлежности (происхождения) этимологически затемненных, преимущественно неодносложных, основ в числе их сращений и стяжений обще- или межтюркского характера, реконструкцию более древнего фонетического состояния как самой основы, так, отчасти, и входящих в нее морфем. В словарь включены также односложные основы, так как среди них наряду с возможными корневыми имеются и производные формы разного происхождения (афигированные корни, стяжения и др.). И те, и другие односложные основы нуждаются в этимологическом анализе или по крайней мере в семасиологическом освещении» (стр. 25).

Судя по первому опубликованному в 1974 году тому, словарь Э. В. Севортяна по обстоятельности разработки статей, по полноте использования специальной литературы, по глубине проникновения в существо исследуемых явлений превосходит все существующие этимологические словари не только тюркских языков, но и многих других. Естественно, что все тюркологи (и не только тюркологи, ибо круг пользующихся этим словарем значительно шире) с нетерпением ждут второго и последующих томов.

Хорошо зная историю отечественного тюркского языкознания, опираясь на его традиции и достижения, Э. В. Севортян внес в развитие советской тюркологии свой весомый вклад.

Научно-исследовательская деятельность Э. В. Севортяна гармонично сочеталась с его педагогической работой в звании профессора в МИФЛИ, в Московском институте востоковедения, в Московском государствен-

ном университете (декан филологического отделения Института восточных языков при МГУ) и Институте иностранных языков. Другой сферой его педагогической деятельности, продолжающейся уже четыре десятилетия, является его работа с аспирантами. Строгий и требовательный, но неизменно благожелательный и внимательный педагог, Э. В. Севортян воспитал и подготовил свыше шестидесяти специалистов по азербайджанскому, башкирскому, гагаузскому, казахскому, киргизскому, карачаево-балкарскому, татарскому, тувинскому, турецкому, узбекскому, туркменскому, чувашскому языкам; многие из них стали видными учеными и успешно работают в республиканских академиях наук, университетах и педагогических институтах.

Э. В. Севортян принимает активное участие в работе ряда научно-исследовательских институтов тюркоязычных республик: отдает много времени и труда редактированию их научной продукции, принимает участие в обследовании их деятельности и т. д.

Как истинный советский ученый, Э. В. Севортян активно участвует в совещаниях и конференциях, посвященных различным проблемам тюркского языкознания.

Э. В. Севортян — член редколлегии журнала «Советская тюркология» и член бюро Советского комитета тюркологов. В течение ряда лет Э. В. Севортян был членом ВАК и членом Лингвистической секции научно-технического совета при Министерстве высшего и среднего специального образования СССР.

Своими выдающимися научными трудами Э. В. Севортян snискал высокий авторитет среди научной общественности, советских и зарубежных тюркологов. В 1957 г. Э. В. Севортян был избран членом-корреспондентом Турецкого лингвистического общества (Анкара).

Старшему научному сотруднику Сектора тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР, доктору филологических наук, профессору Эрванду Владимировичу Севортяну его друзья, коллеги и ученики в день 75-летия желают здоровья и новых научных успехов.

А. Н. Кононов

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА ЭРВАНДА ВЛАДИМИРОВИЧА СЕВОРТЯНА

1. Расположение частей распространенного предложения современного анатолийско-турецкого литературного языка. — «Советское языкознание», 1938, № 4, 4 п. л.

2. Новый крымско-татарский алфавит. — «Школа взрослых», 1939, № 3, 0,5 п. л.

3. Грамматика турецкого языка. — Институт иностранных языков, 1947, 8 п. л.

4. К истории падежной системы в тюркских языках. — «Труды Института иностранных языков», 1948, № 6, 0,5 п. л.

5. Прямое дополнение в турецком языке. — «Вестник МГУ», 1948, № 12, 2,5 п. л.

6. Языкознание в Узбекистане. — «Вопросы языкознания», 1952, № 5, 0,5 п. л.

7. К соотношению грамматики и лексики

в тюркских языках. — В сб.: «Вопросы теории и истории. 1952, 4,5 п. л.

8. Об ошибках казахских языковедов. — «Вопросы языкознания», 1953, № 2, 1 п. л.

9. Рецензия на «Вопросы изучения языков народов Средней Азии и Казахстана» — «Вопросы языкознания», 1953, № 6, 1 п. л.

10. Советская тюркология в последискуссионные годы. — «Известия ОЛЯ АН СССР», 1953, т. XII, вып. 6, 1 п. л.

11. К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках. — В сб.: «Узбекское языкознание», 1954, 2,5 п. л.

12, 13, 14. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, том I. — Издательство АН СССР, 1955, 5 п. л.

15. К проблеме частей речи в тюркских языках. Тезисы докладов на открытом расширенном заседании ученого совета, посвященного дискуссии о проблеме частей речи в языках разных типов, 28—30 июня 1954 года. — Издательство АН СССР, 1954, 0,2 п. л.

16. Фонетика турецкого литературного языка. — Издательство АН СССР, 1955, 10 п. л.

17. Из истории развития советской тюркологии. — «Известия ОЛЯ АН СССР», 1955, т. XIV, вып. 2, 1 п. л.

18. К проблеме частей речи в тюркских языках. — В сб.: «Вопросы грамматического строя», 1955, 2,5 п. л.

19, 20, 21, 22. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. — Издательство АН СССР, 1956, 4 п. л.

23. Н. К. Дмитриев и советская тюркология. — «Вопросы языкознания», 1958, № 3, 1 п. л.

24. Ценное исследование. — «Вестник АН СССР», 1956, № 9, 0,75 п. л.

25. О некоторых вопросах словообразования в тюркских языках. — «Вестник МГУ», 1957, № 2, 1,5 п. л.

26. На восьмом съезде «Общества турецкого языка». — «Вопросы языкознания», 1958, № 1, 0,5 п. л.

27. Об историческом положении категории переходности-непереходности в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1958, № 2, 1 п. л.

28. Турецкое языкознание к VIII съезду турецких лингвистов. — «Советское востоковедение», 1958, № 2, 1,5 п. л.

29. О некоторых вопросах тюркской лексикографии. — «Лексикографический сборник», 1958, № 3, 1,5 п. л.

30. Türk dilçilerinin VIII. Kurultayında Türk dil bilgisi. — «Türk Dili Araştırmaları yillığı — Belleten». Ankara, 1958, 1,5 п. л.

31. Türk dillerinde fiillerin geçişli-geçişsiz olmalarına dair. — «VIII. Türk Dil Kurultayında okunan bilimsel bildirimler». Ankara, 1960, 0,75 п. л.

32. О глаголообразующем аффиксе -са/-сы/-сын- в тюркских языках. — В сб.: «В честь академика И. А. Орбели», 1960, 0,75 п. л.

33. О некоторых вопросах исторического изучения тюркских языков. — Доклад на XXV конгрессе востоковедов, 1960, 0,75 п. л.

34. Редакция и примечания к очерку Н. К. Дмитриева «Турецкий язык». — Издательство восточной литературы, 1961, 1 п. л.

35. О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», 1961, т. III, 1961, 1 п. л.

36. О некоторых вопросах сложноподчиненного предложения в тюркских языках. — Там же, 1961, т. IV, 1 п. л.

37. Современное состояние и некоторые вопросы изучения истории тюркских языков. — В сб.: «Вопросы методов изучения истории тюркских языков». Ашхабад, 1961, 2 п. л.

38. О тюркских элементах в «Русском этимологическом словаре» М. Фасмера. — «Лексикографический сборник», V. М., 1962, 1,5 п. л.

39. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. — Издательство восточной литературы, 1962, 40 п. л.

40. Редакция и примечания к избранным сочинениям Н. К. Дмитриева «Строй тюркских языков». — Издательство восточной литературы, 1962, 4 п. л.

41. Nozgast jelentő igék az azerbajdzan nyelvben. — A Mag. Tud. Akadém. Nyelv es irod. osz. al. Közlemenyek, XVII, 1962, 0,75 п. л.

42. То же на французском языке. — Acta Orientalia Academiae Hungaricae, 1962, 0,75 п. л.

43. Рецензия на «Philologiae Turcicae Fundamenta» (в соавторстве). — «Вопросы языкознания», 1962.

44. О семантической природе существительного в тюркских языках. — «Материалы координационного совещания». Нальчик, 1962, 0,75 п. л.

45. Из истории прилагательных в тюркских языках. — «Тюркологические исследования АН СССР». М.—Л., 1963, 0,75 п. л.

46. Памяти А. К. Боровкова. — «Известия ОЛЯ АН СССР», 1963, 0,75 п. л.

47. Deverbale Nomina auf -maq und -mıq im Azerbajdschanischen und anderen Türksprachen. — «Ural-Altäische Jahrbücher», B. 36, Fasc. 3—4, 1964, 0,5 п. л.

48. Грамматические и семантические признаки аналитических конструкций в отличие от свободных словосочетаний в тюркских языках. — В сб.: «Аналитические конструкции в языках различных типов», 1965, 0,4 п. л.

49. О подготовке диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза (в соавторстве). — «Вопросы языкознания», 1966, № 3, 1,1 п. л.

50. Н. К. Дмитриев и основные направления диалектологических исследований в послеоктябрьской тюркологии. — В сб.: «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. IV. Баку, 1966, 1 п. л.

51. Пробные статьи к «Этимологическому словарю тюркских языков». — Издательство «Наука». М., 1966, 7 п. л.

52. Тюркское *ас, аскыр, аст, асы* и др. — «Тюркологический сборник» — к 60-летию А. Н. Кононова. М., 1966, 0,4 п. л.

53. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. — Издательство «Наука». М., 1966, 27,5 п. л.

54. Крымско-татарский язык. — «Языки народов СССР», т. II, 1966, 1,6 п. л.

55. «От редактора» — к книге Т. И. Грунина «Документы на половецком языке XVI в.». — Издательство «Наука». М., 1967, 2,8 п. л.

56. Тюркологическая работа в Турции (в соавторстве). — «Вопросы языкознания», 1967, № 4, 1,3 п. л.

57. Вопросы грамматики в советской тюркологии. — В сб.: «Теоретические проблемы советского языкознания». М., 1968, 1,5 п. л.

58. Fiilden fiil yapması eki ve bununla ilgili fonetik sorunlar. — «XI. Türk Dil Kurultayında okunan Bilimsel Bildiriler». Ankara, 1968, 0,5 п. л.

59. Вопросник «Диалектологического атласа тюркских языков» (проект) (в соавторстве). — Издательство «Наука», 1969, 5 п. л.

60. Тюркские этимологии. — В сб.: «Тюркологические исследования». Фрунзе, 1970, 0,75 п. л.

61. Несколько замечаний к тюркологическим исследованиям по грамматике. — «Советская тюркология», 1970, 0,9 п. л.

62. Лингвистическое наследие Н. К. Дмитриева и современная советская тюркология. — В сб.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971, 0,9 п. л.

63. Тюркизмы у ранних армянских писателей. — Там же, 1971, 1 п. л.

64. Грамматика азербайджанского языка (фонетика, морфология, синтаксис), (ответственный редактор и соавтор). — Издательство «Элм». Баку, 1971, около 26 п. л.

65. О содержании термина «общетюркский». — «Советская тюркология», 1971, № 2, 0,6 п. л.

66. К семасиологическим вопросам сложного предложения в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1971, № 4, 0,4 п. л.

67. Об этимологическом словаре тюркских языков. — «Вопросы языкознания», 1971, № 6, 1,2 п. л.

68. Морфологическое строение слова в связи с другими его характеристиками (по данным тюркских языков). — В сб.: «Тюркологический сборник 1971». М.—Л., 1971, 0,9 п. л.

69. К источникам и методам пратюркских реконструкций. — «Вопросы языкознания», 1973, № 2, 1,2 п. л.

70. Тюркские АБА, АПА, ЕБЕ. — В сб.: «Восточная филология». Тбилиси, 1973, 0,5 п. л.

71. Рецензия на: «А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970». — «Вопросы языкознания», 1973, № 5, 0,9 п. л.

72. Послеоктябрьская тюркология в Академии наук СССР. — «Вопросы языкознания», 1974, № 5, 1,2 п. л.

73. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. — Издательство АН СССР, 1974, 67 п. л.

74. Николай Александрович Баскаков. — «Советская тюркология», 1975, № 3, 0,5 п. л.

75. Türk dillerinde kelime başındaki ünsüzlerin düşmesi. — «I. Türk Dili Bilimsel Kurultayına sunulan Bildiriler» 1972-den aygıbasım. Ankara, 1975, 0,6 п. л.

76. Всегда ли при реконструкции необходим фонетический архетип слова (по данным тюркских языков)? — «Вопросы языкознания», 1975, № 1, 1 п. л.

77. Грамматика крымско-татарского языка (рукопись), 25 а. л.

78. Деепричастия в крымско-татарском языке (рукопись), 6 а. л.

79. Русизмы в диалектах турецкого языка (рукопись), 1 а. л.

80. Из истории послеоктябрьской тюркологии в Москве (сектор тюркских языков Института языкознания АН СССР) (рукопись), 0,9 а. л.

ФАЗЫЛ ГАРИФОВИЧ ИСХАКОВ

(К 75-летию со дня рождения)

Имя Фазыла Гарифовича Исхакова навсегда вошло в историю отечественного языкознания послеоктябрьского периода. Все то значительное, что создал Ф. Г. Исхаков, относится к числу важнейших трудов, определяющих специфические черты тюркологии советской эпохи.

Выходец из народа, Ф. Г. Исхаков пришел в науку в первые бурные десятилетия, наступившие после Октябрьской революции. Его научное кредо формировалось в кипучей педагогической деятельности учителя татарского и других тюркских языков, а затем в непосредственном общении с замечательными языковедами послеоктябрьской поры — Е. Д. Поливановым, Н. Ф. Яковлевым, в дальнейшем с Н. К. Дмитриевым и другими.

Фундамент обширных познаний Ф. Г. Исхакова в области различных тюркских языков был заложен именно в этот период.

Педагогическая и методическая деятельность Ф. Г. Исхакова, а впоследствии составление им целого ряда школьных грамматик по различным тюркским языкам — татарскому, ногайскому, тувинскому, по русскому языку для татарских, хакасских школ — во многом определили присущий Ф. Г. Исхакову стиль его научных трудов: точность, систематичность и исчерпывающую полноту фактического материала темы, ясность и доказательность научных построений, сравнительно-сопоставительное освещение описываемых явлений.

По направлению своих научных изысканий Ф. Г. Исхаков примыкал к нашим отечественным тюркологам-компаративистам. В этом отношении особенно близок он был к Н. Ф. Катанову, так же как и он оперировал большим количеством фактов различных тюркских языков, находил и фиксировал явления, еще не отмечавшиеся в литературе, уделяя особое внимание внутренним богатствам языка, деталям и специфике функционирования языковых единиц различных планов.

Объектом исследовательских интересов Ф. Г. Исхакова прежде всего были недо-

статочно или шаблонно описанные тюркские языки в их современном состоянии — такие, как хакасский, тувинский, ногайский, по-новому увиденный им татарский язык.

Однако это не было синхронной тюркологией в прямом значении термина. Ф. Г. Исхаков всегда искал и находил тот исторический угол зрения, который позволял ему увидеть описываемое им явление в динамике. Все его основные работы, начиная с фундаментальных «Исследований по сравнительной грамматике тюркских языков»¹ и кончая столь же фундамен-

¹ «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», I. Фонетика. М., 1955, стр. 53—114, 121—174, 208—248, 254—260, 293—297, 314—319, 329—332; II. Морфология. М., 1956, стр. 72—262; IV. Лексика. М., 1962, стр. 5—68.

тальной «Грамматикой тувинского языка», написанной в соавторстве с А. А. Пальмахом², отличаются широким охватом языковых явлений в ретроспективном освещении.

Другим направлением в исследованиях Ф. Г. Исхакова были тюркские языки, рассматриваемые им в целом, со всеми сходствами и расхождениями, присущими конкретным тюркским языкам.

Сфера лингвистических интересов Ф. Г. Исхакова по широкому охвату проблем восходила своими истоками к работам П. М. Мелиоранского.

Как и другие исследователи первых послеоктябрьских поколений тюркологов, Ф. Г. Исхаков был равно высококомпетентен как в фонетике, так и в грамматике и лексикологии.

О его тюркологическом наследии — фундаментальных разысканиях и школьных грамматиках уже писалось³.

Научно-исследовательская работа Ф. Г. Исхакова началась еще в 20-е годы в кабинете родных языков при Коммунистическом университете трудящихся Востока им. Я. М. Свердлова (КУТВ) под непосредственным наблюдением Е. Д. Поливанова. Следующим ее этапом явилась активная деятельность во Всесоюзном центральном комитете нового алфавита, где Ф. Г. Исхаков при ближайшем участии Н. Ф. Яковлева прошел прекрасную школу научной разработки и организации новой письменности для старых литературных и младописьменных языков многочисленных тюркских народов СССР.

Трудно назвать какой-либо тюркский алфавит на основе русской графики, в разработку которого не были бы вложены усилия Ф. Г. Исхакова, его компетентные и дальновидные советы и рекомендации.

С начала 1940 г. Ф. Г. Исхаков продолжает свои научные изыскания в Красноярске, а затем в Абакане. За короткий срок он овладевает хакасским и тувинским языками и вскоре становится признанным авторитетом в области этих языков и как ученый, и как организатор научной и вузовской работы.

После возвращения в Москву (1946 г.) Ф. Г. Исхаков принимает участие в работе сектора тюркских языков Московского отделения Института языка и мышления им. Н. Я. Марра Академии наук СССР и вскоре становится одним из наиболее активных и плодотворных членов авторского

коллектива большого обобщающего труда — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», задуманного руководителем сектора Н. К. Дмитриевым.

После работ Н. Ф. Катанова⁴ этот труд был первым в истории тюркологии опытом синтетического описания современных тюркских языков как цельной системы, выполненным на принципиально новой методической основе, опытом характеристики их современного фонетического и грамматического строя.

Таким образом, «Исследования» представляют собой именно сравнительное, но не сравнительно-историческое описание семьи тюркских языков. Значение и плодотворность этого труда для всего тюркского языкознания очевидны и в комментариях не нуждаются.

Безусловно, не все книги «Исследований» можно считать в равной степени законченными. Наиболее полными и законченными оказались первые две части — «Фонетика» и «Морфология». И в этом большая заслуга Ф. Г. Исхакова, на плечи которого легла основная тяжесть подготовки «Морфологии» и третьей части «Фонетики».

Принято считать, что по «Исследованиям» можно получить представление о советской тюркологии 40—50-х гг. как в теоретическом, так и в описательном планах, и это тоже во многом заслуга Ф. Г. Исхакова.

В первой книге «Исследований» каждая из статей Ф. Г. Исхакова содержит совершенно новые, ранее неизvestные или неточно описанные факты из области фонетики, будь то «Характеристика отдельных гласных современных тюркских языков» или «Общая характеристика тюркского вокализма», «Придыхательные и непридыхательные смычные согласные в тувинском языке» или «Явления сложной ассимиляции согласных, возникающие при выпадении беглых гласных в тувинском и якутском языках» и т. д.

Первые две части «Исследований» давно стали настольными книгами тюрколога-исследователя и тюрколога-прикладника. Постоянные ссылки на статьи Ф. Г. Исхакова встречаются как в работах советских тюркологов, так и зарубежных исследователей.

Его «Опыт сравнительного словаря современных тюркских языков», вошедший в IV часть «Исследований»⁵, вместе с другой работой — «Наблюдения по лексике в области прилагательных в тюркских язы-

² Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмах. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961.

³ См.: Э. Р. Тенишев. Памяти Ф. Г. Исхакова. — «Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», выпуск IX. Абакан, 1963, стр. 118—126; см. также: Ш. Ч. Сат. Тыва дылды шинчелеп келгениниң төөгүзүнүн очериги. Кызыл, 1964, стр. 66—68.

⁴ Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. — Отдельный оттиск из «Ученых записок Казанского университета». 1899—1902 гг. Казань, 1903.

⁵ См.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. IV. Лексика». М., 1962, стр. 5—68.

ках»⁶ в сочетании с работами остальных авторов двух названных книг представляют первую в истории тюркологии обстоятельную разработку основ сравнительной лексикологии тюркских языков на базе тематической группы, образующей структурную единицу.

Сходная идея в последние десятилетия развивалась в немецкой (Йост Трир, Вальтер Порциг и др.) и французской (Эмиль Бенвенист и др.) лингвистике и дала интересные результаты.

Обращаясь к монографиям Ф. Г. Исхакова о хакасском языке⁷ и отдельно о его фонетике⁸, к упоминавшейся выше грамматике тувинского языка, написанной им в соавторстве с А. А. Пальмбахом, и отдельно к фонетике этого языка⁹, необходимо заметить, что они создавались в тот период деятельности Ф. Г. Исхакова, когда первые две части «Исследований по сравнительной грамматике тюркских языков» уже были завершены и находились в печати. Поэтому глубина научной трактовки вопросов, рассматривавшихся во всех четырех названных книгах, как и сравнительное освещение описанных в них языковых явлений, целиком базируются на исследовательских результатах, полученных в процессе работы автора над «Исследованиями».

«Грамматика тувинского языка» — во всех отношениях одно из наиболее удачных грамматических описаний послеоктябрьских десятилетий. Точность, многообразие и новизна в изложении фактического материала сочетаются в ней с теоретической строгостью и широким историко-лингвистическим аспектом рассмотрения языкового явления. Лично Ф. Г. Исхакову в этой грамматике принадлежат разделы, посвященные имени и наречию. Его соавтором, крупнейшим тюркологом А. А. Пальмбахом, написан раздел глагола. Остальные части книги, в том числе весьма содержательная глава о фонетике тувинского языка, писались ими совместно.

«Грамматику тувинского языка» можно сравнить лишь с фундаментальным трудом Н. Ф. Катанова об урянхайском (тувинском) языке, в сопоставлении с которым названная книга представляет собой новый,

крупный шаг вперед. Об этом свидетельствует раздел об имени, с его богатым и во многих отношениях совершенно новым фактическим материалом, и особенно глава о фонетике, в которой новые данные существенным образом дополнены, как уже указывалось выше, в очерке Ф. Г. Исхакова о фонетике тувинского языка (раздел о фонематическом составе гласных, подраздел о смычных согласных и др.).

Сказанное о новизне и оригинальности описания тувинской фонетики и морфологии в полной мере относится и к работам Ф. Г. Исхакова о хакасском языке. «Вопросы изучения хакасского языка» и «Краткий очерк по фонетике» полностью написаны Ф. Г. Исхаковым и вместе составляют краткую научную грамматику современного хакасского языка, являются новым состоянием в изложении важнейших особенностей этого тюркского языка после известного труда Н. П. Дыренковой о хакасском языке.

За недостатком места мы не можем подробно останавливаться на обширной и многогранной педагогической деятельности Ф. Г. Исхакова. Отметим лишь его интереснейшую работу в предвоенные годы в Московской консерватории, где он, как знаток татарской орфоэпии, вместе с Мусой Джалилем принимал участие в подготовке первых оперных певцов для Татарии, а также подготовку под его руководством первых татарских переводчиков в Литературном институте Союза писателей СССР.

Ф. Г. Исхаков был прекрасным знатоком художественной литературы и фольклора тюркских народов: поволжских татар, казахов, ногайцев, башкир, узбеков и др. К сожалению, эта область научных интересов Ф. Г. Исхакова не получила освещения в литературе, и о ней мало кто осведомлен, разве что близко знавшие его коллеги.

Ф. Г. Исхакова — ученого невозможно отделить от Ф. Г. Исхакова — человека и гражданина, с его высоко развитым чувством ответственности за каждое написанное слово. Все, что ни делал Ф. Г. Исхаков, он делал в полную меру своих возможностей.

Совершенно чуждый фальши, нравственно цельный и чистый, Ф. Г. Исхаков до конца оставался преданным советской науке. Он умер в расцвете своего исследовательского таланта, в пору своей научной зрелости и прозорливости, успев, однако, внести весомый вклад в современное тюркское языкознание.

Э. В. Севортян

⁶ См.: «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 173—231.

⁷ Ф. Г. Исхаков. Вопросы изучения хакасского языка и его диалектов. Абакан, 1954 (в соавторстве с Н. К. Дмитриевым).

⁸ Ф. Г. Исхаков. Хакасский язык (краткий очерк по фонетике). Абакан, 1956.

⁹ Ф. Г. Исхаков. Тувинский язык (очерк по фонетике). М., 1957.

Х Р О Н И К А

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ СЕКТОРА ТЮРКСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

21 октября 1976 года состоялось расширенное заседание сектора тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР, посвященное 50-летию московского тюркологического центра.

Кратким вступительным словом заседание открыл заведующий сектором Э. Р. Тенишев.

Сотрудники сектора, тюркологи, представляющие другие научные учреждения и вузы столицы и национальных республик, заслушали доклад Ф. Д. Ашнина, посвященный развитию тюркологии в Москве после Великого Октября. Докладчик отметил, что первая тюркологическая группа в Москве была образована по постановлению коллегии Наркомпроса РСФСР в Научно-исследовательском институте этнических и национальных культур народов Востока (Иннарвос). Тюрко-татарскую секцию Иннарвоса возглавлял В. А. Гордлевский, в ней активно сотрудничал Е. Д. Поливанов. В стенах Иннарвоса прошли научную подготовку М. М. Билялов, Идрис Гасанов, А. А. Пальмбах.

В 1932 году Иннарвос был переименован в Научно-исследовательский институт национальностей СССР при ЦИК СССР. В секции языка и письменности (позднее — сектор языкового строительства) работали В. М. Насилов, А. А. Пальмбах, М. И. Богданова.

В 1936 г. Институт национальностей СССР был преобразован в Центральный научно-исследовательский институт языка и письменности народов СССР. В созданном здесь специальном секторе тюркских языков начали свой путь в науке Э. В. Севортян, Н. А. Баскаков, работали И. А. Батманов, Т. И. Грунин, Ф. Г. Исхаков и др.

В 1938 году Институт языка и письменности перешел в систему Академии наук СССР. На пост заведующего сектором был приглашен работавший тогда в Ленинграде Н. К. Дмитриев, который сразу же предложил долговременную программу исследований и первым приступил к ее осуществлению («Грамматика кумыкского языка», 1940 год и др.).

В 1944 году Институт языка и письменности был преобразован в Московское отделение Института языка и мышления Академии наук СССР, сектор как структурная единица был сохранен.

С 1950 года сектор тюркских языков в несколько обновленном составе (Н. К. Дмитриев, Н. А. Баскаков, Э. В. Севортян, Ф. Г. Исхаков, А. А. Юлдашев, С. А. Бурнашева, Н. З. Гаджиева, А. А. Коклянова, Л. А. Покровская, Е. И. Убрятова, Э. Р. Тенишев и др.) продолжил выполнение программы, намеченной Н. К. Дмитриевым, а именно: обследование малоизученных языков; написание «Исследований по сравнительной грамматике тюркских языков», которые, по оценке Н. К. Дмитриева, являлись подготовительным этапом к созданию «Сравнительной грамматики тюркских языков»; изучение лексики «с дальним прицелом на этимологический словарь тюркских языков».

Дополнением к первой части доклада Ф. Д. Ашнина явилось выступление Н. А. Баскакова, который поделился воспоминаниями о состоянии московской тюркологии в 1926—1930 годах. В это время, будучи студентом Московского университета, он делал первые шаги в науке, участвовал в экспедициях в Среднюю Азию и Казахстан, собирал лингвистический и этнографический материал.

Э. Р. Тенишев рассказал о научно-исследовательской деятельности сектора тюркских и монгольских языков в 60—70-е годы, назвал основные направления исследовательской работы сотрудников сектора: 1) описание малоизученных языков; 2) сравнительно-исторические, ареальные и историко-типологические исследования; 3) теория грамматики и лексикологии; 4) актуальные теоретические и практические вопросы языкового строительства (словари, алфавиты, орфографии, научная транскрипция).

Далее Э. Р. Тенишев перечислил и кратко охарактеризовал печатную продукцию сектора, вышедшую в свет в последнее десятилетие, и познакомил присутствующих

щих с перспективным планом исследований (до 1990 года). Э. Р. Тенишев остановился также и на координационной деятельности сектора тюркских и монгольских языков, кратко охарактеризовав план работы в этом направлении.

С воспоминаниями о тюркологии 30-х годов выступил Г. Д. Санжеев, рассказавший о первых планах и опытах сравнительно-исторического изучения языков народов СССР.

С приветственным словом к коллективу сектора обратились Г. Бакинова (Фрунзе), З. Валиуллина (Казань), Н. Абдурахманов (Самарканд), Е. Чунжекова (Горно-Алтайск), Ю. Ефимов (Чебоксары).

В адрес сектора тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР поступили многочисленные поздравления с пятидесятилетием.

Л. С. Левитская

«ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА УЗБЕКСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ»

2 июня 1976 года на заседании Объединенного ученого совета по филологии Отделения истории, языкознания и литературоведения Академии наук Узбекской ССР состоялась защита диссертации «Вопросы синтаксиса узбекской разговорной речи», представленной ректором Джизакского государственного педагогического института, кандидатом филологических наук, доцентом **Уринбаевым Базаром** на соискание ученой степени доктора филологических наук.

В узбекском языкознании до последнего времени отсутствовали работы, посвященные вопросам формирования литературно-разговорной речи и специфике ее синтаксической структуры. Диссертация Б. Уринбаева является первым и значительным исследованием, в котором рассматриваются актуальные проблемы синтаксиса узбекского разговорного языка.

Диссертантом анализируется структура современной узбекской разговорной речи в условиях непринужденного общения лиц, владеющих узбекским литературным языком; характеризуются ее синтаксические

особенности: диалогичность, ситуативность, эмоциональность.

Подробно рассматриваются коммуникативная направленность и структурные построения диалогических реплик, специфика вокативной формы, обращений, вводных слов, параллелизмов, присоединительных конструкций, слов-предложений, а также неполных и вокативных предложений. Особое внимание уделяется диссертантом специфике порядка слов в предложении. Автором выявлены как общие, так и частные закономерности, характерные для синтаксиса узбекского литературно-разговорного языка.

Официальные оппоненты член-корреспондент Академии педагогических наук СССР, заслуженный деятель науки Узбекской ССР М. А. Аскарлова, заслуженный работник культуры Узбекской ССР, д-р филол. наук, проф. С. Н. Иванов, академик Академии наук Узбекской ССР Ш. Ш. Шаабдурахманов и другие выступавшие дали высокую оценку диссертации Б. Уринбаева, отметив, что она способствует разрешению некоторых актуальных и спорных вопросов в области узбекского языкознания и тюркологии в целом.

Члены Объединенного ученого совета единогласно приняли решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении Б. Уринбаеву ученой степени доктора филологических наук.

Э. Бегматов

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Н. З. Гаджиева (Москва). О тенденциях в развитии морфологического строя тюркских языков 3.
Г. П. Мельников (Москва). Значения и смыслы простых форм гагаузского глагола настоящего и будущего времени 16.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Ш. Каримходжаев (Нукус). Особенности освоения русским языком каракалпакских заимствований 28
Э. Н. Репьева (Каменец-Подольский). О некоторых тюркизмах в русском и украинском языках XV—XVI веков 36

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

- А. Е. Мартынец (Ленинград). О формах параллелизма в тюркском стихе 43.
Л. Н. Старостов (Москва). Из наблюдений над языком прозы Назыма Хикмета 49

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- С. Н. Иванов (Ленинград). Об изучении грамматики тюркских языков. История и современность 54

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

- В. Д. Аракин (Москва). В. А. Гордлевский — исследователь тюркских языков 67
А. П. Базиянц (Москва). В. А. Гордлевский и реформа письменности тюркских языков 75

СООБЩЕНИЯ

- А. Ахундов (Баку). Опыт фонетического обобщения и грамматического описания названий частей тела человека в азербайджанском языке 78

РЕЦЕНЗИИ

- К. Мусаев (Москва). Б. Хасанов. Языки народов Казахстана и их взаимодействие 82
Э. А. Умаров (Ташкент). Я. Ш. Хертек. Тувинско-русский фразеологический словарь 83
А. Караев (Ашхабад). Д. Нуралыев. Чепер мазмунуң дифференцирлениш процеси 85
И. Г. Добродомов (Москва). Г. В. Лукоянов. Марийские заимствования в чувашском языке 86
Н. А. Баскаков (Москва). О. Я. Прик. Очерк грамматики карaimского языка 88
С. Г. Қляшторный, И. Е. Фадеева (Ленинград). «Turcica. Revue d'études turques» Tome VII 90
М. А. Хабичев (Карачаевск). Х. Данияров. Опыт изучения джекающих (кыпчакских) диалектов в сравнении с узбекским литературным языком 92

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Н. Беляева, Д. Васильев, Ю. Ли, Е. Маштакова, С. Орешкова, Р. Юсипова (Москва). 100-летний юбилей академика В. А. Гордлевского 95

PERSONALIA

<i>А. Н. Кононов</i> (Ленинград). Слово об Эрванде Владимировиче Севортяне	100
<i>Э. В. Севортян</i> (Москва). Фазыл Гарифович Исхаков	105

ХРОНИКА

<i>Л. С. Левитская</i> (Москва). Пятидесятилетие сектора тюркских и монгольских языков	108
«Вопросы синтаксиса узбекской разговорной речи»	109

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>N. Z. Gadjiyeva</i> (Moscow). On the tendencies in development of the morphological structure of the turkic languages	3
<i>G. P. Melnikov</i> (Moscow). Meanings and senses of the gagans verb in the simple borms of the Present and Future Tenses	16

LANGUAGES IN CONTACT

<i>Sh. Karimkhodjayev</i> (Nukus). On the assimilation of Karakalpak borrowings in the Russian language	28
<i>E. N. Repyeva</i> (Kamenets-Podolsk). On some turkizms in Russian and Ukrainian in the XV—XVI-th centuries	36

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

A. E. Martynytsev (Leningrad). On forms of parallelism in turkic verse	43
<i>S. N. Starostov</i> (Moscow). From the observations over language of prose of Nazym Hikmet	49

DISCUSSIONS

<i>S. N. Ivanov</i> (Leningrad). On the study of grammar of the turkic languages History and present	54
--	----

HISTORY OF NATIVE TURKOLOGY

<i>V. D. Arakin</i> (Moscow). V. A. Gordlevsky — investigator of turkic languages	67
<i>A. P. Baziants</i> (Moscow). V. A. Gordlevsky and reform of writing of turkic languages	75

REPORTS

<i>A. Akhundov</i> (Baku). Experience of phonetic generatization and grammatical description of the words mith the meaning of parts of the body in Azerbaijanian	78
--	----

REVIEWS

<i>K. Mysayev</i> (Moscow). Б. Хасанов. Языки народов Казахстана и их взаимодействие	82
<i>E. A. Umarov</i> (Tashkent). Я. Ш. Хертек. Тувинско-русский фразеологический словарь	83
<i>A. Karayev</i> (Ashkhabad). Д. Нуралыев. Чепер мазмунун дифференцирлениш процесси	85
<i>I. G. Dobrodomov</i> (Moscow). Г. В. Лукоянов. Марийские заимствования в чувашском языке	86
<i>N. A. Baskakov</i> (Moscow). О. Я. Прик. Очерк грамматики караймского языка	88
<i>S. G. Klyashstorny, I. E. Fadeyeva</i> (Leningrad). «Turcica. Revue d'études turques». Tome VII	90

<i>M. A. Khabichev</i> (Karachayevsk). <i>Х. Данияров. Опыт изучения джекающих (кыпчакских) диалектов в сравнении с узбекским литературным языком</i>	92
---	----

SCIENTIFIC LIFE

<i>N. Belyaeva, D. Vasiljev, Ju. Li, E. Mastakova, S. Oreshkova, R. Yusipova</i> (Moscow). Centennial of academician V. A. Gordlevsky	95
---	----

PERSONALIA

<i>A. N. Kononov</i> (Leningrad). The word on Ervand Vladimirovich Sevortyan	100
<i>E. V. Sevortyan</i> (Moscow). Fazyl Garifovich Iskhakov	105

CHRONICLE

<i>L. S. Levitskaya</i> (Moscow). Fiftieth anniversary of sector of turkic and mongol languages	108
«Problems of syntax of uzbek spoken language»	109

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются

Корректоры *Э. Я. Адиева, Ф. М. Джавадова, С. В. Лисицова*

Сдано в набор 23/XII 1976 г. Подписано к печати 11/IV. 1977 г. ФГ 03112. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 9,8. Усл. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 7029. Тираж 3085. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал